

жепы окоренной стороной вверх такие же крупные горбыли-подперечники. Они составляют плотный и прочный потолок погребальной камеры, на котором находился настил из 10-11 березовых бревен, затем забросанный большим количеством, видимо тоже березовых, веток. Ветки, вероятнее всего, предотвращали попадание в камеру земли. Торцовых плах не было. Могила имеет впускное погребение. Сама конструкция внутри ямы подготовлена для взрослого человека. Спустя некоторое время она была вскрыта. Основная часть скелета мужчины 30-35 лет вынута и на ее место положен ребенок 2,5-3 лет. Кости первого умершего были сложены в юго-западной части могилы после вторичного перекрытия камеры. Среди них найдены два одинаковых бронзовых изделия (рис. 3-24). Судя по сохранившимся костям голени и стоп первого скелета, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В аналогичной позе находился похороненный позже ребенок. Слева от ног взрослого стоял кувшинчик (рис. 4-16), второй сосуд лежал у левой руки ребенка (рис. 4-17). Следует отметить хорошую сохранность костей и черепа мужчины, уложенных на перекрытие и плохое состояние скелета ребенка и голени взрослого в погребальной камере. Это свидетельство относительной одновременности обоих захоронений.

Могила 12 размерами 2x1,5 м, глубиной 1,6 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. В юго-восточной стенке ямы вырублен подбой высотой 0,3 м и шириной 0,2 м. Стенки ямы укреплены рамой из приставленных друг к другу сосновых горбылей окоренной стороной наружу. Рама перекрыта березовыми горбылями. На поперечины уложено 6 березовых бревен. В подбой вставлена рама, но настил его не закрывает (рис. 2-6). На дне ямы (у юго-западной стенки) на подстилке из тонких досок лежал скелет женщины 20-25 лет, которая была уложена вытянуто на спине головой на СЗ. Слева от головы находились кости задней ноги барана, таза, крестца и 2 обломка железного предмета (ножа?). На костях правой кисти руки найдены 4 пастовые бусины (рис. 3-17). У левой голени находились бронзовые бляшки (рис. 3-16) и железный стержень. Здесь же стоял алтарь с бортиком на 4-х ножках (рис. 3-1) и сосуд с «ушками» для подвешивания, украшенный наклонными отпечатками гладкого штампа, разделенными прочерченными линиями (рис. 4-2). Под головой найдена золотая подвеска в форме лотоса из двух штампованных половинок, спаянных между собой и золотая серьга (рис. 3-19,9).

Могила 13 имела следующие размеры: 2,5x2,7 м, глубина 0,2 м от поверхности карьера. В яме были сделаны еще два углубления

прямоугольной формы (2,5×1 м), в которых находились погребения. Перекрытия каждой из этих камер было своеобразным (рис. 2-7).

Погребение 1. Дно погребальной камеры выстлано тонкими досками, на которых обнаружен скелет женщины 35-40 лет. Погребенная лежала вытянуто на спине, головой на ЮЗ. По обеим сторонам черепа найдены две схожие бронзовые серьги (рис. 3-12,13), к одной из которых подвешен стерженек, обвитый прокованной проволокой. В области шеи зафиксированы остатки железной гривны, квадратной в сечении, с уплощенными концами, без наверший (рис. 3-27). Слева от черепа обнаружена бронзовая булавка с шариком-навершием (рис. 3-23), а у плеча — небольшая круглая курильница, лежащая вверх дном (рис. 3-3) и крестец барана. Другой крестец овцы находился у кисти левой руки, отдельные позвонки и железный нож находились слева от черепа. У стопы правой ноги найдено пряслице (рис. 4-22).

Погребение 2. Дно камеры покрыто тонкими досками, на которых лежали кости скелета мужчины 40-50 лет, погребенного вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В ногах умершего находился развал крупного горшка (рис. 4-15) и небольшой банки. Слева от головы найдены железный нож и крестец барана, на груди — костяная подвеска (рис. 3-21).

Могила 14. Яма размерами 0,8×0,45 м и глубиной 0,4 м ориентирована СЮ. На дне ямы вытянуто на спине головой на С лежал погребенный ребенок, возраст которого 2 года. Находок нет.

Могила 15. Яма размерами 2,15×1,1 м и глубиной 1,1 м ориентирована ССЗ-ЮЮВ. Прослежены следы плохо сохранившегося деревянного перекрытия на глубине 0,9 м. По периметру ямы оставлен материковый уступ шириной 0,1-0,2 м. На дне могилы вытянуто на спине, головой на СЗЗ была погребена женщина 16-18 лет. Справа от головы находился кувшин с «ушками» для подвешивания и елочным орнаментом (рис. 4-20), второй сосуд небольших размеров найден у левого колена (рис. 4-12), там же лежала обломанная костяная пластина с отверстием (рис. 3-30). Под черепом найдена серьга (рис. 3-8) и лунница с двумя семячкovidными подвесками (рис. 3-11). У верхней части левого бедра лежал плохо сохранившийся железный нож.

Могила 16. Яма размерами 3,3×1,25 м, глубиной 1,3 м ориентирована СЗ-ЮВ. По ее периметру оставлен уступ шириной 0,25-0,3 м, на котором прослежен тлен от перекрытия. На дне могилы лежала погребенная женщина 18-20 лет вытянуто на спине. Слева от головы в углу ямы стоял горшочек (рис. 4-13), у левой ноги —

кувшин без орнамента (рис. 4–11). Бронзовая булавка (рис. 3–25) находилась у черепа. Кости задней ноги барана и части таза, а также остатки плохо сохранившегося железного ножа, зафиксированы слева от головы погребенной. У правой стопы лежал камень подтреугольных очертаний без следов обработки.

Могила 17. Захоронение ребенка около 2-х лет в яме размерами 1×0,75 м, глубиной 0,1 м, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Находок нет.

Могила 18. Полностью разрушена. Размеры и глубина не установлены. Примерная ориентация могильной ямы по линии ЮС.

В районе с. Вяткино в 1925 г. М.Д. Копытов обнаружил остатки разрушенного погребения. От сборов того времени в Бийском краеведческом музее сохранились только три наконечника стрелы (рис. 1–7). Все они разнообразной формы и не очень выразительны, чтобы уверенно отнести их к комплексу Усть-Иштовка 1. К сожалению другой документации, кроме описи коллекции № 9616 (старый инвентарный № 852) не сохранилось, не исключено, что М.Д. Копытов собрал остатки погребения, осыпавшегося в Обь и относящего к восточной части Усть-Иштовка 1 (рис. 1–1).

В сообщении Ю.П. Алехина об охранных раскопках на могильнике Усть-Иштовка 1 [3; с. 68] говорится о том, что В.Б. Бородаевым вскрыто 6 групповых погребений большереченской культуры (V–III вв. до н.э.), находившихся на мысу, а А.Л. Кунгуровым там же исследовались 12 могил этой же культуры (IV–III вв. до н.э.), но располагавшихся под одним курганом, причем сопроводительный инвентарь последних выделяется богатством и разнообразием. Таким образом, основываясь на том, что в V–I вв. до н.э. районы лесостепного Алтая заселяли оседлые племена большереченской культуры, различимые только по локально-территориальным признакам существования [2, с. 36–37], Ю.П. Алевин заключает, что все исследованные погребения могильника Усть-Иштовка 1 относятся к староралейскому (грунтовым) и каменскому (подкурганные) типам захоронений [3, с. 69]. Однако, деление на два типа погребения данного памятника, на наш взгляд, сомнительно, так как группировка могил исследованных В.Б. Бородаевым и Ю.П. Алевиным, находящихся вблизи (20–30 м) от раскопанного подкурганного комплекса захоронений, напоминает такое же компактное устройство, схожи они и по погребальному обряду и по инвентарю, а кажущаяся разница «в богатстве» объясняется количеством исследованных погребальных объектов и степенью их разрушения. Что касается утверждения Ю.П. Алехина о влиянии населения Горного Алтая в V–III вв. до н.э. на носителей культуры, оста-

вивших могильник Усть-Иштовка 1, основанного на констатации факта двух находок (костяная деталь ножей с изображением морды хищников и обломанной костяной пряжки с изображением головы архара), то подобный подход, на наш взгляд, ничего не определяет и не подтверждает. Эти вещи с таким же успехом могли попасть из любых других мест или изготовлены местным мастером и т.д. Тем более при детальном сравнении изображений, найденных в известных памятниках Горного Алтая скифского времени, с композицией на детали ножей из Усть-Иштовки, будет отмечено больше различий, чем сходства. Действительно, мотив изображения головы хищника был очень широко распространен в изделиях горноалтайских мастеров, среди них часто имеется реалистическое исполнение облика волка. Последнее связано, несомненно, с тем, что скотоводам волки наносили огромный ущерб в хозяйстве, и поэтому этот зверь изображался как ярый хищник со всеми известными деталями [28; с. 279]. Что касается изображения кошачьих голов, то почти на всех подчеркнуты огромные размеры клыкастой пасти со ртом, доходящем до ушей [там же, с. 282]. На вещи из Усть-Иштовки пасть зверя закрыта. Но не это главное. В Горном Алтае нам неизвестно ни одного подобного композиционного исполнения стилизованных голов кошачьего хищника как на изделии из могилы 10. Изображения горноалтайских мастеров более детализированные, реалистичные, несмотря на то, что кошачьи головы накладывались в разные заданные формы [27, 28]. Отличия также фиксируются и в манере исполнения художественного образа. Своеобразно отражены на изделии из Усть-Иштовки общие формы и конкретные детали определенных черт (глаза, нос, верхняя губа) кошачьего хищника. Возможно, данная композиция или отдельный образ были скопированы с какого-то оригинала, в результате чего появилось более стилизованное изображение, хотя нетрудно увидеть, что здесь запечатлены морды тигра, или, скорее всего, львицы, образ которых менее всего отражен в горноалтайских произведениях.

Что касается изображения архара на обломанной костяной пряжке из Усть-Иштовки [3], то оно также выполнено стилизованно, бездетально, чтобы говорить о каком-то непосредственном влиянии горноалтайского искусства, хотя, может быть, по композиционному решению при вкладывании в форму подпрямоугольной пластины образа данного животного имеет место и сходство. Не исключено, что и эта вещь является отражением копирования определенного изобразительного приема и образа.

В связи с этим, говорить об огромном влиянии племен Горного Алтая в скифскую эпоху на население, оставившего погребальный комплекс в Усть-Иштовке, на наш взгляд, представляется не реальным. Скорее всего, здесь отражены черты опосредованного взаимовлияния нескольких культур, существовавших в тот промежуток времени вблизи предгорий Алтая. Обозначенный последний географический район, уже начиная с VII-VI вв. до н.э., являлся своеобразной контактной зоной соприкосновения племен близлежащих территорий (Горный Алтай, лесостепное Приобье, Восточный Казахстан и др.), результатом чего стало смещение культурных традиций, которые трансформировались на проживающее там население. Вероятнее всего, именно с носителями предгорной быстрянской культуры усть-иштовцы имели непосредственные контакты.

Главной задачей этой статьи является публикация результатов исследований, проведенных в 1986 г., поэтому не будем подробно останавливаться на всех полученных материалах, хотя имеющих ряд специфических черт, все же большинство их находят многочисленные аналогии. В памятниках так называемого локально-территориального варианта каменной (большереченской) культуры [18, с. 118] и сопредельных территорий. Сейчас подобных Усть-Иштовскому могильнику известно большое количество в лесостепном Барнаульском Приобье: (Камень II, Раздумья IV, VI, Дресвянка I, Зайцево II, Масляха I, II, Рогозиха I, Новотроицкое I, II, Андронов I, VI, Кочки, Гоньба, Таскаево, Соколово III, Займище, Елунинский и другие [20, 24, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 43 и др.]), в Кулунде (Михайловский VI [42]; Кирилловка III [18] и др.), в Новосибирском Приобье (Н. Шаран I, II, Ордынское I, Быстровка I, III [31, 18] и другие).

Наличие могильника Усть-Иштовка в найденном месте отражает юго-восточную границу бытования носителей каменной культурной традиции в конце IV-III вв. до н.э., начавших сливаться со староалейским племенем. Причем проникновение в эти районы Приобья в данное время проходило мирным путем, на что косвенно указывает отсутствие предметов вооружения.

Зафиксированные погребальный обряд, устройство и конструкции погребальных сооружений характерны для перечисленных выше приобских могильников [15, с. 46-47], а публикуемый предметный комплекс имеет типы вещей, которые бытовали в лесостепных районах Алтая в V-III вв. до н.э., а некоторые использовались и позже в II-I вв. до н.э.

Наиболее представительным и многоликим материалом, который найден в могилах Усть-Иштовки, являются керамические со-

суды (рис. 4). Аналогии этим изделиям многочисленны и находятся в известных близлежащих памятниках раннего железа Верхней Оби [4, табл. XXII—6,9; XXV—10 и другие; 5, рис. 2-1,3 и т.д.], а также в вышеперечисленных курганных могильниках. Но имеются определенные особенности найденных в Усть-Иштовке сосудов. Во-первых, отсутствуют валик и имитация швов в орнаментации, во-вторых, нет отражения форм используемых кочевниками кожаной и деревянной посуды. Как правило, наличие подобных черт в керамике связывается с влиянием населения Восточного Казахстана и других степных районов [20, с. 91]. В некоторых горшках из Усть-Иштовки имеются отверстия или налепные «ушки» с отверстием для подвешивания. О староалейском компоненте керамического комплекса Усть-Иштовка свидетельствует форма некоторых сосудов (рис. 4-2,4,8,13,15,16,19), а также присутствие характерных мотивов староалейской орнаментации — жемчужник, елочка. Эти орнаменты крайне редки в курганных погребениях [1]. Причем проникновение в эти районы Приобья в данное время произошло мирным путем, на что косвенно указывает отсутствие предметов вооружения.

Достаточно многочисленную группу составляют найденные в могилах курильницы, отличающиеся друг от друга (рис. 3-1-5). В научной литературе подобные вещи именуются по-разному. Так, обнаруженные такие изделия в Горном Алтае С.И. Руденко называл каменными жировыми светильнями [27, с. 81-82, рис. 33]. Такая «светильня» найдена во втором Пазырыкском кургане, датированном второй половиной V в. до н.э. [14, с. 10]. Она аналогична нашему изделию из могилы 12, а каменная «светильня» из Каракольского кургана [28, рис. 5-М] схожа с предметом из могилы 7. А.П. Уманский называет подобные изделия алтариками и относит их к предметам культового назначения («предметы культа семейных богов, вроде домовых»), отмечая, что на изделиях ни нагара, ни жира, ни следов краски не обнаружено [39, с. 55]. Используются и другие наименования: курильница-алтарик, плошка-алтарик [35, с. 38]. Однако более распространенный термин для обозначения таких вещей из камня или глины, как «курильница». Найдено их на Алтае уже огромное количество [42, с. 65-66 и др.], они имеют разнообразие форм и отделки, поэтому требуется отдельное исследование этой категории вещей, разработки типологической классификации и широкой интерпретации подобных изделий. Сейчас стоит только отметить, что каменные курильницы на Алтае датируются в рамках VI-II вв. до н.э., наибольшее распространение фиксируется в курганах каменной культуры IV-II вв. до н.э.

Найденные украшения в могилах Усть-Иштовки имеют большое количество аналогий. Подобные серьги, сделанные из бронзовой или золотой проволоки, свернутой в кольцо с петелькой внизу — обычное украшение скифской эпохи [6, с. 68, рис. 7-13, 14; 4, табл. XXVI-3, 4; 9, с. 45-50; 11, табл. XXVIII, XXIX, X III; 27, табл. XXVII-3 и мн. другие]. Серьги с оформленными стерженьками — это явление, отражающее традиции позднескифского времени и наиболее широко распространены в III-II вв. до н.э. [29; 37, рис. 1-3, 4, с. 108; 40, рис. 3-4, с. 123 и другие]. Подвески в виде лунницы и лотоса, также характерны для скифского времени Алтая [11, табл. XX].

Что касается формы, конструкции и принципам креплений ножен для кинжала, деталь которых сделанная из рога, найдена в Усть-Иштовке, часто встречены при исследованиях погребений в Горном Алтае и датируются IV-II вв. до н.э. [10, 11, 12]. Миниатюрные кинжалы, для которых делались подобные ножны, известны в позднепазырыкских курганах III-I вв. [10, с. 51]. Находка изделия в Усть-Иштовке у бедра погребенного еще раз подтверждает реконструированный В.Д. Кубаревым способ крепления ножен такого типа [там же, с. 52].

Найденные в могилах 9 и 13 (погребение 2) три подвески (рис. 3-20, 21), так называемые «костыльки», являются одними из хронологических показателей. Данный тип изделий встречается преимущественно в погребениях и местонахождения их там различно (у головы, в районе пояса, у ног и т.д.). До сих пор неясно, для каких целей изготовлялись и как использовались эти вещи. На сегодняшний день бронзовых и костяных подвесок — «костыльков» больше всего известно из памятников лесостепного Алтая: Березовка 1 (3 шт.) [26, рис. 6-10, 11, 12, с. 85-87], Бийск 1 (4 шт.) [5, рис. 4-13-16, с. 99-101], Сростки II (1 шт.) [7, с. 51-53], Алферовский (?) (1 шт.) [26, с. 86], Аэродромный (6 шт.) [13, рис. 2-5-10, с. 81, 85, 87], Раздумье IV [24, рис. 8-10, с. 54], Масляха I (2 шт.) [20, рис. 6-4, 17, с. 78-79], Масляха II (1 шт.) [36, рис. 1-Н, с. 98], Михайловский VI (1 шт.) [42, рис. 2, с. 65-66], Рогозиха 1 (3 шт.) [39, рис. 6-6, рис. 5-1, 2, с. 54, 58], Ново-троицкое 1 (1 шт.) [37, рис. 1-2, с. 107] и другие [41, рис. 2-4, 5, с. 95-96]. Найдены такие изделия в Горном Алтае: Кайнду (1 шт.) [22, рис. 6-8, с. 249-250], Барбугазы 1 (2 шт.) [12, рис. 25-6, 7, с. 85-86], Туекта [8, табл. XXVIII-15, с. 171-172 или 25, рис. 7-Ж, с. 19-20], а также в памятниках сопредельных территорий: Тува, Казахстан, Монголия [12, с. 86], в Новосибирском Прибыье [31, рис. 2-12, с. 34-37] и в Барабе [25, рис. 47-22, 23,

с. 83]. Первое объяснение «костылькам» дает в своем отчете о раскопках в 1930 г. на могильнике Березовка 1 С.М. Сергеев, называя их так: «язычки от пряжек» и «толстая бронзовая игла». В.И. Полторацкая, отмечая характер стертости петелек бронзовых «костыльков» от употребления в подвешенном состоянии, приводит таким вещам широкий круг аналогий, датирует второй половиной I тыс. до н.э., считает, что они, скорее всего, использовались в качестве амулетов и констатирует ограниченное число находимых в могилах таких подвесок (не более 3-х экземпляров) [26, с. 86–87]. М.П. Завитухина относит «бронзовые стерженьки с отверстием в верхнем конце» к числу предметов неизвестного назначения, довольно часто встречающихся в курганах V–I вв. до н.э., заметив, что их местонахождение в ненарушенных могилах — у пояса погребенного, а один из известных ей костыльков, был найден с продетым в отверстие ремешком [5, с. 100–101]. В.Д. Кубарев считает, что две бронзовые подвески в виде «костыльков», найденные в кургане 26 могильника Бабугазы 1, имеющие округлую петлю в верхней части и выемку-перехват в средней, использовались в качестве застежек [12, с. 86]. При этом исследователь без спосок на источники отмечает, что «подобного типа “костыльки” находят в более ранних комплексах скифской эпохи (VI–IV вв. до н.э.), а другие, с гладким каплевидным стержнем, нередко изготовленные из кости, относятся к более позднему времени» [там же]. Он также определяет еще одну особенность таких находок: чаще всего в погребениях встречаются парами, а реже в одном или трех экземплярах [там же]. А.П. Уманский костыльки-подвески относит к украшениям или предметам культового назначения (амулет?) [39, с. 54]. В.А. Могильников, А.П. Уманский подобное костяное (полированное) изделие из могильника Масляха 1 считают копоушкой (?) и датируют весь погребальный комплекс III–II вв. до н.э. [20, с. 79]. В курганном могильнике Кайнду (Горный Алтай) костяной костылек, по-видимому, висел на шее погребенного и найден рядом с гривной [22, рис. 6]. Н.Л. Членова предполагает, что такие изделия как бронзовые «костыльки» могут быть подвесками на конской сбруе [41, с. 95–96], а Э.А. Новгородова обозначила их как бронзовые пряжки [23, с. 286]. Большинство же исследователей склонны считать подобные предметы подвесками, не называя более точного назначения [40, 42 и другие].

«Костыльки» имеют поразительное многообразие форм и различных частей этих предметов. Разработка типологической классификации такой довольно своеобразной группы изделий скифской эпохи не входит в задачу данной публикации. Это предстоит

сделать в дальнейшем. Стоит только отметить, что существуют довольно жесткие границы бытования «костыльков» с V по II вв. до н.э. в лесостепной зоне Алтая. Вероятнее всего они имели многофункциональное назначение, а, кроме этого, являлись, на наш взгляд, одной из характерных черт культуры равнинного железа лесостепного Алтая. Анализ соотношения находок костыльков и пола умерших позволяет утверждать их принадлежность мужскому костюму. Не исключена их фаллическая символика.

Костяная пряжка из могилы 4 схожа по форме и наличию отверстий со многими изделиями скифской эпохи из набора седельных украшений (подвесной щиток, седельная подвеска, подвесная бляха) [27, с. 168, 196, 219, рис. 105, 119, 133, табл. IX], а также с пластинчатыми (часто парными) пряжками поясного набора, характерными для Тувы, Монголии, найденными в Горном Алтае [11, рис. 21-1,2, с. 86-87]. Известны подобные вещи из Приобья, обнаруженные в могильнике Масляха 1, датированном исследователями III-II вв. до н.э. [20, с. 91, рис. 3-8,9]. Изделие из Усть-Иштовского могильника однако своеобразно тем, что имеет скрытые отверстия в утолщенной торцевой стенке основания. Кроме того, внешняя поверхность пряжки украшена прочерченными волнистыми линиями (рис. 1-3).

Обломанной костяной накладке из могилы 15 (рис. 3-30) имеется очень схожая вещь из могильника Быстровка 1, датированного III-II вв. до н.э. [31, рис. 2-18, с. 34-35, 42], которую Т.Н. Троицкая считает деталью защитного вооружения, прикреплявшейся к железной основе. Хотя, на наш взгляд, интерпретация такого изделия может быть иной, так как панцирные пластины имеют несколько групп отверстий, а не одно. Следует обратить внимание на нарезку на концевой жести и усть-иштовской и быстровской пластины. Скорее всего они предназначены для зацепа ремня или шнура, что характерно, скорее, для пряжки или застежки.

Проведенный анализ находкам из могильника Усть-Иштовка позволяет определить датировку сооруженного памятника концом IV-III вв. до н.э. и предполагает дальнейшее более подробное изучение всех категорий вещей и зафиксированного погребального обряда.

Примечания

1. Абдулганеев М.Т., Алехин Ю.П., Иванов Г.Е., Кунгуров А.Л. и другие. Работы Алтайского госуниверситета // Археологические открытия 1986 года. — М., 1988. — С. 202-206; Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В. Староалейская культу-

- ра // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск, 1994. — С. 52–55.
2. Алехин Ю.П. Лесостепной Алтай в скифское время (V–I вв. до н.э.) // Скифская эпоха Алтая (тезисы докладов к конференции). — Барнаул, 1986. — С. 36–37.
 3. Алехин Ю.П. Охранные раскопки на могильнике Усть-Иштовка 1 // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Материалы конференции. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 68–68, рисунок.
 4. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА № 48. — М.-Л., 1956. — 160 с.
 5. Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. Вып. 3. — Л., 1961. — С. 89–108.
 6. Завитухина М.П. Курган у с. Быстриянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 году) // АСГЭ. Вып. 8. — Л., 1956. — С. 61–78.
 7. Завитухина М.П. Курганный могильник Сростки II на Алтае // СГЭ. Вып. 27. — Л., 1966. — С. 51–53.
 8. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9. — М.-Л., 1949. — 364 с.
 9. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. — Новосибирск, 1979. — 120 с.
 10. Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С. 29–54.
 11. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. — Новосибирск, 1991. — 190 с.
 12. Кубарев В.Д. Курганы Саймогема. — Новосибирск, 1992. — 220 с.
 13. Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Раскопки могильника Аэродромный // Археология и этнография Алтая. — Барнаул, 1982. — С. 77–89.
 14. Марсадоллов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1985. — 16 с.
 15. Могильников В.А. О культурах западно-сибирской лесостепи раннего железного века (итоги и проблемы изучения) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. — Кемерово, 1980. — С. 41–50.
 16. Могильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая (тезисы докладов к конференции). — Барнаул, 1986. — С. 29–32.

17. Могильников В.А. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. — Тюмень, 1989. — С. 62–77.
18. Могильников В.А., Телегин А.Н. Кирилловка III — могильник эпохи раннего железа на севере Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 107–120, 219–221 (рисунки).
19. Могильников В.А., Телегин А.Н. Аварийные исследования курганного могильника Зайцево-2 // Охрана и исследования археологических памятников Алтая (тезисы докладов и сообщений к конференции). — Барнаул, 1991. — С. 115–119.
20. Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Масляха 1 по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 69–93, 198–208 (рисунки).
21. Могильников В.А. О савромато-сарматской миграции в лесостепь и степь Обь-Иртышского междуречья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. — Вып. 5. 4. II. — Барнаул, 1995. — С. 106–109.
22. Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуни. — Новосибирск, 1990. — С. 242–270.
23. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. — М., 1989. — 384 с.
24. Памятники истории и культуры северо-западного Алтая. — Барнаул, 1990. — 132 с.
25. Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. — Новосибирск, 1987. — 144 с.
26. Полторацкая В.Н. Могильник Березовка 1 // АСГЭ. Вып. 3. — Л., 1961. — С. 74–88.
27. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М.-Л., 1953. — 402 с., таблицы.
28. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.-Л., 1960. — 361 с., таблицы.
29. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1992. — 493 с.
30. Телегин А.Н. Находки скифского времени из музея с. Ключи // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Тезисы. Ч. 1. — Барнаул, 1993. — С. 175–178.

31. Троицкая Т.Н. Могильник Быстровка 1 как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 31–50.
32. Уманский А.П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннежелезного века в лесостепном Алтае // Барнаулу 250 лет. Тезисы докладов и сообщений к научной конференции (1–2 июля 1980 г.). — Барнаул, 1980. — С. 50–53.
33. Уманский А.П. Новые материалы из Новотроицкого могильника (по раскошкам 1983 года) // Проблемы древних культур Сибири. — Новосибирск, 1985. — С. 128–134.
34. Уманский А.П. К вопросу о периодизации большереченской культуры // Скифская эпоха Алтая (тезисы докладов к конференции). — Барнаул, 1986. — С. 32–36.
35. Уманский А.П. К вопросу о культурном взаимодействии горных и лесостепных племен Алтая в эпоху раннего железа // Проблемы истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1987. — С. 35–54.
36. Уманский А.П., Телегин А.Н. Аварийные исследования курганного могильника Масляха-2 // Охрана и использование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и материалов к конференции). — Барнаул, 1990. — С. 96–99.
37. Уманский А.П. Аварийные раскопки курганов в пункте Новотроицкое 1 в 1987 году // Охрана и исследование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и сообщений к конференции). — Барнаул, 1991. — С. 104–108.
38. Уманский А.П. Раскопки курганов группы Новотроицкое II в 1987 году // Охрана и исследование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и сообщений к конференции). — Барнаул, 1991. — С. 107–114.
39. Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскошкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 51–59, 186–194 (рисунки).
40. Уманский А.П., Телегин А.Н. Два кургана раннескифского века близ села Дресвянка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. Вып. 5. 4. П. — Барнаул, 1995. — С. 119–123.
41. Членова Н.А. Алтайские бронзы раннескифской эпохи из собрания ГИМа // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. Вып. 5. 4. П. — Барнаул, 1995. — С. 104–108.

42. Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 60–68, 195–197 (рисунки).
43. Шамшин А.Б., Навротский П.И. Курганный могильник Рогозиха 1 // Скифская эпоха Алтая (тезисы докладов к конференции) — Барнаул, 1986. — С. 104–106.

М.Т. Абдулганеев

**О хозяйстве населения
лесостепного и предгорного Алтая
в скифское время**

Для степного, лесостепного и предгорного Алтая в настоящее время выделены, соответственно, каменная [15, 22], староалейская [4] и быстрианская [10] культуры. Анализу их происхождения, контактов, ареалу распространения, хронологии, социальной организации, орнаментации керамики посвящено множество работ; опубликованы десятки погребальных и поселенческих комплексов. Несколько в стороне остается вопрос о хозяйственной деятельности населения Алтая, в особенности это относится к староалейской и быстрианской культурам. И причины здесь достаточно объективны. Поселенческие комплексы этого периода Алтайского Приобья стали интенсивно исследоваться только последние 10 лет и большая их часть не опубликована. Помимо этого, несмотря на значительную вскрытую площадь целого ряда памятников, на многих из них костяные остатки не сохранились, а на других перепаханы с более ранними или более поздними материалами. В настоящей работе мы будем касаться только староалейской и быстрианской культур. Во-первых, потому, что именно с этих поселений происходит наиболее массовые и чистые материалы, во-вторых, в связи с тем, что хозяйство каменной культуры в Новосибирском Приобье уже достаточно полно освещено, а по Алтайскому сведениям пока нет.

В географическом отношении ареалы распространения быстрианской и староалейской культур существенно отличаются друг от друга. В приобской зоне широкие пойменные луга сочтаются с массивом Обского бора, достаточно сильно развита речная система. В предгорьях пойменные и лесные участки меньше, а междуречья остепнены. Климат здесь более мягкий и количество годовых осадков наибольшее, особенно в Присалаирье. В целом оба географических района пригодны для занятий скотоводством и земледе-

лием, но в Приобье (староалейская культура) лучшие условия для охоты и рыболовства. Поселения староалейской культуры (известно более 100 пунктов) находятся главным образом на правобережье Оби. Они располагаются как на пойменных останцах, так и на коренных берегах, но на расстоянии не далее 5–7 км от поймы. Исключение составляют только памятники оз. Иткуль, расположенного на юго-восточной кромке Обского бора. Быстрянские поселения (около 90 пунктов) расположены в основном по крупным рекам (Обь, Бия, Катунь, Иша, Песчаная), реже по их более мелким притокам. Для них более типичен, чем для староалейских, мысовой характер расположения. Для тех и других памятников характерно не только стремление иметь удобный выход к большой воде, но и близость лесных массивов и обширной поймы. Объяснение этому следует искать прежде всего в системе ведения хозяйства.

Основой для реконструкции хозяйственной деятельности является анализ остеологических материалов. Такие материалы имеются с целого ряда поселений приобской и предгорной зоны, но, к сожалению, в силу малой выборки, большая их часть непригодна для статистической обработки. Даже в тех случаях, когда костные остатки представлены достаточно полно, статистика возможна только по количеству костей, но не по числу особей. Вместе с тем, сравнение данных процентного соотношения животных по количеству костей и по числу особей с поселения Малый Гоньбинский Кордон 1 (МГК-1) свидетельствуют об их несущественных различиях.

Только на 7 частично опубликованных [2, 3, 5, 6] быстрянских и староалейских поселениях остеологические материалы достаточно чисты и представительны (количество определяемых костей более 200, см. табл. 1,2). Эти памятники располагаются в разных географических зонах и относятся к различным историческим периодам. Поселения Точильное 1, 3, 8, 10 находятся на р. Песчаная, в ареале распространения быстрянской культуры, Фирсово 4, 10 и МГК-1 — на правобережье Оби и являются староалейскими. К периоду V–III вв. до н.э. относятся Точильное 1, Фирсово 10 и, может быть, Точильное 8 и Фирсово 4. III–I вв. до н.э. датируются МГК-1 и Точильное 10 и, вероятно, Точильное 3. Все памятники вскрыты достаточно большими площадями и почти на всех выявлены жилые и хозяйственные постройки. Культурные слои их нельзя назвать сильно насыщенными: от 2 до 8 фрагментов керамики на 1 м². Большая часть находок происходит из жилищ, хозяйственных построек и ям, зольников. Вместе с тем, имеются как поселения с более насыщенными слоями, так и кратковременные стоянки. В тех микрорайонах, которые изучены достаточно хоро-

шо (Фирсово, Точильное, Иткуль, Березовка и др.) на два-четыре стационарных поселка приходится восемь-двенадцать стоянок. В целом по насыщенности культурных слоев поселения скифского времени отличаются как от предшествующих (ирменская, больше-реченская), так и последующих (кулайская, майминская) по времени культур.

При анализе остеологических материалов (табл. 1,2) бросается в глаза то, что основная их масса принадлежит домашним животным (все определения А.В. Гальченко). Исключение единственное — Фирсово 10, но и здесь костей домашних животных больше, чем диких. Поэтому вполне резонно сделать вывод о преобладающей роли скотоводства в хозяйстве староалейской и быстрианской культур. Различия между отдельными памятниками в целом не существенны, и не могут быть объяснены ни их хронологией, ни культурной принадлежностью.

Процентное соотношение костей домашних животных (табл. 2) свидетельствует о доминировании в стаде крупного рогатого скота. К сожалению, данные по возрастному составу забиваемых животных отсутствуют. Тем не менее, при подсчете реального соотношения животных в стаде по методике Ю.А. Краснова [14, с. 143] оказывается, что на большей части поселений доля крупного рогатого скота достигает 43–53%, а на Точильном 3 и Фирсово 10, соответственно, 66 и 70%. Второе место в реальном стаде занимала лошадь; ее роль в ряде случаев была равна роли крупного рогатого скота, в других (Точильное 3, Фирсово 4, Фирсово 10) меньше ее.

Мелкому рогатому скоту в стаде принадлежал меньший удельный вес; только на Фирсово 4 его доля превышает 20%. Разводили его явно для получения шерсти и шкур; кости овцы встречаются в большем количестве, чем кости козы (табл. 1). Значительная, а иногда и преобладающая роль в стаде крупного рогатого скота говорит о прочной оседлости населения, а большая роль помимо этого и лошади скорее всего свидетельствует в пользу его мясо-молочной направленности. Такому выводу не противоречат ни костные материалы поселения Майма 3 [7] — с учетом применения методики Ю.А. Краснова, ни материалы других памятников, давшие меньшее количество материалов. Дополнительным и бесспорным свидетельством прочной оседлости населения быстрианской и староалейской культур могли бы быть кости свиньи. К сожалению, очень сложно определить, принадлежат ли кости домашней особи (свиньи) или дикой (кабан).

В летнее время скот отгоняли из стационарных поселков на пастбища; как свидетельство этого можно рассматривать по крайней

мере часть стоянок. Как предполагал М.П. Грязнов [9, с. 98], выпас скота могли вести пастухи, а в этом им помогали собаки, кости которых найдены на большей части поселений. Зимой, в силу низких температур и, особенно, значительного снежного покрова, скот находился в поселке, может быть на стойловом содержании. Требовалась и заготовка кормов на зиму. Животноводство доставляло жителям других поселков основное количество мясной пищи; охота имела только подсобное значение. Молоко перерабатывалось в творог и сыр; явным свидетельством этого является находка на поселении Точильное 3 сосуда с отверстиями в днище [14, с. 113]. Для приготовления масла могли использоваться горшки со сливом в средней части [14, с. 114], найденные на целом ряде поселений и бочонковидные сосуды.

Другим важным занятием являлись охота и рыболовство. Вместе с тем, количество костей диких животных незначительно и только на Фирсово 10 достигает 22% (табл. 1). Скорее всего, это объясняется сезонным (летним?) характером этого памятника. Явное предпочтение отдавалось охоте на крупных мясных животных — лося, косулю, кабана. Их мясо было существенным подспорьем в увеличении мясного рациона древних насельников Алтая. Кости, рога и шкуры, наряду с таковыми домашних животных, служили для изготовления одежды, орудий труда и других изделий. Вероятно, не меньшее значение имела и охота на пушных зверей, шкурки которых могли служить и для обмена с соседями. Как в Приобье, так в предгорьях предпочтение отдавалось лисе и, в меньшей степени — бобру, барсуку и зайцу. Находки костей бобра на ныне остепненных участках у р. Песчаная свидетельствует о более заселенном характере этой местности в скифское время. Охота велась и на птиц, кости которых найдены на трех поселениях. Методы ее были, преимущественно индивидуальными, и не могли быть другими в условиях лесных массивов и больших пойменных участков. Только в остепненной части предгорий могли применяться коллективные способы охоты.

Значительно меньшее значение имело рыболовство. Костей рыб мало (табл. 1) и в равной степени они встречены как в предгорьях, так и в Приобье. Только на поселении Фирсово 10, о сезонном характере которого уже говорилось, их достаточно много. Отсутствие находок рыболовных крючков и наличие на поселениях керамических и каменных грузил говорит о сетевом его характере, хотя нельзя исключить и применение других способов (цокол, лучение, запоры и т.д.).

Распределение остеологических находок
на поселениях быстрянской и староалейской культур
(числитель — количество определяемых костей,
знаменатель — минимальное число особей)

	Точиль- ное 1	Точиль- ное 3	Точиль- ное 8	Точиль- ное 10	Фир- сово 4	Фир- сово 10	МГК-1
к.р.с.	158/14	364/20	245/19	60/10	104/8	86/9	607/61
овца	94/5	224/13	55/7	45/4	116/11	8/2	237/19
коза	29/4	47/3	29/4	8/1	7/2	—	51/5
лошадь	226/16	115/7	325/25	76/8	97/8	46/5	551/48
собака	11/2	26/3	—	2/1	—	—	11/2
всего домашних животных	516/41	776/46	654/55	191/24	324/29	140/16	1457/ 135
свинья- кабан	14/2	6/1	15/2	4/1	—	—	48/3
лось	19/3	3/1	17/2	—	16/2	10/2	42/3
косудя	11/2	30/2	27/3	7/1	—	20/3	21/2
благор. олень	—	2/1	12/1	—	—	—	13/2
барсук	5/2	—	—	—	—	—	7/2
волк	—	—	—	—	—	—	3/1
сурок	—	—	—	—	1/1	—	—
заяц	2/1	7/2	—	—	—	—	—
лиса	5/2	3/1	9/1	—	7/2	4/2	9/3
бобр	43/5	—	—	4/1	—	11/2	—
ласка	—	1/1	—	—	—	—	—
хорек	—	—	—	—	—	3/1	—
птица	4/?	19/?	—	—	—	—	21/?
рыба	1/?	10/?	—	—	—	27/?	11/?
общее кол-во	624/60	857/57	734/64	206/27	348/34	215/27	1632/ 153

Соотношение видов домашних животных по материалам поселений быстрианской и староалейской культур (в %)

		То- чиль- ное 1	То- чиль- ное 3	То- чиль- ное 8	То- чиль- ное 10	Фир- сово 4	Фир- сово 1	МГК- 1
Всего костей домашних животных		82,9	90,5	89,7	92,7	95,8	65,1	89,2
к. р. с.	на посе- лении	31,3	48,5	37,4	31,8	32,0	61,4	42,1
	в стаде	42,5	66,0	47,0	43,9	46,6	69,5	53,9
м. р. с.	на посе- лении	24,3	36,2	13,0	27,9	38,0	5,8	19,7
	в стаде	12,3	18,5	6,1	14,4	20,7	2,6	9,4
л о ш я д ь	на посе- лении	44,4	15,3	49,6	40,3	30,0	32,8	38,2
	в стаде	45,2	15,5	46,9	41,7	32,7	27,9	36,7

О наличии земледелия имеются только косвенные данные, поскольку орудий, типичных для этого вида хозяйства, не обнаружено. Тем не менее, условия для его возникновения существовали: благоприятные экологические условия и оседлость населения Приобья и предгорий в скифское время. На целом ряде поселений найдены либо целые зернотерки и куранты (Точильное 1,7, Фирсово 10, Заречное), либо их обломки. Многие экземпляры сломаны из-за сильной работанности. Размеры зернотерок достигают 57×24×5 см, курантов — 30×11×3 см. Эти размеры являются оптимальными при работе [14, с. 83–84] и некоторыми исследователями считаются бесспорным свидетельством наличия земледелия [18, с. 63–64; 23, с. 57–58]. Помимо этого, при бинокулярном изучении керамики (проведено Н.Ф. Степаповой) в трех образцах с поселений скифского времени Солонцы 1, Точильное 8 и Фирсово 6 обнаружены зерна злаков, может быть культурных. Все это позволяет считать земледелие

лие весьма вероятной, хотя и второстепенной отраслью хозяйства как у быстринцев, так и у староалейцев.

Об остальных видах хозяйственной деятельности уже имеются специальные работы: металлургия и металлообработка, домашние производства (изготовление керамики, обработка камня, кожи, кости) [5, 9, 11, 17]. Хотелось бы остановиться на двух моментах. Мнение об использовании для изготовления бронзовых предметов в Верхнем Приобье только разовых глиняных форм [21, с. 54] не подтвердилось: на поселении Быково 3 была найдена каменная литейная форма для отливки ножа. Знание различных способов изготовления металлических орудий свидетельствует о высоком уровне бронзолитейного производства. Бинокулярное изучение керамики фирсовской (староалейская культура) и точилинской (быстринская культура) групп поселений, показало, что в качестве отощителя в первом случае использовался шамот, во втором — дресва. Отчасти это может быть объяснено отсутствием сырьевой базы (камень) на Верхней Оби, но симптоматично в данном случае использование в качестве отощителя дресвы на поселениях каменной культуры [16, с. 46], располагающихся, как и староалейские, в приобской зоне.

В целом хозяйство носителей староалейской и быстринской культур может быть охарактеризовано как оседлое скотоводческое при определенной роли охоты, рыболовства, земледелия и высоком уровне развития металлургии и домашних производств. Сравнение его с хозяйством как предшествующих, так и последующих культур, показывает значительное их несходство: в одних случаях наряду со скотоводством существенное значение имели охота и рыболовство [11, с. 176–177; 12, с. 139–140; 20, с. 55], в других — земледелие [1, с. 4; 12, с. 141–142; 18, с. 63–64]. Несколько отличается и система хозяйства населения Горного Алтая скифского времени, реконструированная на материалах скотоводческих поселений. В отличие от приобской и предгорной зон, там, в стаде, ведущее значение имела лошадь, а уже меньшее — мелкий и крупный рогатый скот [8, табл. 2, 4, 5, с. 52–54].

Близкое сходство имеет система ведения скотоводческого хозяйства у жителей поселков культуры великой керамики [12, с. 140]. Почти идентичная нашей картина обнаруживается на части поселений каменной культуры Новосибирского Приобья и Барабинской лесостепи [17, табл. 1; 21, табл. 5]. Это может быть объяснено как общностью исторических судеб, так и сходной экологической обстановкой.

Примечания

1. Абдулганеев М.Т. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Тезисы докл. — Томск, 1993. — С. 3–5.
2. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Статистическая обработка керамики и периодизация поселений лесостепного и предгорного Алтая 2 пол. I тыс. н.э. // Проблемы хронологии в археологии и истории. — Барнаул, 1991. — С. 93–107.
3. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А., Неверов С.В. Новые исследования на р. Песчаной // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Тезисы докл. и сообщ. к конф. — Барнаул, 1991. — С. 58–62.
4. Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В. Староалейская культура // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Сб. тезисов — Горно-Алтайск, 1994. — С. 52–55.
5. Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю. Каменные орудия с поселений раннего железного века лесостепного и предгорного Алтая // Культура народов евразийских степей в древности — Барнаул, 1993. — С. 191–202.
6. Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. Аварийные раскопки у с. Точильное // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Тезисы докл. и матер. к конф. — Барнаул, 1990. — С. 99–104.
7. Гальченко А.В., Полосина Я.В. Анализ остеологических материалов с поселения Майма 3 // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докл. XXXII РАСК — Томск, 1992. — С. 54–56.
8. Гальченко А.В., Шульга П.И. К вопросу об интерпретации костных остатков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 94–106.
9. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — МИА № 48. — М.-Л., 1956. — 225 с.
10. Киреев С.М. Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конф. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 55–56, III.
11. Киреев С.М., Баженов А.И., Музыка С.А., Тулинов А.В. Минералого-петрографические особенности керамики поселений

- Нижней Катуни // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1988. — С. 91–108.
12. Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Удодов В.С., Шамшин А.Б. Хозяйственно-культурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тезисы докл. и сообщ. к конф. — Барнаул, 1988. — С. 138–142.
 13. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Елунинское культовое место // Культура народов евразийских степей в древности. — Барнаул, 1993. — С. 161–180.
 14. Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы (III тыс. до н.э. — I пол. I тыс. н.э.) — М, 1971. — 168 с.
 15. Могильников В.А. О культурах западно-сибирской лесостепи раннего железного века // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы конф. — Кемерово, 1980. — С. 41–50.
 16. Новиков А.В. Рецептура формовочных масс керамики эпохи раннего железа лесостепного Обь-Иртышья // Проблемы археологии степной Евразии. Тезисы докл. Часть 2. — Кемерово, 1987. — С. 46–48.
 17. Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа — Новосибирск, 1987. — 144 с.
 18. Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеозкономика Сибири. — Новосибирск, 1986. — С. 54–66.
 19. Сидоров Е.А. Источники по металлургии лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // Источники и историография. Археология и история. — Омск, 1987. — С. 19–27.
 20. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье // Новосибирск, 1979. — 124 с.
 21. Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. — Новосибирск, 1994. — 184 с.
 22. Уманский А.П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннего железного века в лесостепном Приобье // Барнаулу 250 лет. Тезисы докл. и сообщ. к конф. — Барнаул, 1980. — С. 50–53.
 23. Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск, 1994. — С. 48–61.

Т.Н. Троицкая

Местные пояса населения верхнеобской культуры

С VII–VIII вв. до н.э. у населения степных и лесостепных просторов Евразии распространяются пояса общего южного (тюркского) типа с накладными бронзовыми бляхами, они вытеснили разнообразные местные пояса, которые позже продолжали сохраняться лишь в отдельных случаях. На протяжении всего времени своего бытования пояса имели конкретные социальные, сакральные и бытовые функции [1, 2].

В археологической литературе неоднократно публиковались пояса тюркского типа, а местные оставались в тени. Опубликован лишь один тип пояса — с накладными пластинами [3]. По своему функциональному назначению все пояса делились на две группы. Первая — это твердые пояса с широким ремнем, укрепленные берестой и предназначенные для стягивания толстой верхней (зимней) одежды. Вторая группа представлена узкими и гибкими ремнями. Ими стягивали более легкую нижнюю одежду. И те, и другие, украшались металлическими бляхами и имели приспособления для подвешивания необходимых в быту предметов (ножей, точильных камней и др.).

Раскопки могильника Старо-Бибеево-6, на правом берегу Оби на севере Новосибирской области, выявили несколько типов местных поясов, отличающихся друг от друга формой металлических пластин. Этот могильник в целом датируется VII в. н.э. [4].

Первый тип представлен двумя широкими поясами из курганов 1 и 2 (рис. 1), они украшены округлыми реповидными железными бляхами средним диаметром около 3 см. Верхняя часть их переходила в узкую длинную пластину, загнутую на обратную сторону ремня для крепления на нсм. На первом поясе было не менее 7 блях, из которых хорошо сохранились четыре (рис. 1, 1–4). Пояс застегивался при помощи крупной железной пряжки с овальной рамкой и двойным прямоугольным щитком, который охватывал ремень

с двух сторон и крепился при помощи шпенька, соединяющего между собой обе пластины (рис. 1,7). Пояс очень хорошо датируется бронзовой удлинённой геральдовидной бляхой (рис. 1,8), аналогии которой восходят к VII—VIII вв. Эту дату дают Турбуслинские погребения [5, рис. 24, 38, 41]. Этим же временем датирует подобные бляхи и В.Б. Ковалевская [6, с.107, рис. 8]. В состав пояса входили и 3 железные крестовидные бляхи (рис. 1,5,6). Реконструкция пояса дана на рис. 1,9.

На втором поясе имелось не менее 6 железных блях. Две аналогичны описанным выше. Одна из них самая крупная, диаметром около 4 см, на другой в центре имелась выпуклость, обе они крепились при помощи отогнутых узких пластинок (рис. 1,11,15). Две аналогичные по форме бляхи крепились шпеньками (рис. 1,13). Пятая бляха — наконечная (рис. 1,12), шестая — овальная с отверстием в центре (рис. 1,14). Такие бляхи известны в погребениях одинцовского и тимирязевского этапов, речь о них пойдет ниже. Этот пояс застегивался при помощи крупной железной овальной-рамочной бляхи (рис. 1,10). Реконструкция пояса представлена на рис. 1,16.

Второй тип пояса имеет восемь ажурных бронзовых прямоугольных блях, весь материал найден в осыпи обрушившегося в Обь кургана. Одна бляха (рис. 2,4) состоит из двух рядов округлых выпуклостей, окруженных вылитыми вместе с ними зернью. Семь остальных блях однотипны, размер их колеблется от 4,6×2,2 см до 5,3×3,3 см (рис. 2,2,3,5). Они также выполнены в виде рядов полукруглых прорезей и округлых выпуклостей с «зернью» или лучами. У шести блях таких рядов было четыре, у одной — три, а число выпуклостей в каждом ряду колеблется от 7 до 5. Они разделены между собой вертикальным или горизонтальным ложным шнуром. Они крепились к ремню при помощи петелек на обратной стороне блях. Подобные бляхи неоднократно встречались в составе поясных наборов Верхнего Приобья, по одной на поясе. Они найдены в могильнике Черное Озеро-1 [7, с. 53, рис. 8,2], кургане VII в. Юрт-Акбалык-8 [8, с. 155, рис. 5,13], могильниках Юрт-Акбалык-4 и Ивановка-6 [8]. В состав наборного пояса входила оригинальная крупная бронзовая ажурная пряжка с неподвижным шпеньком (рис. 2,1). Ее размер — 10×3 см. Она состоит из двух неправильных овалов с полулунными прорезями и трапециевидного окончания, орнаментированного ложным шнуром и розетками с отходящими от них лучами. Точные аналогии этой пряжке мне неизвестны, но ей близки ажурные фигурные пряжки с неподвиж-

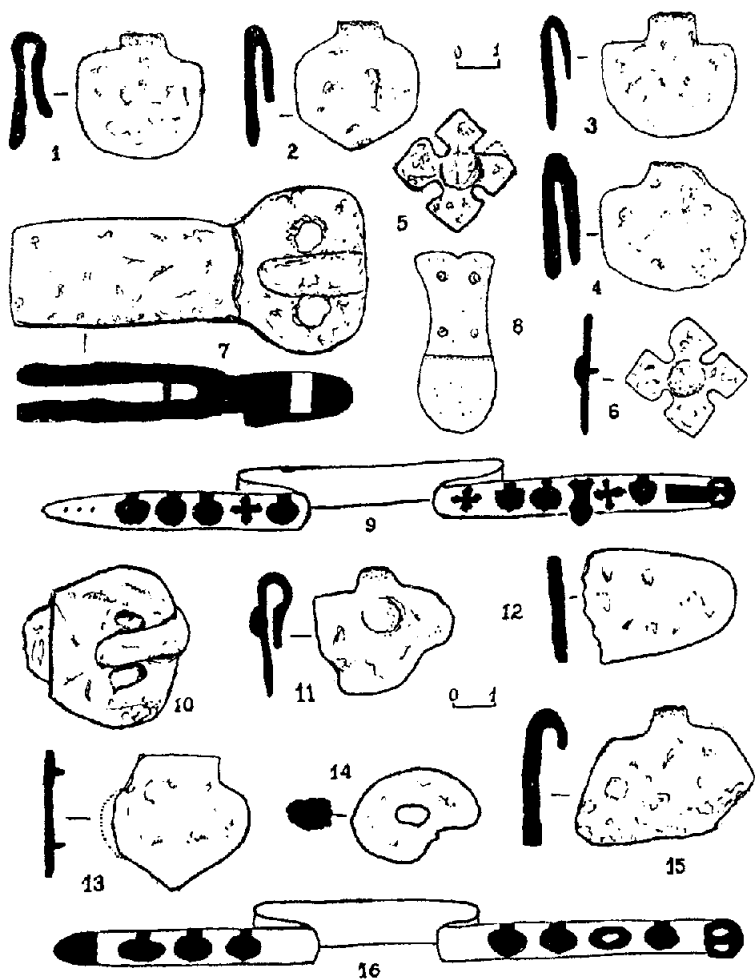

Рис. 1. Полевые наборы из Старо-Вибеево-6: 1-9 — кург. 1, мог. 2; 10-17 — кург. 2 (8, 14 — бронза, 9, 16 — реконструкция, остальное — железо).

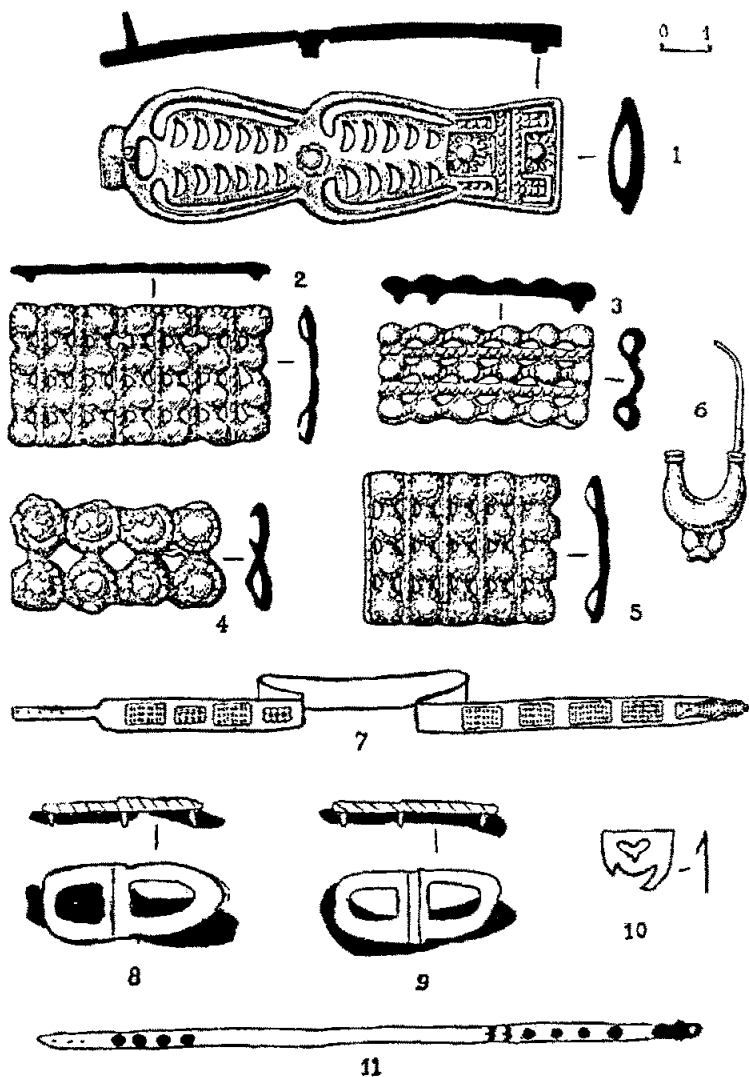

Рис. 2. Находки из Старо-Бибеево-6: 1-7 — сборки в осьши; 8-10 — кург. 3; 11 — кург. 10 (1-6, 10 — бронза; 7, 11 — реконструкция; 8, 9 — кожа и бронза).

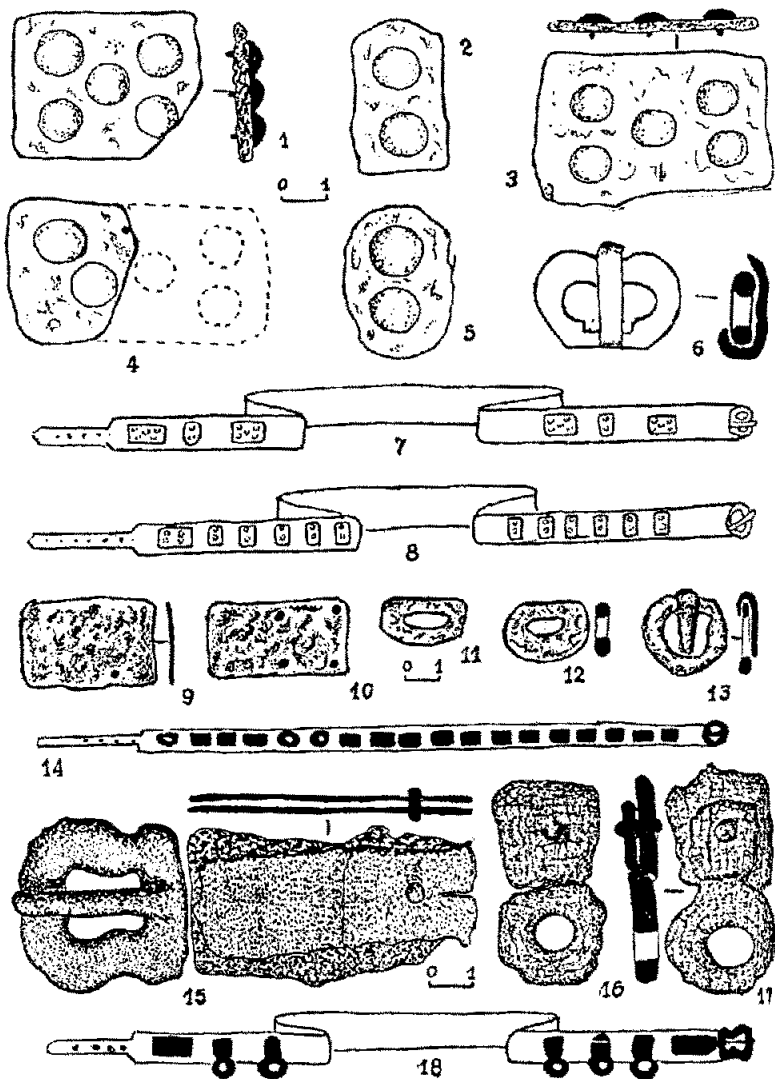

Рис. 3. Наборные пояса: 1-7 — Старо-Вибеево-6, кург. 5; 8 — Красный Яр-1, кург. 7; 9-14 — Юрт-Акбалык-8, кург. 8; 15-18 — Крохалевка-23, кург. 2 (1-5 — бронза и железо; 6 — бронза; 7, 8, 14 — реконструкция; 15-17 — железо).

ным шпеньком, относящиеся к таштыкской культуре. А.К. Амброз полагает, что они датируются V–VI вв. [10, с. 118, 120, рис. 12,2–6], но в целом дату таштыкских пряжек с неподвижным шпеньком он доводит до VI — начала VII вв. [10, с. 118, 120, рис. 12,7,8]. В комплексе с наборным поясом найдена одна серьга харинского типа, бронзовая, объемная, с тремя шариками внизу (рис. 2,6). Такие серьги из Бирского могильника А.К. Амброз датирует VII в. [10, с. 114, рис. 10,16]. Все это разрешает нам датировать поясной набор началом VII в. н.э. Реконструкция пояса дана на рис. 2,7.

Следующий тип накладных блях обнаружен в области пояса скелета кург. 3. Это 2 восьмеркообразные бронзовые бляшки (рис. 2,8,9). При помощи шпеньков они крепились на узком гибком ремне, остатки которого сохранились под бляшками. Дату пояса хорошо определяет изящная бронзовая бляшка с прорезьями (рис. 2,10). А.К. Амброз датирует подобные бляшки VII в. [11, рис. 22,32,33], а В.Б. Ковалевская — VI–VII и VII–VIII вв. [6, с. 107, рис. 8].

Четвертый тип — пояса с металлическими пластинами. Они имели три варианта. Первый вариант представлен поясом из кургана № 5, это широкий пояс, предназначенный для стягивания верхней одежды. Он состоял не менее чем из 5 железных пластинок с круглыми бронзовыми выпуклинами (рис. 3,1–5). Их размер колебался от 5,2×3,3 см до 3,5×2,3 см. Три бляхи были прямоугольными с пятью выпуклинами, две овальные или прямоугольные с двумя выпуклинами. Эти пластины хорошо датируются бронзовой пряжкой с В-образной рамкой (рис. 3,6). Этот тип пряжек, согласно классификации В.Б. Ковалевской, получает наибольшее распространение в VI–VII вв., позже он встречается значительно реже [12, с. 39, табл. XIX]. А.К. Амброз датирует эти пряжки VII в. [11, с. 65, 112, рис. 26,1,12,16,18 и др.]. Реконструкция пояса дана на рис. 2,7.

Аналогия подобным бляхам с округлыми выпуклинами известна в Новосибирском Приобье в кургане 7 Красного Яра-1, но его бляшки были целиком изготовлены из бронзы [3, рис. 36]. Этот пояс был вначале датирован мной в пределах II–IV вв., но позже на основании бронзовой пряжки, блях с тремя головами медведей и описанного выше пояса из Старо-Бибеево-6 был передатирован VII в. Попытку реконструировать внешний вид пояса из Красного Яра-1 предпринял В.Н. Добжанский [1, с. 124, рис. XVII,6]. Введенные им в состав пояса бляхи с головами медведей были найде-

ны выше пояса и в число блях последнего не входили. Кроме того пояс, реконструированный В.Н. Добжапским, невозможно застегнуть: в нем отсутствует пряжка и зауженный конец ремня, продергивавшийся в пряжку. В связи с этим считаю нужным дать свою реконструкцию пояса из могильника Красный Яр-1 (рис. 3, 8).

Второй вариант пластинчатого пояса представлен в могильнике Юрт-Акбалык-8, в курганах VII-VIII вв. (курганы 2, 8, 14, 17). Это узкие прямоугольные пластины без выпуклин, они были найдены в области пояса или таза, число их колебалось от 4 до 20, расположены они были обычно по одной линии [3, с. 101, рис. 35, 36, ж]. Размер различен. Ширина колебалась от 2 до 3 см, длина — от 3 до 5 см. На ряде пластин есть следы бронзовых заклепок, вероятно, это были остатки шпешьков для крепления к поясу. Пластины могли располагаться вдоль или поперечно к поясу. Аналогичный пояс одинцовского времени был обнаружен и в Алтайском крае, в могильнике БЕ-XIV [13, табл. XXXIX]. Иногда рядом с пластинами на поясе располагались круглые, овальные и даже пятиугольные колечки [3, рис. 35, 10; 14, с. 112, рис. 6, 24-28, 32]. При их помощи к поясам крепились необходимые предметы. Сохранность их очень плохая и они слабо отличаются от колец железных побольших пряжек с разрушившимся язычком (рис. 3, 11-13). Реконструкция такого пояса дана на рис. 3, 14.

В третьем варианте пластинчатого пояса овальные колечки крепились непосредственно к железным пластинам и висели вверху ремня [15, с. 119, рис. 2, 6, 28]. Подобные пояса хотя и идентичны, но встречаются на широком отрезке времени. В кургане 2 могильника Крохалевка-23, относящегося к одинцовскому этапу, пластины крепились с двух сторон ремня при помощи шпешька (рис. 3, 16, 17). Реконструкция этого пояса дана на рис. 3, 18. Он застегивался при помощи железной крупной пряжки с сужающейся в средней части рамкой (рис. 3, 15), подобные пряжки А.В. Дмитриев относит к VI-VII вв. [16, рис. 11, 30, 12, 13, 21].

Пояса с прикрепленными к пластинам колечками, появившиеся на одинцовском этапе, известны и в отдельных погребениях VII-IX вв. Они встречены в могильнике Чингис-2 вместе с обычными тюркскими поясами [17, с. 159, рис. 6, 3-5], в курганах 11 и 2 Умны-3 и в других местах. Известны они и в Горном Алтае [18, с. 156, рис. 3, 24-27].

В могильнике Старо-Бибеево наряду с местными поясами обнаружен один пояс общего евразийского (тюркского) облика с круглыми бляшками. Его реконструкция дана на рис. 2, 11. Пояса с

такими бляхами были широко известны в VII в. [1, с. 34]. Так, в Новосибирском Приобье пояс с круглыми бляшками найден в кургане 23 могильника Юрт-Акбалык-8 [7, рис. 4].

Подводя итоги вышесказанному, надо отметить, что на одинцовском и тимирязевском этапах верхнеобской культуры бытовали пояса с бляхами, выполненными в духе местных традиций. В VII в. появляются отдельные пояса тюркского облика с круглыми бляхами. К VIII в. местные пояса были вытеснены общими евразийскими (тюркскими) поясами с прямоугольными и сегментовидными бляхами. Но в отдельных случаях продолжают сохраняться старые местные традиции в виде поясов с железными пластинками, на них держались колючки, на которые подвешивались необходимые предметы.

Примечания

1. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. — Новосибирск, 1990.
2. Боброва А.И., Яковлев Я.А. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Нарымского Приобья. Пояс // Кузнецкая старина. — Новокузнецк, 1994. — В. 2. — С. 61–90.
3. Троицкая Т.Н. Пояса из погребений Новосибирского Приобья II–IV вв. н.э. // КСИА, 1973. — В. 136. — С. 100–103.
4. Троицкая Т.Н., Елагин В.С. Старо-Бибеевский могильник VII в. н.э. // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. — Кемерово, 1995. — С. 199–207.
5. Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.
6. Ковалевская В.Б. Башкирия и европейские степи в IV–IX вв. // Проблемы археологии и древней истории Урала. — М., 1972. — С. 95–117.
7. Троицкая Т.Н. Черное Озеро-1 — комплекс археологических памятников // Памятники Новосибирской области. — Новосибирск, 1989. — С. 47–54.
8. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Погребения младенцев в курганах VII в. н.э. в Новосибирском Приобье // Мировоззрение финно-угорских народов. — Новосибирск, 1990. — С. 149–161.
9. Бородовский А.П. Проблема этно-территориальной интеграции некоторых раннесредневековых украшений Верхней Оби // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. — Томск, 1995. — С. 29–31.

10. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. — 1971. — № 3. — С. 106-132.
11. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. — М., 1989.
12. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии. Пражки. // САИ. — М., 1979. — Вып. Е, 1,2.
13. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. — М., 1956.
14. Троицкая Т.Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западносибирской археологии: эпоха железа. — Новосибирск, 1981. — С. 101-119.
15. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Крохалевка-23 — памятник одинцовского этапа верхнеобской культуры // Этническая история тюрко-язычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1992. — Ч. 1. — С. 101-119.
16. Дмитриев А.В. Раннесредневековые дыбулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов. — М., 1982. — С. 69-107.
17. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Средневековый могильник у с. Чингис // Средневековые древности Западной Сибири. — Омск, 1995. — С. 138-153.
18. Елин В.Н., Васютин А.С. Военское погребение предкудыргизского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1986. — С. 149-157.

С.В. Неверов, В.В. Горбунов

Курганный могильник сросткинской культуры Шадринцево-1

В 1979 г. археологическим отрядом АГУ была раскопана группа курганов у с. Шадринцево Тальменского района Алтайского края (рис. 1-1). Курганный могильник Шадринцево-1 расположен в 300 м к юго-западу от села на кромке небольшого лесного массива, протянувшегося вдоль обрыва коренной террасы правого берега р. Чумыш. В состав могильника входит восемь курганов (рис. 1-2).

Курганы №№ 1,2 выделяются своим расположением, размерами и высотой насыпей. К ЮЗ от кургана № 1 находится цепочка из четырех малых курганов №№ 3-6, вытянутая по линии З-В. К Ю от кургана № 2 аналогичная цепочка из двух курганов №№ 7,8. В ходе работ исследованы курганы №№ 1,3-6.

Курган № 1. Имел земляную насыпь сложной формы, вытянутую по линии СЗ-ЮВ. Средние размеры 24×14 м, высота до 1,3 м (здесь и далее высоты и глубины даются от уровня древней поверхности). Уже при визуальном осмотре создалось впечатление, что это не одна цельная насыпь, а три, слившиеся вместе, в результате последовательной подсыпки. При снятии стратиграфмы бровки это подтвердилось (рис. 1-4). Насыпь кургана состояла из гумусированной супеси темно-серого цвета, сверху задернованной гумусом мощностью 0,05-0,07 м. В ее разрезе, к СЗ и ЮВ от могил 1 и 2, хорошо были видны прослойки супеси светло-желтого цвета, мощностью 0,2-0,25 м. Это материковый выкид из могил, наложившийся на древнюю поверхность — супесь светло-серого цвета, мощностью 0,11-0,25 м. Такой же выкид наблюдался к СЗ от могил 3 и 4. К ЮВ от них прослежены аналогичные прослойки, но идущие наклонно снизу вверх. Расположение и форма этих материковых прослоек говорит о том, что они оставлены в результате выброса из могил на поверхность ранее сооруженных насыпей. Последовательность возведения насыпей можно представить следующим образом. Могилы 1 и 2 являются наиболее ранними. Они

вырыты одновременно и перекрыты одной, первой насыпью. Позднее, с СВ стороны этой насыпи была приготовлена могила 3 и над ней сделана дополнительная, вторая насыпь. Последняя, третья насыпь, была досыпана после совершения погребения в могиле 4. Под этой же насыпью, к югу от могилы 4, на уровне древней поверхности находилось захоронение коня.

Могила 1. Находилась в ЮВ части кургана в 5 м от его края. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ с незначительным отклонением к С, средние размеры 2×0,64 м, глубина 1,1 м. На дне ее лежал скелет человека, вытянуто, на спине, головой на СВ (рис. 2-1). При нем был найден следующий инвентарь: с висшей стороны плечевой кости левой руки остриями к черепу — четыре железных наконечника стрел (рис. 3-1-4), здесь же, напротив локтя — железная панцирная пластина (рис. 3-5), у локтя правой руки — железный нож (рис. 3-7), ниже фаланг правой руки — обломок железного предмета, а у фаланг правой ноги — обломок звена железных удил (рис. 3-6). Между тазовыми костями и ниже, как бы в продолжении позвоночника лежал хребет барана. Отдельные позвонки этого животного находились по сторонам берцовой кости левой ноги.

Могила 2. Располагалась в 3 м к СВ от первого погребения. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ, средние размеры 1,8×0,62 м. На уровне древней поверхности расчищено поперечное перекрытие из 14 березовых жердей диаметром 0,1-0,15 м. Под ним, на глубине 0,53 м лежали череп и нижние части ног лошади с копытами. Здесь была захоронена шкура коня головой на ЮЗ (рис. 2-2). Справа от черепа найдены костяные пряжка и застежка (рис. 3-18, 19). Между нижней и верхней челюстями черепа коня находились железные удила с палиями (рис. 3-16, 17). Сразу же под костями лошади расчищено продольное перекрытие из 4 березовых жердей диаметром до 0,2 м. Поверхность перекрытия была выстелена берестой в 1-2 слоя. Далее, на глубине 0,93 м обнаружилось дно могильной ямы. Здесь лежал скелет человека, вытянуто, на спине, головой на СВ (рис. 2-3). При нем находился следующий инвентарь: вдоль костей левой руки острием к черепу — железный меч (рис. 3-8), в области грудной клетки, слева, у ключицы, остриями к черепу — три железных наконечника стрел (рис. 3-9-11), справа от бедренной кости левой ноги остриями к стопам — два железных наконечника стрел (рис. 3-12, 13), выше обоих крыльев таза — две бронзовые пряжки с остатками железных язычков (рис. 3-14, 15). По сторонам от колена правой ноги лежали позвонки барана.

Могила 3. Находилась в 3,6 м к СЗ от второго погребения. По форме это прямоугольная яма, ориентированная по линии СВ-ЮЗ, средние размеры 2,03×0,85 м. На глубине 0,65 м обнаружено продольное перекрытие из 6 березовых жердей диаметром 0,12–0,15 м, внешняя поверхность которого сильно обожжена. По ним, на дне, на глубине 1 м ближе к СЗ стенке могилы лежал скелет человека, вытянуто, на спине, головой на СВ (рис. 2–4). Вдоль правой ноги погребенного был уложен берестяной колчан (рис. 4–1). В нем находилось 6 наконечников стрел: три остриями вверх (рис. 4–2–4) и три остриями вниз (рис. 4–5–7). На колчане лежали бронзовые кольца с остатками ремней и бронзовых блях (рис. 4–8–10) и железное тесло (рис. 4–13). У ладони правой руки расчищен железный нож с обломанным лезвием (рис. 4–14). Выше левого крыла таза находились бронзовая пряжка с железным язычком и бронзовый тренчик (рис. 4–11, 12). Справа от черепа обнаружен предмет из рога, похожий на трепало (?).

Могила 4. Находилась в 3,65 м к СЗ от третьего погребения. В насыпи над этой могилой виднелась впадина от грабительского колодца, который хорошо фиксировался в разрезе (рис. 1–4). Грабительский шурф почти точно попал в могилу, лишь немного расширив ее ЮВ сторону. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии СВ-ЮЗ, с незначительным отклонением к В, средние размеры 2,1×0,86 м, глубина 1,05 м. Инвентарь и кости человека в могиле разбросаны и частично переломаны. Первоначальное положение сохранили фрагмент берцовой кости правой ноги и локтевая и лучевая кости правой руки, а также, очевидно, фрагменты крыльев таза. По их положению можно заключить, что погребенный был уложен вытянуто, на спине, головой на СВ (рис. 2–5). От черепа остались: нижняя челюсть и затылочная кость, в СВ части могильной ямы. Здесь же группировались кости рук, ключицы и ребра. Позвонки были разбросаны по всей яме. Большая часть инвентаря находилась тоже в СВ части могилы. Это — железное стремя (рис. 5–1), обломанные бронзовые наконечники ремней (рис. 5–12, 13), бронзовые бляхи, некоторые с остатками кожаных ремней (рис. 5–3, 6, 10, 11, 14), костяная застежка (рис. 5–9), фрагмент серебряного зеркала (рис. 5–5), половинка бронзового игольника (рис. 5–4). Ближе к центру могилы лежал обломок железного звена удила (рис. 5–7). В ЮЗ части могильной ямы обнаружено железное стремя (рис. 5–2) и костяная пряжка (рис. 5–3).

Захоронение коня. Находилось под третьей насыпью, в 0,8 м к Ю от юго-восточной стенки четвертого погребения. Захоронение

было совершенно на уровне древней поверхности, без ямы. Скелет коня состоял из костей таза с задними ногами, вывернутыми в суставах и черепа с шейными позвонками. Обс части туши как бы имитировали целую лошадь, уложенную на боку, головой на Ю, морда повернута к ЮЗ (рис. 2-6). На голове коня была надета узда, от которой сохранился полный набор бронзовых блях, накопечников ремней (рис. 6-1-6) и палобная бляха (рис. 6-9) с остатками кожаных ремней. Во рту находились железные удила с псалиями (рис. 6-10).

Курганы №№ 3-6 изучены сплошным раскопом 32,8×6,4 м. Их размеры:

Курган № 3 — диаметр 4,8 м, высота насыпи 0,5 м.

Курган № 4 — диаметр 4 м, высота насыпи 0,38 м.

Курган № 5 — диаметр 5 м, высота насыпи 0,6 м.

Курган № 6 — диаметр 3,5 м, высота насыпи 0,4 м.

Данные курганы не содержали погребений или каких-либо сооружений. Лишь под насыпью кургана № 3, по центру, на уровне древней поверхности, был обнаружен железный накопечник стрелы (рис. 1-3). В остальных насыпях находок не было. Стратиграфия всех четырех курганов одинакова — это слой светло-серой супеси мощностью 0,1-0,2 м — древняя поверхность, слой темно-серой супеси — насыпь и слой дерна мощностью 0,05-0,07 м. К СВВ от курганов №№ 3,5 на расстоянии 0,3 и 0,5 м были вкопаны деревянные столбики. Их диаметр 0,2 и 0,25 м (рис. 1-2). Столбики вкопаны в слой древней поверхности и материк на глубину 0,25 м.

Инвентарь из раскопанных курганов представлен несколькими вещевыми комплексами: орудия труда, предметы быта, снаряжение верхового коня, вооружение.

Орудия труда. Состоит из: 1. Тесла. 2. Ножи.

1. Железное тесло обнаружено в могиле 3 (рис. 4-13). Имеет короткую (длина 5 см), разомкнутую втулку и лезвие квадратной формы (4×4 см). В результате расковки верхней части лезвия и более сильном загибании краев втулки, тесло снабжено плечиками. Функциональное назначение тесла — обработка дерева [18, с. 516; 23, с. 103-104]. Утверждение о его специальном использовании в военных целях является, по нашему мнению, ошибочным. Железные тесла на территории лесостепного Алтая появляются в памятниках фоминского этапа кулайской культуры [12, табл. ЛП-17]. Массовое их распространение приходится на вторую половину I тыс. н.э. Нам известно более 40 экз. тесел только из памятников сроскинской культуры лесостепного Алтая [12, табл. LIV-7, LVI-10

LVII-16; 7, рис. 11-2; 46, рис. 6-1,2; 47, рис. 1; БКМ, 849/49-5 и др.]. Хронологические рамки существования тесел очень широки, от начала I тыс. н.э. вплоть до этнографического времени.

2. Железные ножи происходят из могил 1 и 3 (рис. 3-7, 4-14). У обеих ножей на черенках сохранилась деревянная обкладка, поперечное сечение клинков вытянуто-треугольное. Один экземпляр при переходе черена в клинок снабжен двумя слабовыраженными плечиками, на разном уровне (рис. 4-14), второй имеет хорошо выраженные плечики на одном уровне, его форма напоминает кинжал (рис. 3-7). Аналогии таким ножам известны, в основном, по памятникам второй половины I тыс. н.э. — начала II тыс. н.э. [12, табл. LVI-2; 46, рис. 6-16,20; 3, рис. 3-2; 39, рис. 1-4; 43, рис. 5-6,7].

Бытовые предметы. Включает: 1. Поясной набор. 2. Зеркала. 3. Игольницы.

1. От пояса найдены 3 бронзовые пряжки и тренчик из могилы 2 и 3 (рис. 3-14,15; 4-11,12). У всех пряжек сохранились сильно корродированные железные язычки или их остатки. Пряжки относятся к разделу двухтавровых, к отделу выделеннорамчатых, по форме рамки делятся на типы, по оформлению щитка на подтипы. Тип 1. Сердцевидные (рис. 3-14), подтип а) — скобчатые. Тип 2. Сердцевидные с широким носиком (рис. 4-11), подтип б) — скобчатые с вогнутыми сторонами. Тип 3. Фигурносердцевидные (рис. 3-15), подтип в) — скобчатые с фигурновырезными сторонами. Более 30 экз. пряжек, аналогичных выделенным типам, известно в памятниках позднего периода сурстквинской культуры лесостепного Алтая [12, табл. LIV-1, LV-18, LVI-11, LVII-15; 43, рис. 5-11; 50, рис. 2-15; 19, рис. 1-8; 17, рис. 1-2; БКМ, 849/46-1 и др.]. В меньшем количестве они встречаются в памятниках Восточного Казахстана [5, рис. 66-7, 106-29; 41, рис. 5-14, 19-21] и эпизодически в Горном Алтае, Западной Сибири и Южном Урале [24, рис. 46-11, 61-1; 40, рис. 1-4]. Наиболее ранние экземпляры таких пряжек (тип 1) появляются очевидно на рубеже VIII-IX вв. н.э. и в развитых своих формах (тип 2, 3) существуют во второй половине IX — начале XI вв. н.э. В памятниках конца XI-XII вв. н.э. они уже известны. Некоторые исследователи трактуют подобные пряжки, как подпружные. Необходимо заметить, что в непо потревоженных погребениях лесостепного Алтая все они находятся у скелета человека, в районе пояса (в одном случае под черепом) или их уменьшенные варианты используются в портупейных ремнях.

2. Небольшой обломок серебряного зеркала обнаружен в могиле 4 (рис. 5-5). Он имеет овальный невысокий бортик с выбитыми

на нем элементами орнамента, на основной плоскости литой орнамент из двух волнистых линий (возможно цветков), в углу пробито сквозное отверстие для ношения. Фрагментарность изделия затрудняет его датировку и определение культурной принадлежности. Можно лишь отметить, что в сросткинских погребениях лесостепного Алтая обломки зеркал, в основном бронзовых, встречаются довольно часто и очень редки целые зеркала [3, рис. 2-12; 2, рис. 2-5; 32, рис. 1-14; 28, рис. 4-9; 29, с. 104; 9, рис. 1-3].

3. Половинка бронзового игольника также происходит из могилы 4 (рис. 5-4). Ее форма с разделительной канавкой напоминает корпус птицы со сложенными крыльями и распущенным хвостом. По середине, у боковых сторон, есть два сквозных отверстия для крепления шпеньками к другой такой же половинке. Изнутри имеется четыре круглых выступа-упора, тоже для состыковки со второй половиной. Такие изделия довольно редки для сросткинских памятников [9, рис. 1-3; БМК, 849/27, 28-3]. Основная их масса происходит из памятников древних хакасов с территории Минусинской котловины и Тувы, второй половины IX-X вв. н.э. [42, табл. XXXII; 35, рис. 6-4, 12-3; 25, рис. 3-3, 4-3; 13, рис. 75]. До недавнего времени эти предметы рассматривались как «зажимы для кистей», но обнаружение в одном из них мешочка с иголками, показало возможность их использования как футляров для ношения и хранения иголок — игольников [25, с. 103-106, рис. 3-1,2]. Половинка игольника из Шадринцево имеет на внутренней стороне остатки сильно корродированного железного предмета, возможно это спекшиеся иголки или шило (рис. 5-4).

Снаряжение верхового коня. Состоит из: 1. Удила. 2. Псалии. 3. Стремена. 4. Подпругные пряжки. 5. Застежки для пут. 6. Сбруйный набор.

1. Удила представлены 4 экз. из могил 1, 2, 4 и захоронения лошади (рис. 3-6, 16, 17, 5-7, 6-10). Согласно классификации удил, разработанной для Верхнего Приобья [34, с. 141, 142, рис. 2], экземпляры из Шадринцево относятся к группе железных, разряду соединеннокрюковых, разделам гладких (рис. 3-6, 16, 17, 6-10) и витых (рис. 5-7). Звено удил из могилы 1 нельзя отнести к конкретному отделу и типу из-за обломанной внешней части, ясно только, что она была кольчатой. Пары звеньев из могилы 2 и захоронения лошади относятся к отделу крюковых, подотделу равнокрюковых, типу 25 — расклепаннокрюковые (рис. 3-16, 17) и типу 26 — нерасклепаннокрюковые (рис. 6-10). Звено удил из могилы 4 относится к отделу двукольчатых, подотделу крученых, типу 29 — неравновосьюмерковидные. Малая петля восьмерки снаб-

жена кольцом для крепления повода (рис. 5-7). Удила типа 29 относятся к древнехакасской культурной традиции изготовления. В лесостепном Алтае они появляются не ранее середины IX в. н.э. и существуют до рубежа I-II тыс. н.э. [34, с. 149, 150]. Типы 25, 26 также привнесены на Алтай, но из культур западных кочевников не раньше X в. н.э. и без видимых изменений существуют до сих пор [34, с. 151, 152].

2. Псалии есть у 2 экз. удил, из могилы 2 и захоронение коня (рис. 3-16, 17, 6-10). Они относятся к одной группе — железных. Остальные их признаки различны. Псалии из захоронения коня изготовлены в виде вертикальных стержней подпрямоугольного сечения и S-овидной формы. Для крепления ремней оголовья снабжены сегментовидными скобами, составляющими одно целое с псалием. Верхнее окончание псалия имеет секировидную форму, нижнее — кеглевидную. Подобные псалии известны в памятниках лесостепного Алтая IX-X вв. н.э. В основном они встречаются с удилами типов 8, 9, 11 [43, рис. 5-12; 44, рис. 5-8; 34, рис. 1]. Наши псалии встречены с удилами типа 26, что является для них более поздним типологическим признаком. Псалии из могилы 2 сделаны из прута овального сечения в форме большого гладкого сомкнутого кольца. Встречены с удилами типа 25. Известны такие псалии и у удил типов 26, 30 [12, табл. LIV-5, LV-23; 39, рис. 1-7; 4, рис. 7-1; 47, рис. 2; 34, рис. 4-16]. Так же, как и равнокрючные удила, они широко распространяются с X в. н.э. и доживают до этнографического времени и позже.

3. Пара железных стремян обнаружена в могиле 4 (рис. 5-1, 2). Оба стремени изготовлены из дрота овального сечения, имеют округлую форму дужки, почти прямую подножку. Продольная форма подножки вытянутоовальная. Остальные признаки стремян различны. У первого стремени (рис. 5-1) поперечное сечение подножки — Т-образное, за счет ребра жесткости или первюры, как бы продолжающей дужки под подножкой. Ушко в виде петли, приплюснутой по горизонтали. Второе стремя (рис. 5-2) имеет подножку подпрямоугольного сечения. Ближе к краям подножки пробиты две группы сквозных отверстий, расположенных по кругу. В каждом круге 6 округлых отверстий и по одному в центре. Ушко — выделеннопластинчатое, с короткой толстой шейкой, усиленной снизу валиком. Пластина с прямоугольным широким вырзом для ремня у основания. Горизонтальнопетельчатые стремени, аналогичные нашему, появляются в Южной и Западной Сибири, около середины IX в. н.э. [23, рис. 32, 33; 35, с. 114; 38, с. 133]. В памятниках сросткинской культуры они становятся

наиболее распространенным типом стремян [43, рис. 4; 44, рис. 5-7; 1, рис. 2-11]. В начале II тыс. н.э. такие стремяна встречаются очень редко. Выделеннопластинчатые стремяна с широкой прорезью для крепления стременного ремня, толстой короткой шейкой и другими признаками, характерными для нашего экземпляра, датируются в пределах X-XI вв. н.э. [22, табл. XV-1,2]. В сrostкинских памятниках находки таких стремян редки. Стремяна с прорезной подножкой характерны для культуры древних хакасов [23, рис. 33-3; 13, рис. 13, 20, 135].

4. Костяные подпружные пряжки встречены в могилах 2 и 4 (рис. 3-18, 5-8). Согласно классификации, разработанной для костяных пряжек сrostкинской культуры [30, с. 193], экземпляры из Шадринцево относятся к разряду — с костяным язычком (у пряжки из могилы 4 язычка нет, но отсутствие железных окислов говорит за то, что он был костяным), разделу — двухтавровых. Пряжка из могилы 4 относится к отделу невыделеннорамчатых, тип 9 — арочные, подтип г) — трапециевидные. Пряжка из могилы 2: отдел выделеннорамчатых, тип 15 — сердцевидные, подтип г) — трапециевидные. Пряжки, аналогичные типу 9 появляются на рубеже VII-VIII вв. н.э. и существуют до X в. н.э. [30, с. 201, 202]. На нашем экземпляре уже имеются небольшие вырезы в месте вставления вертлюги, что означает начало перехода к выделенной рамке, дужка снабжена носиком, щитку придана пока еще слабая форма трапеции. Все эти признаки более поздние по сравнению с простыми арочными пряжками. Пряжки типа 15 появляются не ранее IX в. н.э. и являются характерными для IX-XI вв. н.э. Наибольшее применение они получили у населения сrostкинской культуры [30, с. 202; 44, рис. 2-19, 4-10].

5. Костяные застежки для пут есть в могилах 2 и 4 (рис. 3-19, 5-9). Иначе их называют «костыльки». В отличие от прорезных застежек, называемых «цурками», служили для заклепления веревочных, а не рсменных сочленений. На территории лесостепного Алтая известны, в основном, в памятниках IX-XI вв. н.э. [43, рис. 5-5; 19, рис. 1-7]. В позднем периоде сrostкинской культуры застежки «костыльки» преобладают над прорезными «цурками». Известен один экземпляр «костылька», отлитый из бронзы [44, рис. 4-11].

6. Сбруйный набор представлен 2 комплектами: одним целым (уздой) из захоронения коня (рис. 6-1-9) и фрагментами другого из могилы 4 (рис. 5-3,6, 10-14). В наши комплекты входят следующие виды изделий: наременные бляхи, наконечники ремней, на-носный султанчик и налобная бляха.

Наремненные бляхи отлиты из бронзы методом штамповки. В поперечном сечении имеют П-образную или трапециевидную форму. К ремням крепятся при помощи бронзовых шпеньков (одного или двух) двумя способами: 1 — на шпенец надевалась фиксирующая пластина квадратной или прямоугольной формы, после чего его верх расклепывался, образуя гвоздевидную шляпку (рис. 5-11, 6-1,6); 2 — верх шпенька просто загибался (рис. 5-13,14, 6-1). Фиксирующие пластины изготовлены как из бронзы, так и из железа. По силуэту можно выделить несколько типов блях:

Тип 1. Пятиугольная бляха с У-образным верхом и низом, 1 экз. (рис. 5-11). Украшен геометрическим орнаментом. Аналогичные бляхи, только с растительным орнаментом, известны нам из курганного могильника Сростки-1, раскопки М.Д. Копытова (БКМ, 849/39-5) и Кучук-1 [50, рис. 2-11].

Тип 2. Пятиугольные бляхи с фигурноскобчатым верхом, фигурновырезными сторонами и треугольным низом, 12 экз. (рис. 6-1-4), украшены растительным орнаментом.

Тип 3. Прямоугольные узкие бляхи — псевдотренчики, 3 экз. (рис. 5-6, 6-1,2), украшены по сторонам мелкозернистыми выпуклинами, в центре 5 больших выпуклин (рис. 6-1,2) и более сложный узор (рис. 5-6).

Тип 4. Миндалевидные бляхи, с бортиком по краю и выемкой внизу, 2 экз. (рис. 6-5,6), в центре украшены имитацией колокольчика, окаймленного растительным орнаментом. Один экземпляр имеет дефект литья (рис. 6-6). Похожая бляха найдена в Минусинской котловине с. Табат [13, рис. 144].

Тип 5. Двуххвостные роговидные бляхи, с круглым выступом, 6 экз. (рис. 6-1-6), украшены геометрическим орнаментом. У 3 экз. хвосты обломаны. Точные аналогии известны в Сростках-1 (БКМ, 849/7-2).

Тип 6. Семилепестковая бляха, с кругом по центру, 1 экз. (рис. 5-3). Аналогичные бляхи есть в Сростках-1, Змеевке [39, рис. 2; 29, рис. 4-12] и у кимаков Восточного Казахстана [41, рис. 4-5, 7-10].

Тип 7. Сердцевидная бляха с вертикальной первурой посередине, 1 экз. (рис. 5-14). Такие бляхи с орнаментом и без широко распространены в памятниках сросткинской культуры [39, рис. 2; 43, рис. 3-5-7, 12,14,17-23; 28, рис. 4-12; 44, рис. 4-15,18; 47, рис. 6], и в других культурах конца I — начала II тыс. н.э. [23, рис. 39-5, 40-6,9,12; 35, рис. 15-2, 22-2; 13, рис. 126,128; 5, рис. 97-23-25, 106-16-25; 24, рис. 55-9,10, 60-13,14, 71-5; 36, рис. 40-13].

Тип 8. Ярусная бляха, с верхней частью в форме трилистника и нижней в виде фигурновырезного ромба, 1 экз. (рис. 5-10), орнамент верхней части геометризван, на нижней части изображена фигура, напоминающая крест с расширяющимися концами. Бляхи, аналогичные по конструкции, но отличающиеся в деталях и орнаменте, известны в Сростках-1, (БКМ, 849/7-4) и материалах тюхтатской культуры [13, рис. 125,127,137,138; 42, табл. XXX-9,13].

Наконечники ремней по технологии изготовления, сечению и способу крепления, аналогичны бляхам. По форме относятся к одному типу — удлиненокилевидные, с У-образным верхом, 4 экз., украшены растительным орнаментом (рис. 6-1-4). Один из них с дефектом литья и выпирающим наружу шпеньком. К ремню дополнительно привязан более тонким ремешком (рис. 6-2), 1 экз. с циркульным орнаментом (рис. 5-12), верхняя часть обломана. И еще 1 экз. с геометрическим орнаментом (рис. 5-13), верх которого также обломан. Имеет отверстие от литейного брака, с продетым в него плетеным ремешком из волос. Подобные удлинённые наконечники ремней известны в памятниках сросткинской культуры лесостепного Алтая [12, табл. LVI-12; 7, рис. 11-27; 50, рис. 2-16; 17, рис. 1-3; 28, рис. 4-13; 32, рис. 1-2; 44, рис. 4-14,17; БКМ, 849/35-3], аскизской культуры Минусинской котловины и Тувы [23, рис. 44-9; 42, табл. XXXI-10; 22, табл. IX], у кыпчак-казахов Восточного Казахстана [5, рис. 100-12,13, 106-8] и кочевников Южного Урала [24, рис. 71-1, 38-12], Барабы [6, рис. 4-1, 30-7, 40-3]. Время основного существования таких наконечников — X-XI вв. н.э.

Наносный султанчик изготовлен из бронзы, состоит из двух частей: конической втулки и прямоугольной пластины (рис. 6-7,8). Данный экземпляр совмещает в себе конструктивные особенности тюхтатской и аскизской культур [22, с. 30-32]. С находками IX-X вв. н.э. его сближает материал изготовления, форма втулки с кольцевым утолщением у верхнего края, конфигурация пластины с фигурновырезным периметром и П-образным сечением. Вместе с этим наш султанчик несет в себе признаки раннего этапа аскизской культуры: он сборный, причем в прямом смысле этого слова. Сначала к наносному ремню оголовья крепилась втулка с подквадратным основанием, посредством пришивания через сквозные отверстия. Затем накладывалась пластина, закрепляющаяся двумя шпеньками, аналогично 1 способу у блях. По своим признакам шадринцевский султанчик является, вероятно, переходным типом от цельных султанчиков IX-X вв. н.э. к сборным XI-XII вв. н.э. По высоте втулки — 37 мм, он ближе к экземплярам конца X — начала XI вв. н.э. [22, табл. VI-3, XXVIII-21,31]. Из памятников

лесостепного Алтая известно 7 экз. наносных султанчиков, которые в сумме датируются концом IX — началом XI вв. н.э. [32, с. 115, рис. 1-1]. Ни в более раннее, ни в более позднее время украшения узды подобного рода не встречены. Их происхождение следует связывать с культурным воздействием средневековых хаккасов [22, с. 31].

Налобная бляха сделана из тонкого бронзового листа сердцевидной формы, в центре имеет полный каплевидный умбо (рис. 6-9). По периметру украшена полыми выпукликами. Два ряда таких выпуклин пересекают ее посередине крест накрест. Для крепления к налобному ремню была снабжена пластинчатым ушком с двумя сквозными отверстиями для пришивания. Под умбопом есть заклепка с ромбовидной шляпкой. Изнанка бляхи имеет следы железного окисла. Ушко сломано, на умбоне вмятина. Подобные крупные налобные бляхи из бронзы и железа известны только среди памятников сросткинской культуры лесостепного Алтая и у кимаков Восточного Казахстана [3, рис. 3-18; 5, рис. 81-2, 12, 97-42]. Время их существования можно определить X-XI вв. н.э.

Находка в захоронении коня целого комплекта узды позволяет реконструировать ее устройство (рис. 2-6, 6). Шадринцевское оголовье состояло из нащечных, наносно-подгубного, налобно-подбородочного и затылочного ремней (рис. 7-4). Аналогичное устройство уздечки изображено на бляхах-подвесках из могильника Сростки-1 (рис. 7-1, 3; БКМ, 849/7-3). Бронзовые изделия служили в основном только в качестве украшения узды. Функционально значимыми были бляхи 5-го типа, которые крепили ремни в местах перекрещивания, заменяя в данном случае, тройники. К ним же крепились свободно свисающие ремешки, украшенные наконечниками и бляхами 2, 3-го типа. Причем бляхи 3-го типа (имелись только у двух ремней на перекрестии с налобным) своим расположением как бы имитировали тренчики. Бляхи 4-го типа украшали середину нащечных ремней, свешиваясь на более коротких свободных ремешках при помощи блях 5-го типа. Судя по отсутствию пряжек затылочной, подбородной и подгубной ремки были глухими (цельными или шпигельными). Нащечные ремни, вероятно, пришивались к скобам псапиев также наглухо. Повод пришивался к внешним звеньям удила. Видимо данная узда не имела и чумбура, хотя о наличии его вроде бы свидетельствуют сросткинские бляхи (рис. 7-1, 3). Псалии, относительно морды коня, располагались секировидными окончаниями вверх, к поздырям, а кеглевидными вниз (рис. 2-6, 7-4). Украшения узды из могилы 4 более разнообразны. По аналогии с целым комплектом можно говорить, что наконечники ремней (рис. 5-12, 13) и

бляхи 1, 3-го типов (рис. 5-6,11) располагались на свободно свисающих ремешках. Остальные бляхи могли использоваться на любых ремнях оголовья. Следует отметить, что бляхи 6, 7-го типов зачастую применялись для украшения поясной и португальной гарнитуры [39, рис. 2; 36, рис. 23-12, 24-1, 7; 21, рис. 4-16,17].

Вооружение. Представлено тремя категориями: 1. Защитный доспех. 2. Наступательное оружие. 3. Военное снаряжение.

1. К защитному доспеху относится железная пластина от панциря из могилы 1 (рис. 3-5). Пластина овальнопрямоугольной формы, нижний край прямой, верхний выпуклый. Размеры 5,95×3,6 см, толщина 1,5 мм. Снабжена 6 сквозными отверстиями, диаметром 2-2,5 мм. Отверстия расположены по три с каждой стороны: два у нижнего края и четыре (двумя парами) посередине и выше. Такие пластины применялись в панцирях ламеллярной структуры [11, с. 151]. Система расположения отверстий на нашей пластине говорит о том, что в горизонтальные полосы панцирь из таких пластин набирался через две пары средних отверстий, а между собой полосы крепились через все отверстия. Крепление, вероятно всего, производилось отдельными ремешками, что повышало прочность доспеха. Длинной стороной пластины бляхи направлены по вертикали. Железные панцирные пластины (ламеллярной структуры набора), овальнопрямоугольной формы, появились, очевидно, у хуннов в конце I тыс. до н.э. [11, рис. 1-1a] и использовались до этнографического времени. Их развитие шло по пути изменения размеров и системы расположения отверстий. К настоящему времени на территории лесостепного Алтая из памятников VIII-XII вв. н.э. известно 70 железных пластин (целых и фрагментов) не менее чем от двадцати ламеллярных панцирей [32, с. 113; 29, с. 103; 26, с. 40, 42; 15, с. 43 и др.]. Наиболее близкие аналогии шадринцевской пластине по форме и системе расположения отверстий обнаруживают 2 экз. из Минусинской котловины, датируемые IX-XII вв. н.э. [49, рис. 2-13-19, с. 152]. Покрой сrostкинских панцирей позднего периода позволяют представить упомянутые выше бляхи-подвески из Сrostок-1, на некоторых изображены всадники, одетые в панцири (рис. 7-1,3). Отдельные пластины хорошо видны на груди, на подоле и плечах они переданы схематичнее. Доспех представлял собой «короткополую катафракту», состоящую из нагрудника, двухчастного подола до колен и оплечий до локтя. Все части панциря могли набираться из пластин одного типа (рис. 7-4).

2. Наступательное оружие представлено оружием дальнего и ближнего боя. К первому относятся наконечники стрел из могил

1,2,3 и кургана № 3 (рис. 1-3, 3-1-4, 9-13, 4-2-7), ко второму меч из могилы 2 (рис. 3-8).

Все наконечники стрел одной группы — железные и одного ряда — черепковые, различаются по поперечному сечению пера (раздел), по общему (отдел) и конкретному (тип) силуэту пера и по форме упора (подтип).

Раздел I. Трехлопастные. Отдел I. Шестиугольные. Тип 1. Шестиугольные сужающиеся, 1 экз. (рис. 4-2), подтип б) — с кольцевым упором. Тип 2. Узкошестиугольные сужающиеся, 1 экз. (рис. 1-3), подтип а) — без упора. Отдел II. Ромбические. Тип 3. Вытянуторомбические, 1 экз. (рис. 3-11), подтип б). Отдел III. Килевидные. Тип 4. Килевидные с выступом, 2 экз. (рис. 4-3,4), подтип а). Тип 5. Вогнутокилевидные, 2 экз. (рис. 3-4,10), подтип а).

Раздел II. Трехгранно-трехлопастные. Отдел I. Ромбические. Тип 6. Ассиметричноромбические, 1 экз. (рис. 3-9), подтип б). Раздел III. Трехгранные. Отдел I. Ромбические. Тип 7. Вытянуторомбические, 4 экз., подтип б) (рис. 3-12), подтип а) — с шайбовым упором (рис. 4-6,7), подтип г) — с цилиндрическим упором (рис. 4-5).

Раздел IV. Четырехгранные. Отдел I. Клиновидные. Тип 8. Клиновидные, 1 экз. (рис. 3-3), подтип а).

Раздел V. Шестигранные. Отдел I. Долотовидные. Тип 9. Долотовидные, 2 экз. (рис. 3-1,2), подтип д) — с коническим упором.

Раздел VI. Линзовидные. Отдел I. Клиновидные. Тип 10. Клиновидные с выступом, 1 экз. (рис. 3-13), подтип а).

Трехлопастные шестиугольные и ромбические наконечники стрел появляются в последней четверти I тыс. до н.э. [48, рис. 5-1, 10-12]. Такие признаки оформления как узкие лопасти (тип 2) и наличие кольцевого упора (тип 1, 3), характерны для них в VIII-XI вв. н.э. [31, с. 6]. Наконечники килевидной формы 1-го раздела, появляются в середине I тыс. н.э. [7, табл. VIII-1, XI-10, 13]. Вогнутые лопасти (тип 5) и выступы в нижней части пера (тип 4) становятся характерными у них в VIII-X вв. н.э. [31, с. 6]. В памятниках лесостепного Алтая этого времени килевидные наконечники являются самой массовой серией стрел (нам известно около 200 экз.). Трехгранно-трехлопастные наконечники стрел появляются во второй четверти I тыс. н.э. [20, рис. 5; 14, табл. II]. Наличие упора, асимметричность, довольно узкие пропорции пера, позволяют отнести наш экземпляр (тип 6) к IX-XI вв. н.э. [31, с. 6-7]. Трехгранные ромбические наконечники известны с первой половины I тыс. н.э. [20, рис. 6]. Наши экземпляры, оснащенные различными упорами можно датировать VIII-XI вв. н.э. (тип 7б) и X-XI вв. н.э.

(тип 7е, г) [24, рис. 70-17,19,21]. Клиновидные наконечники IV раздела наиболее известны в памятниках IX-X вв. н.э. Южного Урала и Восточного Казахстана [24, рис. 21-14, 61-15; 5, рис. 100-16]. Близкие аналогии долотовидным наконечникам (тип 9), по силуэту пера и упорам, происходят из памятников конца X — начала XII вв. н.э. аскизской культуры [22, табл. XIX-33-35, XXVII-18,26]. Линзовидный наконечник, тип 10, по форме близок типу 8, а наличие выступов в нижней части пера сближает его с типом 4 — это позволяет датировать данный экземпляр в пределах IX-X вв. н.э.

Меч имеет прямой клинок длиной 87 см, на 28 см от острия клинок раскован на два лезвия, в сечении ассиметричноромбической формы, остальная его часть однолезвийная, килевидного сечения. Ширина полотна у основания 4 см, ближе к острию 2,5 см. Толщина обуха у основания 1 см. Рукоять меча наклонена в сторону лезвия, ее длина 10 см, черен гладкий, прямоугольного сужающегося сечения, средняя ширина 2,5 см, толщина 0,7 см. Меч снабжен цельным напускным перекрестием фигурно-треугольной формы, расположенным перпендикулярно оси клинка — прямо. С территории лесостепного Алтая происходит 48 экз. мечей и сабель из памятников VIII-XII вв. н.э. [18, табл. LVIII-5; 12, табл. LIII-1,2, LVI, LVII-II; 7, с. 69; 19, рис. 1-3; 32, с. 113; 28, с. 115; 44, рис. 4-1; 26, с. 40-41; 31, с. 8; 16, рис. 1-4; БКМ, 849/57,58,62 и др.]. Однолезвийно-двулезвийные мечи появляются в конце VIII — начале IX вв. н.э. [21, рис. 5-1; 37, рис. 34]. Ранние их экземпляры имеют прямую рукоять, короткое второе лезвие и клинок. Шадринцевский меч по своим признакам (большая длина второго лезвия и клинка, наклонная в сторону лезвия рукоять) может быть датирован не ранее середины IX в. н.э. Верхняя хронологическая граница таких мечей, вероятно, XIII в. н.э. [22, рис. 19-3].

3. Из военного снаряжения обнаружен берестяной колчан — могила 3 (рис. 4-1). Его общая длина 78 см. Длина футляра 62 см, ширина у основания 18 см, у устья 11 см. Высота кармана 16 см, ширина верхнего края 14,5 см. Футляр свернут из двух слоев бересты, вытянутоовального сечения у основания и округлого у устья. Карман в поперечном сечении имеет С-видную форму, с загибающимися сторонами. Дно колчана было из деревянной дощечки толщиной около 1 см, которая почти полностью истлела. К поясу колчан крепился двумя портупейными ремнями, от которых сохранились бронзовые кольца-тройники на правом боку. Одно возле устья, второе в 10-20 см ниже. В каждое кольцо продевалось по три ремня, крепившихся бронзовыми

бляхами (рис. 4-8-10). По два ремня пришивалось к боку футляра и по одному шло к поясу. У верхнего тройника сохранилось только два фрагмента ремня и две бляхи овальнопрямоугольной формы, верхний край имеет слегка выделенный посик, с фигурновырезными сторонами и геометрическим орнаментом. Аналогичная бляха известна в памятнике IX-X вв. н.э. на Южном Урале [24, рис. 38-13]. У второго тройника сохранились все ремки, один оборван. Бляхи квадратные, с дугообразным выступом верхнего края и таким же вырезом нижнего, украшены растительным орнаментом. В колчане лежало 6 наконечников стрел: 3 — трехлопастные, остриями вверх на кармане и 3 — трехгранных, остриями вниз около дна. По такому же принципу лежали наконечники стрел в могиле 2: 3 — трехлопастные и трехгранно-трехлопастной вверх, а 2 — трехгранный и линзовидный, вниз (рис. 2-3). Расстояние между ними (от острия до острия) составляло 79 см и фактически совпадает с размерами колчана из могилы 3. Видимо наконечники второй могилы имитировали своим расположением колчан.

Берестяные колчаны с карманами появляются в начале второй половины I тыс. н.э. [45, с. 197]. Использование в их портупее колец-тройников характерно для древнетюркской традиции. Железные тройники с пластинами более ранние [45, рис. 2], бронзовые с бляхами более поздние, с IX в. н.э. [21, рис. 4-16,17].

Комплекс вооружения сrostкинской культуры лесостепного Алтая, представленный в Шадринценском могильнике, на видовом уровне, не полон. Но вместе с материалами из памятников синхронных и однокультурных Шадринцево, открываются возможности для более полной его реконструкции [8, с. 73]. Помимо ламеллярных панцирей, стрел, мечей и колчанов, в паноплию населения сrostкинской культуры входили шлемы, щиты, сложносоставные луки, копья, кистени, кинжалы, ножны. На бляхах-всадниках из Сrostок изображены круглые щиты, копья и мечи, в ножнах на левом боку, прикрепленные двумя портупейными ремнями наклонно (рис. 7-1,3; 8, с. 75). На другой бляхе-подвеске из Сrostок имеется изображение конического, вероятно, клепанного шлема (рис. 7-2; БКМ, 849/8-1; 8, с. 74). Костяные накладки на лук, железные наконечники копий, кистень, кинжалы, бронзовые наконечники ножен и обоймы со скобами для портупеи, зафиксированы археологически [18, табл. LVIII-5; 12, табл. LIV-4,6; 3, рис. 3-1,3; 43, рис. 2-23; БКМ, 849/67,69,70,72 и др.]. Рассматривая комплекс вооружения сrostкинского населения в целом можно сказать, что он соответствовал средневооруженному кон-

ному воину, где всадник имеет достаточно полные средства защиты и нападения (рис. 7-4; 8, с. 75). Подобная паноплия подразумевает тактики плотно сомкнутого строя для нанесения таранного удара с последующим переходом к рукопашному бою [11, с. 177; 10, с. 158]. Однако, большая маневренность, по сравнению с тяжелооруженными всадниками (у которых еще и конь защищен доспехом), не исключает возможности широкого использования дальнего боя в рассыпном строю. В этом случае средневооруженная конница могла обходиться и без поддержки легкой.

Хронологические рамки существования инвентаря Шадринцевского могильника в общем определяются VIII-XII вв. н.э. В его составе есть вещи с нижней датой: рубеж VII/VIII-VIII вв. н.э. — подпружная пряжка (тип 9), наконечники стрел (тип 1-5, 76); рубеж VIII/IX-IX вв. н.э. — поясная пряжка (тип 1), подпружная пряжка (тип 15), застежки для пут, наконечники стрел (тип 6, 8, 10), кочанные тройники; середина — вторая половина IX в. н.э. — поясные пряжки (тип 2, 3), игольник, петельчатое стремя, меч: X в. н.э. — удила с псалиями, пластинчатое стремя, наконечники ремней, налобная бляха, наконечники стрел (тип 7с, г). Определяющей здесь является последняя дата, т.к. отнесенные к ней вещи не известны ранее X в. н.э. Более того, на основании датировки некоторых предметов концом X в. н.э. — наносный султанчик, наконечники стрел (тип 9), она может быть еще сужена. Вещи с верхней хронологической датой также разделяются: рубеж X/XI — начало XI вв. н.э. — поясная пряжка (тип 1), игольник, удила (тип 29), S-видные псалии, стремяна, подпружная пряжка (тип 9), наносный султанчик, наконечники стрел (тип 4, 5, 8, 10); XI в. н.э. — поясные пряжки (тип 2, 3), подпружная пряжка (тип 15), застежки, наконечники ремней, налобная бляха, наконечники стрел (тип 1, 2, 3, 6, 7); начало XII-XII вв. н.э. — наконечники стрел (тип 9), наременная бляха (тип 6), вероятно панцирная пластина; начало XIII-XIII вв. н.э. — меч. Здесь определяющей датой будет первая, предметы которой не известны позднее начала XI в. н.э. Таким образом, хронологическими границами курганного могильника Шадринцево I, является конец X — начало XI вв. н.э. Учитывая сильную расплывчатость таких временных определений как начало, конец, середина, авторы считают возможным датировать памятник второй половиной X — первой половиной XI вв. н.э. Данные границы конечно широки для конкретных раскопанных погребений, но они отражают, на наш взгляд, временной отрезок, на котором типы вещей, характерные для древнетюркской эпохи (раннего средневековья) заканчивают свое развитие и

только начинают вырабатываться типы вещей, которые станут господствующими в монгольскую эпоху (развитом среднесековье). Материалы Шадринцевского могильника достаточно ярко демонстрируют такой процесс.

Внутренняя хронология погребений кургана № 1 прослеживается стратиграфически: наиболее ранние могилы 1, 2, затем могила 3 и самые поздние могила 4 и захоронение коня. Однако наборы сопроводительного инвентаря не имеют сколько-нибудь существенных внутренних различий. Это говорит о том, что погребения были совершены на довольно узком временном отрезке.

Наличие в первых трех могилах предметов вооружения и поясов указывает на принадлежность их мужчинам-воинам. Интерпретация 4-й могилы менее определена. Несмотря на ограбленность, в ней осталось довольно много вещей, среди них зеркало и игольник — предметы, характерные для женских захоронений. В данной могиле нет ни оружия, ни пояса (часть блях могла быть от пояса или портупей, но остальной набор не подтверждает этого). Несколько нестандартно для женского погребения снаряжение верхового коня. Кости самой лошади в могиле не встречены. В нее положены разнотипные стремена и сбруйные бляхи и наконечники с разным орнаментом, явно от сборного, специально для захоронения комплекта. Захоронение коня под насыпью синхронно могиле 4 и, безусловно, связано с ней. В целом могила 4 выглядит богаче других и именно она оказалась разграбленной.

Погребальный обряд Шадринцевского могильника по целому ряду признаков: одиночное труположение, вытянуто на спине, головой на восток (с преобладанием СВ сектора), использование продольно-поперечного перекрытия и бересты для внутренних и надмогильных конструкций — характерен для населения сросткинской культуры лесостепного Алтая [28, с. 127; 31, с. 16]. Захоронение коня возле могилы, в могиле над человеком, помещение части туши или шкуры коня, довольно часто встречается в сросткинских памятниках [43, с. 233–237; 32, с. 113; 28, с. 119; 44, с. 91; 27, с. 213]. Находит аналогии и такая деталь обряда, как расположение пояснично-крестцовой части барана между ног погребенного [44, с. 91], использование куска баранины в виде заупокойной пищи [28, с. 127]. Не характерна для сросткинского обряда ориентация коней на Ю и ЮЗ. Очевидно, это связано с влиянием древнетюркской культурной традиции.

Особенностью Шадринцевского могильника являются малые курганы поминально-ритуального назначения. Интересно, что число раскопанных насыпей первой цепочки — 4, соответствует числу

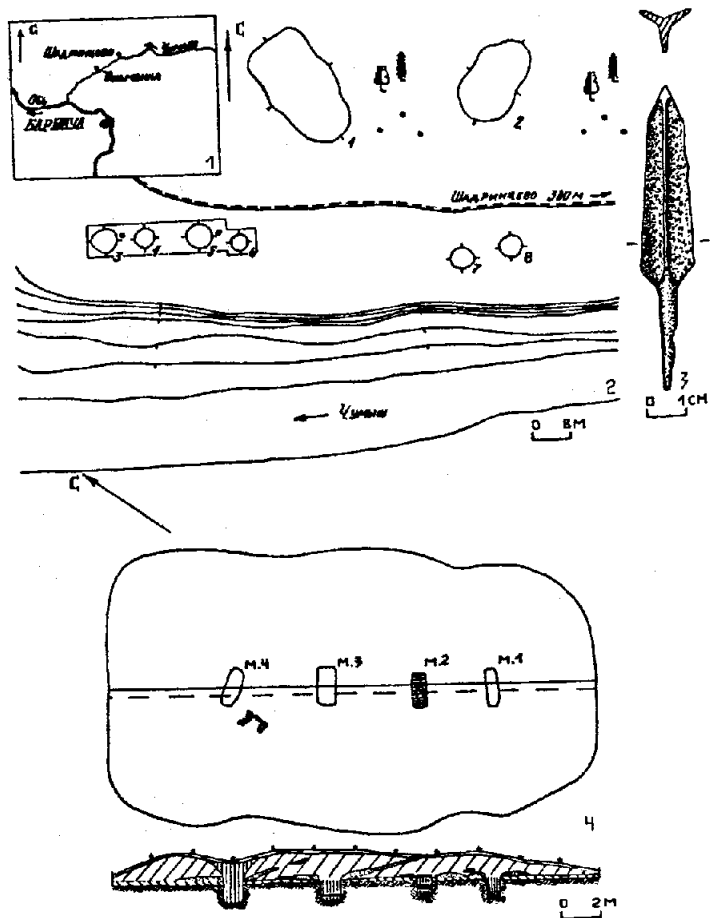

Рис. 1. Шадринцево-1.
 карта местонахождения памятника, 2 — план могильника,
 3 — наконечник стрелы из кургана № 3 (железо),
 4 — план и разрез кургана № 1.

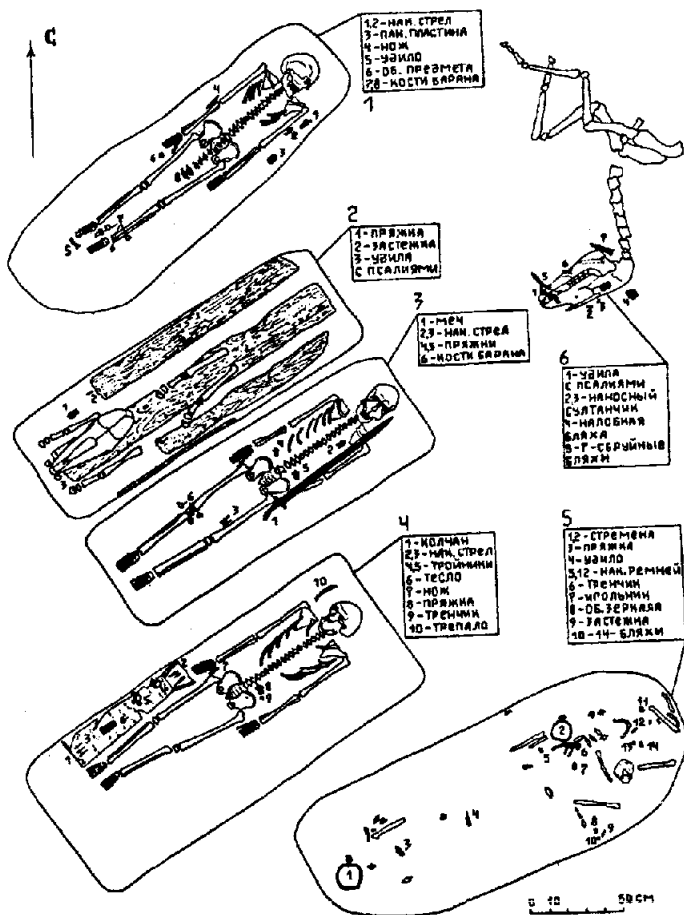

Рис. 2 Шадринцево-1. Курган № 1. Планы могил:
1 — могила 1; 2, 3 — могила-2; 4 — могила-3;
5 — могила-4; 6 — захоронение лошади под насыпью.

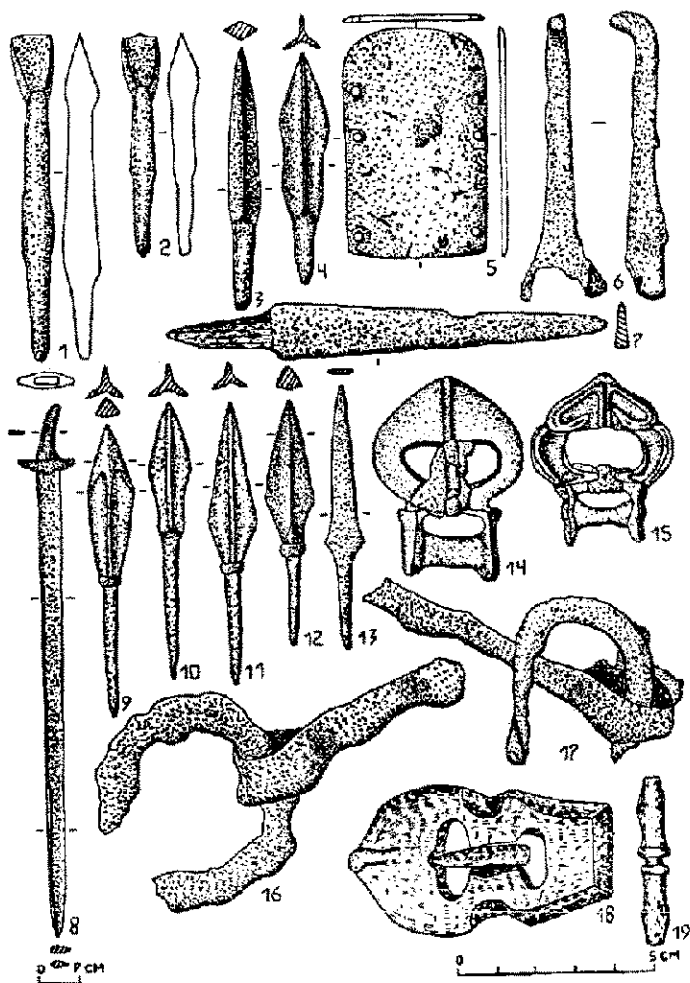

Рис. 3. Шадринцево-1. Курган № 1.

Инвентарь из могил: 1-7 — могила-1; 8-19 — могила-2.

1-13, 16, 17 — железо, 14, 15 — бронза, железо, 18, 19 — кость.

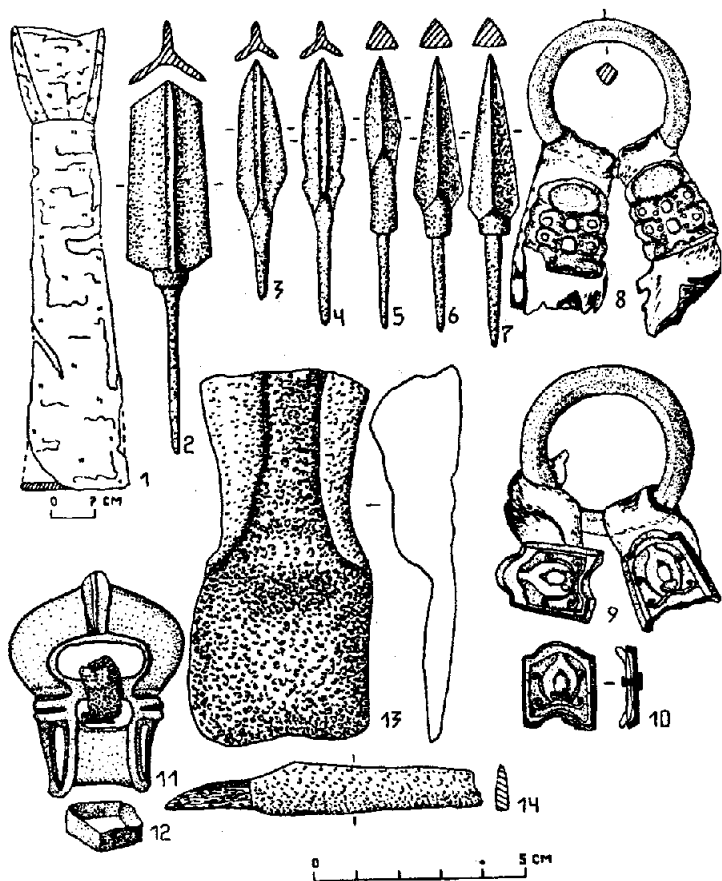

Рис. 4. Шадринцево-1. Курган № 1. Инвентарь могилы-3:
 1 — береста; 2-7, 13, 14 — железо, 8-12 — бронза, железа, кожа.

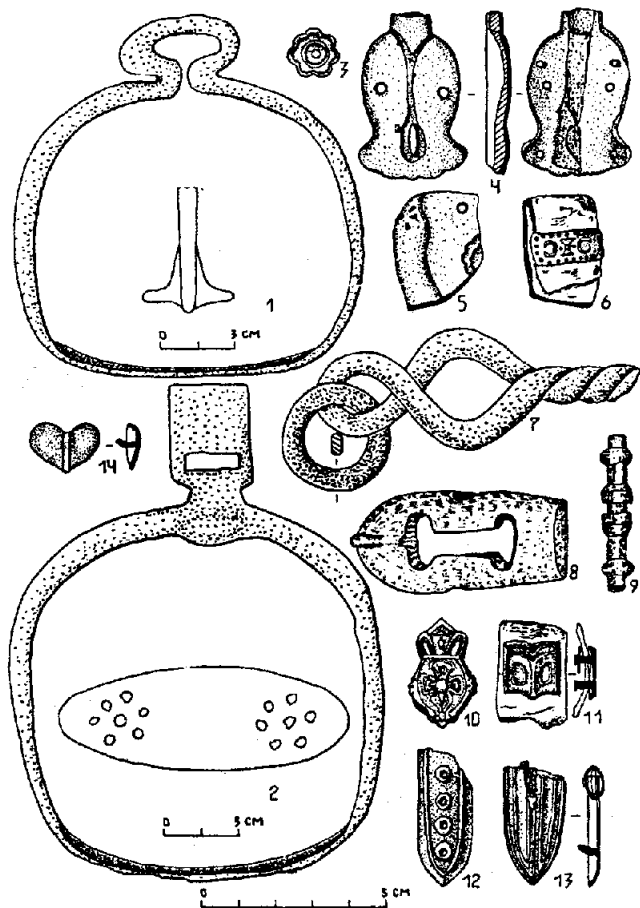

Рис. 5. Шадринцево-1. Курган № 1. Инвентарь могилы-4:
 1, 2, 7 — железо; 5 — серебро, 8, 9 — кость;
 3, 4, 6, 10-14 — бронза, железа, кожа.

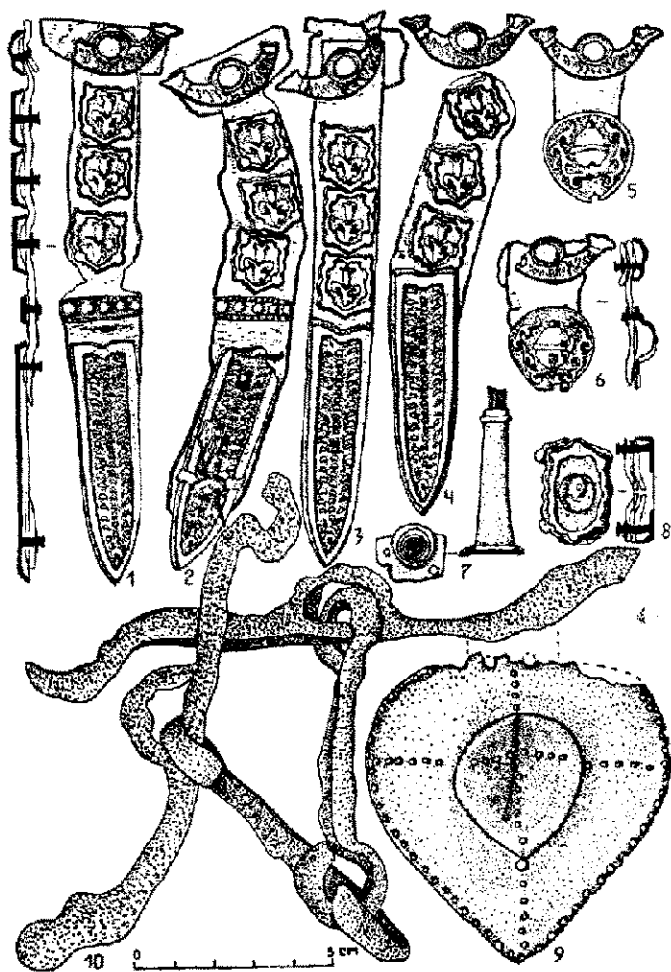

Рис. 6. Шадринцево-1. Курган № 1.
 Инвентарь из захоронения лошади:
 1-9 — бронза, железо, кожа; 10 — железо.

Рис. 7. 1-3 — бронзовые блики из могильника Сростки-1 (раскопки М.Д. Копытова). 4 — средневооруженный воин сросткинской культуры (реконструкция В.В. Горбунова по материалам Шадринцевского и Сросткинского могильников. Рисунок Д.В. Позднякова).

могил в кургане № 1. Вторая цепочка — № 7, 8 относится к кургану № 2, состоящему из двух насыпей и, скорее всего, содержащему две могилы. Подобная планиграфия была зафиксирована нами еще на одном могильнике Причумышья — Карповском шедоме. Там, цепочку из трех курганов, вытянутых с СВ на ЮЗ, сопровождала группа из 4 малых насыпей, шедших параллельно с ЮВ. Памятник не раскапывался. Важная черта Шадринцевских поминальничков — столбики, вкопанные с востока от насыпей №№ 3, 5. Столбики широко использовались в погребальном обряде сrostкинскогo населения еще в раннем периоде развития культуры [46, с. 64; 15, с. 42] и применялись на всем его протяжении [12, с. 145, 146, 154; 3, с. 247; 28, с. 109 и др.]. Чаще всего столбики вкапывались «в голову» могилы на одной линии с ней, реже окружали погребение или находились «в ногах». Помещение столбиков у поминальных курганов открывает новый вариант их использования в сrostкинском обряде.

Одним из авторов настоящей работы по имени Шадринцевского могильника был назван последний этап позднего периода сrostкинской культуры, вторая половина X—XII вв. н.э. [33, с. 182]. Было отмечено, что большая часть памятников, отнесенная к данному этапу, датируется X—XI вв. (точнее второй половиной X—первой половиной XI вв., как и само Шадринцево 1) и лишь могильники Змеевка и Осинки, позднее остальных [33, с. 181]. Современная изученность археологического материала сrostкинской культуры лесостепного Алтая позволяет разделить ее поздний период на три последовательных этапа:

1. Грязновский, вторая половина IX — первая половина X вв. н.э. Грязново I—IV, Ближние Елбаны VI — к. 1. 2. 4, VII — м. 41. 78, 1982 г., XVI — м. 6, Сrostки 1 — к. 2. 4. 6 (раскопки С.М. Сергеева) — к. 2. 4. 7—11 (раскопки М.Н. Комаровой), Дмитритово, Усть-Шамониха-1, Хлебоборный Елбан-1, Кукушкин Елбан-2, Кураевка 1, Белый Камень, Черный Камень, Михайлово, Сибирь, Нечунасово, Ново-Троицкое.

2. Шадринцевский, вторая половина X — первая половина XI вв. н.э. Шадринцево 1, Ближние Елбаны V, VIII, XVI — м. 14, Сrostки 1 — к. 1. 3. 5 (раскопки С.М. Сергеева) — к. 1. 3. 5. 6 (раскопки М.Н. Комаровой), Рогозиха-1, Заковряшино, Ильинка — м. 2. 3, Кучук 1, Степной Кучук 1, Новофирсово VII, Ивановка III, Щелчиха-1, Мало-Панюшово, Ново-Ильинка.

3. Змеевский, вторая половина XI—XII вв. н.э. Змеевка, Ближние Елбаны IX — к. 1. 2, VI — м. 2 у к. 4, Гилево II (грунтовый могильник).

К первым двум этапам относится значительное количество курганов с Верхнего Адея и Кулундинской степи, раскопанных В.А. Могильниковым, к третьему этапу — часть погребений Осинкинского могильника, раскопки Д.Г. Савинова. К сожалению эти материалы практически не опубликованы, что затрудняет их использование в полной мере.

Первый из выделенных этапов характеризуется расцветом сrostкинской культуры. На втором, еще во многом действуют инерционные процессы предшествующего времени, но начинают проявляться уже новые черты, не свойственные местному населению. На третьем этапе время культуры сокращается и она постепенно утрачивает свою самобытность. Следует подчеркнуть, что не введенными в научный оборот остаются более 50% памятников сrostкинской культуры лесостепного Алтая и поэтому решение многих проблем ее хронологии и этнокультурного содержания еще впереди.

Примечания

1. Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. Аварийные раскопки у с. Точильное // Охрана и использование археологических памятников Алтая. — Барнаул, 1990. — С. 99–104.
2. Абдулганеев М.Т., Егоров Я.В. Новые раскопки на Ближних Елбанах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Часть II. — Барнаул, 1995. — С. 190–195.
3. Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники 2 половины I тыс. н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. — Кемерово, 1995. — С. 243–252.
4. Алехин Ю.П. Енисейские кыргызы на юго-западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1990. — С. 62–75.
5. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. — Алма-Ата, 1987. — 280 с.
6. Бараба в тюркское время. — Новосибирск, 1988. — 176 с.
7. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М.-Л., 1965. — 146 с.
8. Горбунов В.В. Реконструкция вооружения раннесредневекового воина с территории лесостепного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. — Красноярск, 1991. — С. 73–75.

9. Горбунов В.В. Погребение IX-X вв. н.э. на р. Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 86–87.
10. Горелик М.В. Стенной бой (из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1990. — С. 155–160.
11. Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1993. — С. 149–179.
12. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — МИА. № 48. — М.-Л., 1956, —226 с.
13. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). — Абакан, 1948. — 110 с.
14. Елин В.Н. Наконечники стрел из памятников предтюркского времени Восточного Алтая // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1988. — С. 157–168.
15. Ефремов С.А. Курганы I половины VIII в. н.э. у с. Иня Алтайского края // Палеоэтнология Сибири. — Иркутск, 1990. — С. 42–43.
16. Казаков А.А., Горбунов В.В. Охранные раскопки курганного могильника Хлебоборный Елбан-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Часть II. — Барнаул, 1993. — С. 244–247.
17. Казаков А.А. Раскопки кургана в Крутихинском районе (по материалам Государственного Эрмитажа) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Часть II. — Барнаул, 1995. — С. 161–165.
18. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — 642 с.
19. Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В. Материалы двух погребений конца I тыс. н.э. с Верхнего Приобья // Охрана и исследование памятников археологии Алтая. — Барнаул, 1991. — С. 137–142.
20. Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. — С. 75–106.
21. Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. — Новосибирск, 1992. — С. 25–36.
22. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. — САИ, вып. ЕЗ-18. — М., 1983. — 128 с.

23. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. — М., 1969. — 211 с.
24. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. — М., 1981. — 163 с.
25. Митько О.А. Средневековые игольники. — Новосибирск, 1991. — С. 101–109.
26. Могильников В.А. Археологические исследования на Верхнем Алее // Археология и краеведение Алтая. — Барнаул, 1972. — С. 39–43.
27. Могильников В.А., Конников Б.А., Литвинович Н.С., Шнырев В.П. Алейская экспедиция // АО 1973 года. — М., 1974. — С. 213–214.
28. Могильников В.А., Неверов С.В., Уманский А.П., Шемякина А.С. Курганы у д. Грязново // Древняя история Алтая. — Барнаул, 1990. — С. 106–130.
29. Неверов С.В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М. Сергеева) // Археология и этнография Алтая. — Барнаул, 1982. — С. 100–121.
30. Неверов С.В. Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII–X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. — Барнаул, 1985. — С. 192–206.
31. Неверов С.В. История племен сrostкинской культуры в VIII–XII вв. н.э. — Автореф. дис... канд. ист. наук. — М., 1988. — 19 с.
32. Неверов С.В. Курганы конца I тыс. н.э. могильника Рогозиха-1 на Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. — Барнаул, 1990. — С. 112–116.
33. Неверов С.В. Хронология и периодизация сrostкинской культуры Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул, 1991. — С. 180–182.
34. Неверов С.В. Удила второй половины I-го тыс. н.э. Верхнем Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 141–154, 234–238.
35. Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды ТКЗАН, том 11. — М.-Л., 1966. — С. 108–142.
36. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. — Свердловск, 1990. — 223 с.
37. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989. — 288 с.

38. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л., 1984.
39. Савинов Д.Г. Погребения Сросткинского могильника (дневник раскопок С.М. Сергеева 1930 года) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Часть II. — Барнаул, 1995. — С. 166–171.
40. Степанова Н.Ф., Горбунов В.В. Находки эпохи средневековья с поселений Малый Дуган и Узнезя I // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск, 1994. — С. 82–85.
41. Суворова Г.И., Ткачев А.А. Кимакские погребения могильника Ахмиро-1 // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. — Кемерово, 1995. — С. 253–266.
42. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакассии. Эпоха железа. — Новосибирск, 1979. — 192 с.
43. Тишкин А.А. Курганный могильник Белый Камень — новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культура народов евразийских степей в древности. — Барнаул, 1993. — С. 232–247.
44. Тишкин А.А. Аварийные археологические раскопки курганного могильника Щепчиха-1 // Культура древних народов Южной Сибири. — Барнаул, 1993. — С. 90–99.
45. Трифонов Ю.И. О берестяных колчанах Саяно-Алтая в VI–X вв. в связи с их новыми находками в Туве // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. — С. 189–199.
46. Уманский А.П. Археологические памятники у с. Иня // Известия Алтайского отдела географического общества Союза ССР. Вып. 11. — Барнаул, 1970. — С. 45–74.
47. Уманский А.П., Каравасев А.В. Аварийные раскопки у с. Ильинка в 1972 году // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 84–85.
48. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986. — 268 с.
49. Худяков Ю.С., Соловьев А.И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. — С. 135–163.
50. Шамшин А.В., Лузин С.Ю., Неверов С.В., Изоткин С.П. Раскопки курганного могильника Кучук 1 // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск, 1992. — С. 71–73.

Д.Г. Савинов

**Погребения сrostкинскогo могильника
(по материалам раскопок
М.Н. Комаровой, 1925 г.)**

Сrostкинский могильник до сих пор является одним из наиболее ярких памятников культуры северо-алтайских племен конца 1 тыс. н.э., названной М.П. Грязновым по этому могильнику — сrostкинской [1]. Открытие Сrostкинского могильника и введение его материалов в научный оборот имеет весьма длительную и не простую историю.

В 1925 г. сотрудник Бийского краеведческого Музея М.Д. Копытов раскопал 26 курганов около с. Сrostки, в 25 км от г. Бийска. К сожалению, как отмечает С.В. Неверов, «несоблюдение элементарных требований научных раскопок и отсутствие отчета практически свели его усилия на нет» [2]. Сохранилась только коллекция великолепных вещей, свидетельствующая о былом богатстве раскопанных захоронений [3]. Из них наиболее известен знаменитый «сrostкинский палац», вошедший во многие работы обобщающего характера [4]. На материалах раскопок М.Д. Копытова в значительной степени М.П. Грязновым первоначально была выделена «II стадия железной культуры на Алтае» [5]. Однако, в целом до сих пор они остаются не опубликованными. В том же 1925 г. отрядом Алтайской археологической экспедиции этнографического отдела Русского Музея (нач. экспедиции С.И. Руденко) под руководством М.Н. Комаровой, было раскопано 11 курганов Сrostкинского могильника. Все материалы и копия отчета поступили в Государственный Эрмитаж [6]. В Архиве ИИМК РАН хранится Открытый лист С.И. Руденко на проведение полевых исследований в 1925 г., где раскопки Сrostкинского могильника не обозначены. Очевидно, решение о проведении этих работ было принято уже на месте, после известия о раскопках М.Д. Копытова. В Архиве Российского этнографического Музея (ранее ГМЗ), по линии которого в свое время была организована Алтайская археологическая экспедиция 1925 г.,

никаких данных о ее работах не сохранилось, а материалы раскопок М.Н. Комаровой до сих пор остаются неопубликованными. Интересно, что в копии отчета об остальных (не раскопанных) курганах говорится, что они «имеют весьма неопределенную форму и осталось невыясненным, являются ли они могилами». Вопреки этому сомнению, в 1930 г. экспедицией общества изучения Сибири, под руководством С.М. Сергеева, было раскопано еще 6 курганов Сросткинского могильника. Все материалы и Дневник С.М. Сергеева также поступили в Государственный Эрмитаж [7].

В 1965 г. материалы кургана 2 из раскопок С.М. Сергеева, содержащего наибольшее количество вещей, были опубликованы А.А. Гавриловой [8]. Сведения об остальных курганах на основании Дневника С.М. Сергеева и Эрмитажной коллекции недавно опубликованы нами [9]. Как продолжение этой, крайне необходимой работы, в данной статье публикуются материалы раскопок М.Н. Комаровой, произведенных в 1925 г. в составе экспедиции С.И. Руденко. Описание курганов дается по копии отчета с включением расширенной характеристики найденных вещей по Эрмитажной коллекции.

Сросткинский могильник находится в 25 км от г. Бийска. Расположен на высоком яру правого берега Катуня, в 350–500 м к северо-востоку от с. Сростки. Высота яра в среднем над уровнем реки достигает 50 м. По форме яр приближается к округлому холму, имеющему слабый наклон с севера на юг.

Могильник курганного типа расположен на вершине холма. Всего насчитывается около 40 курганов; из них 26 курганов были раскопаны М.Д. Копытовым. Алтайской археологической экспедицией раскопано 11 курганов. Раскопанные курганы имеют вид округлых плоских земляных насыпей, высотой над поверхностью земли от 0,3 до 1 м и диаметром от 5,6 до 8,3 м. Устройство почти всех погребений и обряд оказались одинаковыми. Исключение составляют несколько могил, где костяков человека не обнаружено, а найдены только остатки обугленных костей. В большинстве курганов на дне могильной ямы (длиной от 1,8 до 2,2 м, шириной от 0,8 до 1,1 м, глубиной от 0,8 до 1,6 м) находилась берестяная подстилка, на которой лежал скелет человека на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентированный головой на северо-северо-восток. Кроме человеческих скелетов в погребениях найдены отдельные кости барана, различные украшения и предметы обихода из меди, кости и железа. Все могилы, за исключением могил 2, 4, 5 и 6, оказались частично или полностью разграбленными,

благодаря чему порядок расположения костей и предметов в них был почти всегда нарушен.

Сводные данные о размерах раскопанных курганов (в м.)*:

№/№ курганов	Насыпь		Могильная яма		
	диаметр	высота	глубина	длина	ширина
1.	6,3	0,3	1,45	1,8	0,97
2.	5,7	0,3	0,86	1,2	0,88
3.	5,6	0,4	1,25	1,9	0,9
4.	7,0	0,5	1,2	2,0	1,1
5.	5,5	0,4	1,6	1,7	0,8
6а.	7,6	1,1	1,1	1,9	1,2
6б.	7,6	1,1	1,2	1,9	0,9
7.	8,3	1,0	1,1	1,5	1,1
8.	7,1	0,5	1,1	1,5	1,1
9.	4,8	0,4	1,3	1,8	0,9
10.	6,1	0,3	0,95	1,5	0,75
11.	6,9	1,0	1,3	1,9	0,9

Курган 1 (колл. 4381, №№ 1–5). На глубине 1 м в заполнении ямы попадались угли; на глубине 1,2 м — кусочки бересты; на глубине 1,45 м находились кости взрослого человека и ребенка. Кроме берцовых костей и стопы положение скелета взрослого человека нарушено. Кости ребенка находились с левой стороны от скелета взрослого, также в беспорядочном состоянии. В погребении найдены: бронзовая пряжка с острым носиком и фигурной рамкой (табл. I,1), круглая железная пряжка с подвижным язычком (табл. I,4), стеклянная бусина конической формы (табл. I,2), железные гвоздевидные заклепки (табл. I,3), обломок железного предмета — внешнее кольцо удила (?) (табл. I,5).

Курган 2 (колл. 4381, №№ 6–25). Погребение с трупосожжением. На глубине 0,86 м посередине могильной ямы находились сожженные кости человека. На том же уровне найдены многочисленные предметы сопроводительного инвентаря. Около остатков сожжения находились железные петельчатые стремяна (табл. II,5), удила с 8-образным окончанием звеньев с роговыми эсвидными псалиями (табл. II,9) и астрагал барана. В северной части могилы обнаружен берестяной колчан с «пачкой» спекшихся железных на-

* Ориентировка по отдельным курганам не указана.

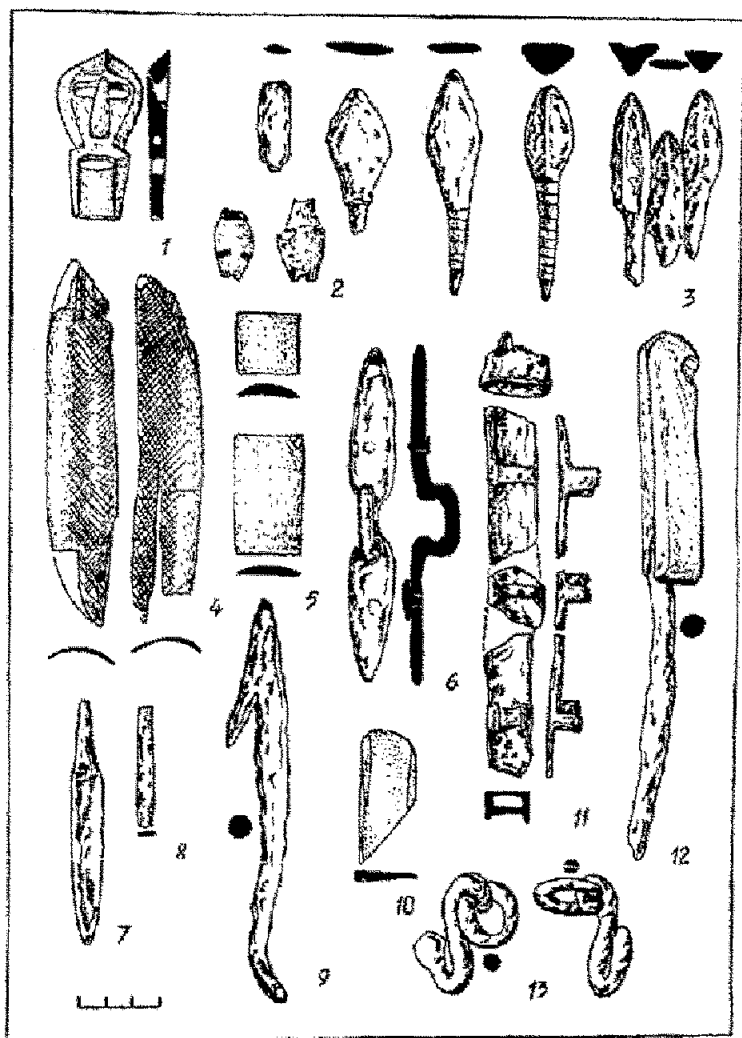

Табл. I. Предметный комплекс из курганов
1 (№№ 1-5), 3 (№№ 6-9), 11 (№№ 10-19).

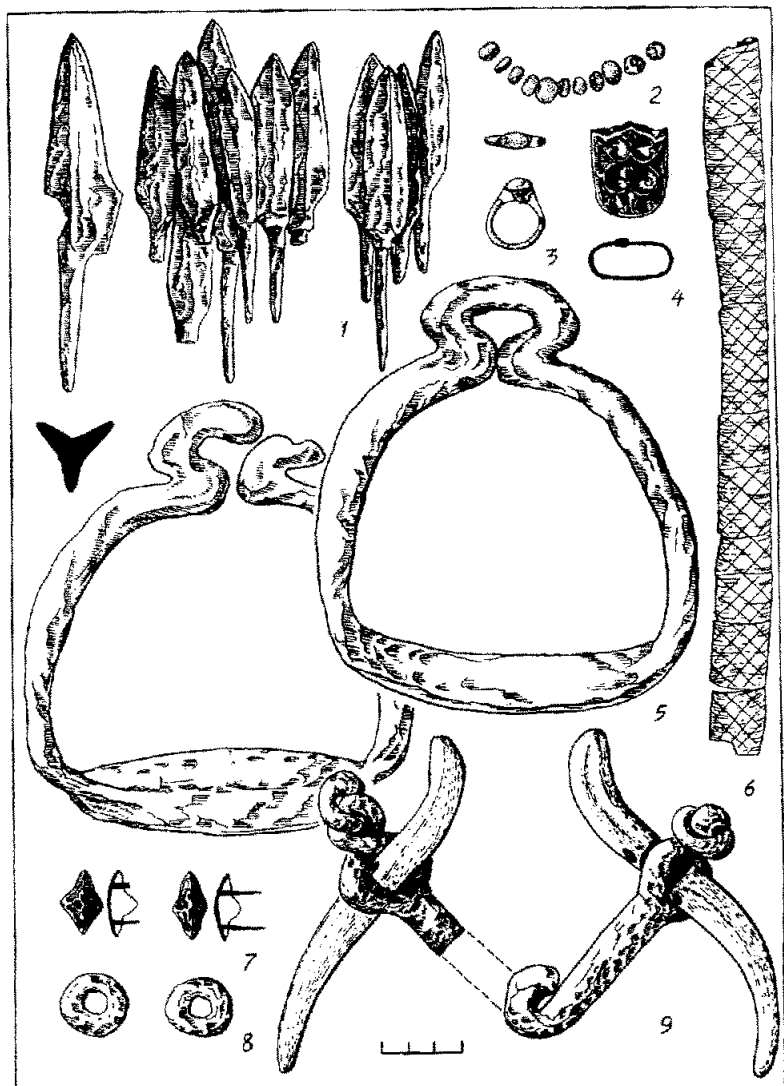

Табл. II. Предметный комплекс из кургана 2.

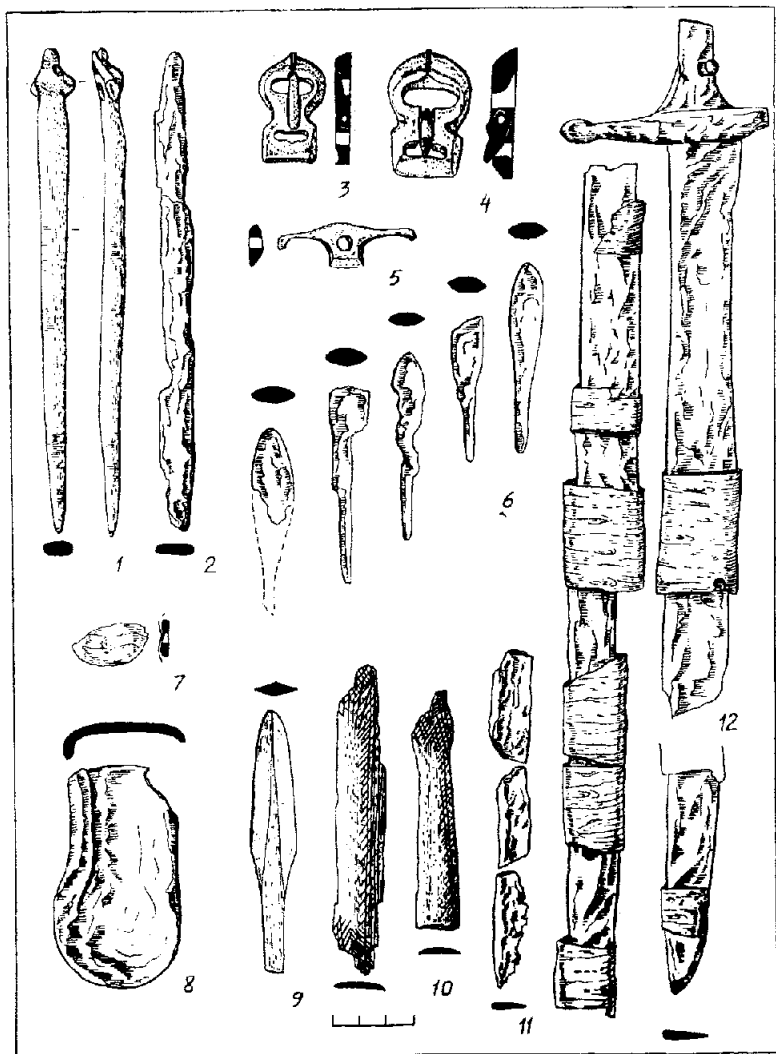

Табл. IV. Предметный комплекс из кургана 4.

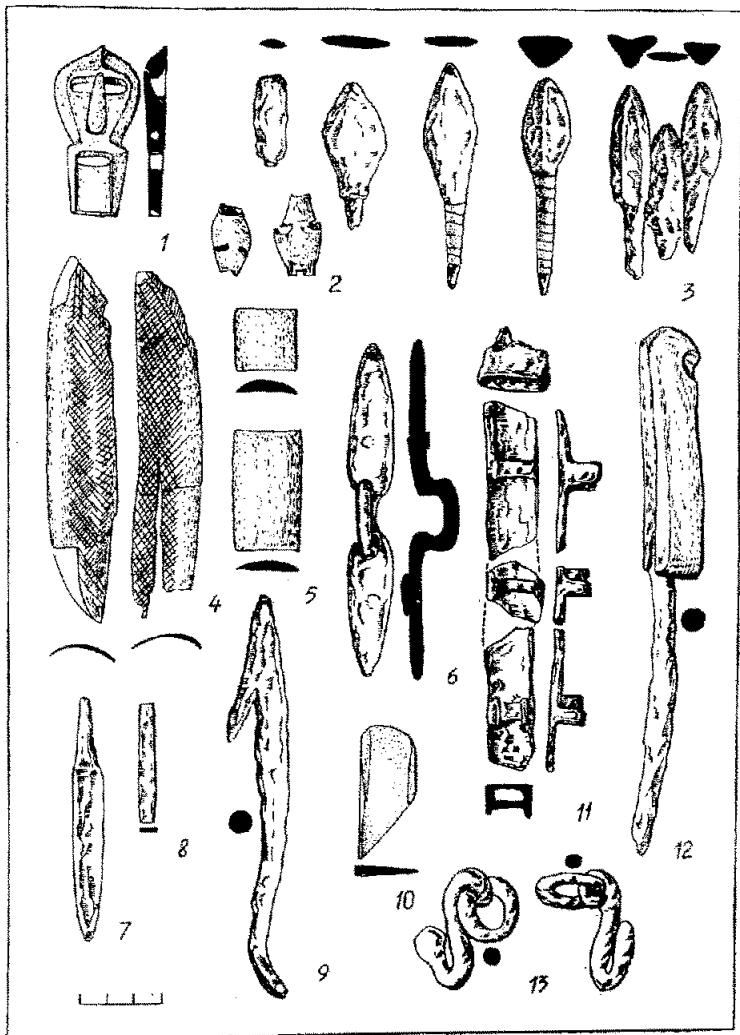

Табл. V. Предметный комплекс из кургана 5.

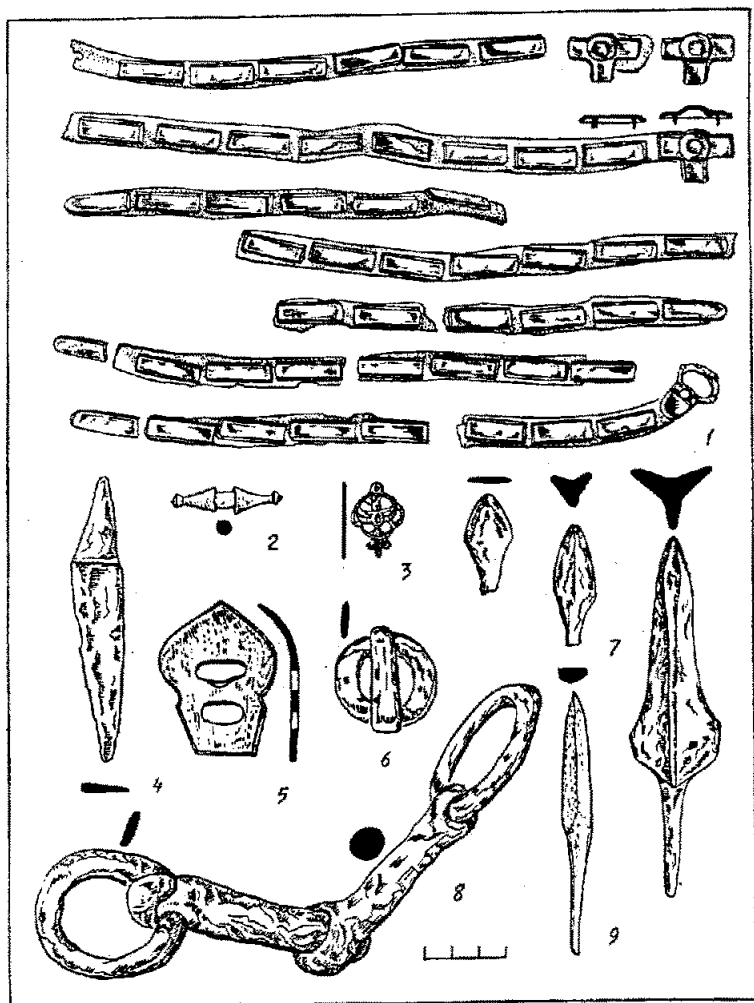

Табл. VI. Предметный комплекс из кургана 6.
 (№ 5 — мог. «б», остальное — мог. «а»).

конечников стрел — не менее 12 экз. (табл. II,1). Около нижнего конца колчана найдены бусы — 11 экз. (табл. II,2) и медный перстень с бирюзовой вставкой (табл. II,3). Под колчаном лежал железный палаш в ножнах, от которых сохранились бронзовый орнаментированный наконечник (табл. II,4) и кожаные ремни португейного набора с большим количеством бляшек различных типов (круглых, сердцевидных — 12 экз., в виде розеток — 49 экз., квадратных с прорезями для ремешков, пряжками — 8 экз.), обоймами и наконечниками (табл. II). Не исключено, что в данном случае вместе объединены детали португейного набора и пояса, к которому крепился палаш. На колчане сверху лежал железный нож в берестяной орнаментированной обкладке (табл. II,6). Севернее колчана находились две костяных круглых обоймы (табл. II,8), южнее — железный стержень неизвестного назначения. Около него лежали костяная пряжка и точильный камень. Между стремени находились железный топор-тесло и медный бубенчик. По-видимому, к этому же погребению относятся две орнаментированные бляшки ромбической формы на шпеньках (табл. II,7). В западной части могилы найдены ключицы и крестец барана. Дно могилы было выстлано берестяной подстилкой.

Курган 3 (колл. 4381, №№ 26–29). Погребение нарушено. На глубине 1,25 м обнаружены кости человека в беспорядочном состоянии, кроме берцовых и стопы, которые сохранили первоначальное положение. В погребении найдены следующие вещи: железное кольцо с выступами около ступни правой ноги (табл. I,7); железный крюк на кольце рядом с кистью руки (табл. I,9); костяная пряжка с железным язычком около правой бедренной кости (табл. I,6). Кроме того среди костей найдены обломки сильно коррозированных железных предметов — наконечники стрел (?) (табл. I,8) и два позвонка животного.

Курган 4 (колл. 4381, №№ 30–46). На глубине 1,2 м находился скелет человека в ненарушенном состоянии (только некоторые кости имели небольшое смещение). Почти все найденные предметы лежали с правой стороны от погребенного. Около самого черепа был положен железный топор-тесло (табл. IV,8). Ниже тазовых костей найдены: железный палаш с напускным перекрестием, обернутый в бересту (табл. IV,12); наконечники стрел, один костяной (табл. IV,9) и пять железных (табл. IV,6); костяной стержень с изображением головы животного (табл. IV,1); две костяные пряжки с острым посяком (табл. IV,3,4); две срединные накладки лука (табл. IV,10). Кроме того, к этому погребению относятся железный нож (табл. IV,2); костяная застежка крыловидной формы с отвер-

стием (табл. IV,5); обломок круглого железного украшения, обложенного берестой (табл. IV,7).

Курган 5 (колл. 4381, №№ 47–65). Погребение с трупосожжением. В заполнении могильной ямы на разной глубине находились кусочки бересты. В северной части ямы обнаружены кости стопы человека в ненарушенном состоянии. Посередине ямы на дне лежали остатки сожженных костей человека. В западной части могилы найдены разнообразные предметы: несколько железных наконечников стрел, не менее 7 экз. (табл. V,3), два из них с костяными насадками-свистунками (табл. V,2); железная изогнутая пластина-скоба от крепления колчана (табл. V,6); точильный камень (табл. V,10); железный стержень (напильник?) с костяной рукояткой (табл. V,12); срединные накладки лука (табл. V,4); пряжка с острым носиком (табл. V,1); отдельные кусочки железа. В южной части могильной ямы найдены железный нож (табл. V,7) и три позвонка от крестца животного. Кроме того, из этого погребения происходит два костяных вкладыша от лука (табл. V,5); железная накладка с перемычками на обратной стороне —ножны (?) (табл. V,11); два подвижных крюка на кольцах (табл. V,13); железная пластина (табл. V,8); железный крюк (острога?) с острым концом на круглом слегка изогнутом стержне (табл. V,9).

Курган 6 (колл. 4381, №№ 66–79). В этом кургане обнаружены две могилы, отмеченные как «а» и «б».

Могила «а». На дне могильной ямы находился скелет человека, частично сохранивший свое первоначальное положение — на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на северо-северо-восток. По тазовым костям проходил кожаный пояс, украшенный бронзовыми гладкими прямоугольными бляшками с Т-видными тройниками и пряжкой (табл. VI,1). С правой и левой стороны от черепа найдены железные наконечники стрел (табл. VI,7). В южной части могилы, около правой тазовой кости, находился железный нож (табл. VI,4). Здесь же найдены: круглая железная пряжка с подвижным язычком (табл. VI,6), железный наконечник стрелы с насадом-свистункой, костяная пластинка и костяной наконечник стрелы (табл. VI,9). В северной части могилы, у самой стенки, была положена свернутая береста. Около ступни правой ноги найдены железные однокольчатые удила (табл. VI,8) и костяная застежка (табл. VI,2). В восточной части могилы лежала лопатка барана. Кроме того, из этого погребения происходят бронзовая ажурная подвеска с изображением птицы с расправленными крыльями (табл. VI,3), кусок кожи и обломки железных предметов.

Могила «б». Погребение было в полном беспорядке. В заполнении могильной ямы на разной глубине встречались куски бересты и отдельные кости человека. На дне ямы найдена плоская костяная пряжка-блок (табл. VI,5).

Курган 7. Погребение с трупосожжением. Форма могильной ямы неопределенная. Сожженные кости человека сложены на куске бересты. Создается впечатление, что кости были сожжены и потом закопаны в яму. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Курган 8. Погребение нарушено. В заполнении могильной ямы на разной глубине встречались кости человека. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Курган 9. Погребение нарушено. На глубине 1,3 м обнаружен череп человека, причем нижняя челюсть находилась выше черепа. Рядом располагались остатки трупосожжения. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Курган 10. Погребение нарушено. В заполнении могильной ямы на разной глубине находились кости человека. В северной части ямы была положена берестяная подстилка. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Курган 11. (колл. 4381, №№ 80-92). Погребение с сожжением. Сожженные кости человека на дне могильной ямы сложены в кучку, с ними найдены два позвонка животного. В разных местах ямы найдены: две костяные пряжки с острым носиком (табл. I,11,12); обломки железного ножа (табл. I,10) и кинжала (?) (табл. I,19); три железных наконечника стрел (табл. I,17); обломок звена железных удил (табл. I,16); костяные орнаментированные псалии с «сапожком», один из них обломан (табл. I,15); тонкая костяная пластинка, украшенная косой штриховкой (табл. I,13); пять астрагалов барана. В разных местах могильной ямы встречались отдельные обломки железных предметов. Кроме того, к этому погребению относится круглое навершие железного предмета с прочерченными прямыми линиями-тамгой (?) (табл. I,18).

Антропологические определения

Курган 1 — взрослый мужчина и ребенок.

Курган 3 — взрослый мужчина.

Курган 4 — мужчина.

Курган 5 — мужчина.

Курган 6 — юноша (могила «а»).

Курган 7 — юноша (могила «б»).

- Курган 8 — взрослая женщина.
 Курган 9 — взрослая женщина.
 Курган 10 — взрослый мужчина.
 Курган 11 — взрослый мужчина.

Кости животных

- Курган 1 — ребро лошади и пять позвонков барана.
 Курган 3 — два позвонка и крестец барана.
 Курган 5 — пять позвонков от крестца барана и один поясничный.
 Курган 6 — одна лопатка барана.
 Курган 8 — один позвонок барана, семь хвостовых позвонков лошади.

Комплекс предметов сопроводительного инвентаря из погребений, раскопанных М.Н. Комаровой, обычен для сrostкинской культуры и может считаться эталонным для ее северо-алтайского варианта [10]. Для него характерны: костяные и бронзовые пряжки с острым носиком, преимущественно плоские (или уплощенные) ромбические наконечники стрел, удила с большими внешними кольцами и изогнутые роговые псалии, срединные накладки луков, топоры-тесла, крюки на кольцах, поясные и портупейные наборы — гладкие и орнаментированные, бляшки-розетки и др. В отличие от культуры Восточно-Казахстанских кимаков и одновременных памятников Западного Алтая, материальный комплекс северо-алтайского варианта сrostкинской культуры отличается известной простотой форм предметов и приемов их орнаментации. Установленная дата его существования — от середины IX до начала XI вв. н.э. (скорее всего вторая половина этого периода).

С точки зрения погребального обряда особый интерес представляют захоронения по обряду трупосожжения, составляющие чуть менее половины всех раскопанных М.Н. Комаровой погребений — всего 5 (курганы 2, 5, 7, 9, 11). Из них наиболее богатым оказалось захоронение в кургане 2, где остатки трупосожжения с многочисленными вещами, составляющими комплекс предметов снаряжения хорошо вооруженного воина и его коня, находились на дне (посередине) могильной ямы. В этом отношении курган 2, раскопанный М.Н. Комаровой, представляет ближайшую аналогию кургану 2, раскопанному С.М. Сергеевым, также с обрядом трупосожжения. Характер размещения инвентаря в этих курганах — «кучкой», вместе с остатками сожжения — наиболее близо

культуре енисейских кыргызов, хотя сами вещи по общему облику отличны от кыргызских.

В двух погребениях с сожжениями найдены остатки захоронений, совершенных по обряду трупоположения: в кургане 5 — кости стоп в ненарушенном состоянии в северной части могильной ямы; в кургане 9 на дне — череп человека с расположенной выше него нижней челюстью. Объясняться это может по-разному: или биритуализмом, свойственным в это время, как это установила А.А. Гаврилова на материалах Копенского чаатаса [11], и для культуры енисейских кыргызов; или тем, что захоронения по обряду трупосожжения были впущены в разрушенные (или сами разрушили) существовавшие здесь ранее погребения по обряду трупоположения. В таком случае, они относятся к более позднему времени, чем остальные погребения Сrostкинского могильника. В пользу последнего предположения как будто говорит то обстоятельство, что и в некоторых разрушенных погребениях с трупоположением (курганы 1, 3) сохранились кости ног (берцовые и стопы) похороненных в них людей. Однако, никаких других данных, проливающих свет на разъяснение этой ситуации пока нет. Вещи, найденные в погребениях с сожжениями, не сжигались и образуют со всеми остальными, не считая наиболее богатых погребений (курган 2, раск. М.Н. Комаровой, 1925 г.; курган 2, раск. С.М. Сергеева, 1930 г.), в принципе единый комплекс. В качестве устойчивой детали погребального обряда можно отметить обычай класть вместе с остатками сожжения отдельные не сожженные кости животных. Более точная принадлежность этих погребений, при условии полиэтнического характера населения сrostкинской культуры, пока остается неопределенной.

Касаясь материалов М.Д. Копытова, С.В. Неверов писал, что «необходимо собрать воедино сохранившуюся в Бийском Музее часть вещей его “коллекции” и внести в научный оборот. Огромную помощь в этом могут оказать материалы раскопок памятника М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева» [12]. Необходимость публикации материалов М.Д. Копытова бесспорна [13]. Что касается «помощи» для их интерпретации со стороны материалов раскопок М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева, то после их публикации видно, что вряд ли она может быть существенной. Материалы М.Д. Копытова своеобразны и включают серию изделий, выполненных в ажурном стиле. В тоже время во всех 17 курганах, раскопанных М.Н. Комаровой и С.М. Сергеевым, найдена всего одна ажурная подвеска с изображением птицы — курган 6, могила «а» (табл. VI,3). В составе коллекции М.Д. Копытова имеются и завс-

домо поздние, аскизские вещи [14]. Каково их отношение к сrostкинским — должны показать будущие исследования.

Примечания

1. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. — № 48. — М.-Л., 1956. — С. 145–152.
2. Неверов С.В. История изучения памятников сrostкинской культуры на Алтае // Древняя история Алтая. — Барнаул, 1980. — С. 96–97.
3. Бийский краеведческий музей, колл. № 849. По С.В. Неверову, коллекция включает 226 предметов.
4. Zokharof A., Arend W. Archeologischer Beitrag zur geschichte der Alturgarn in 9 Th // Archaeologia Hungarica — t. 16. — 1935. — taf. 8.; 5. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. L VIII, 5; Могильников В.А. Сrostкинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, рис. 27:37; Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986. — Рис. 85:1.
5. Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Сибириведение, № 3/4. — Новосибирск, 1930. — С. 18–26 (табл.).
6. Гос. Эрмитаж, колл. № 4381. Всего в коллекции 92 № хранения, но количество вещей значительно больше.
7. Гос. Эрмитаж, колл. № 1285. Всего в коллекции 169 № хранения, но количество вещей также больше.
8. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М.-Л., 1965. — С. 69–70, рис. 11.
9. Савинов Д.Г. Погребения Сrostкинского могильника / Дневник раскопок С.М. Сергеева, 1930.
10. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л., 1984. — С. 110–111.
11. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ..., с. 65–66.
12. Неверов С.В. История изучения..., с. 97.
13. Работа эта была начата С.В. Неверовым. См.: Неверов С.В. Материалы раскопок М.Д. Копытова у с. Сrostки // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Тезисы докл. и сообщ. к конф. — Барнаул, 1991. — С. 125–128.
14. Неверов С.В. Удила средневековых хакасов на Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая / тезисы докл. и сообщ. к конф. — Барнаул, 1991. — Рис.1:1.

Тэцу Масумото

О фрагментах мраморных табличек с иероглифами, найденных в окрестностях города Абакана в Южной Сибири

Когда я посетил Хакасский краеведческий Музей в г. Абакане в верхнем течении Енисея летом в 1994 г., мне показали таблички из мрамора с иероглифами. Меня попросили перевести надписи на них и объявить, для чего они использовались и в какое время. Я ответил, что они реликвии, свидетельствующие о существовании права (власти) династии Тан в средневековье на территории современной Хакассии. Тогда у меня возникли затруднения в связи с толкованием нескольких иероглифов — это надо было проверить по китайским летописям. И я обещал директору Музея Мылтыгашевой Людмиле Петровне, что обязательно подробнее отвечу о результатах исследования этих реликвий. С ее разрешения я смог сфотографировать и скопировать тушью таблички и сделать их описание. Здесь я хочу сообщить о результатах, полученных в ходе моего исследования.

Обстоятельство находки

Рядом с рекой Абакан, которая протекает в Койбальской степи, простираясь почти в центре республики Хакассия, идут на юго-запад дороги в хакасские поселения, которые расположены в горах. По дороге в 35 км вверх по течению этой реки от центра города Абакана, можно еще яснее видеть горные гряды через степь, и видны также разбросанные поселения в их подножии. Несколько лет тому назад в одном из них, в поселении Райково, случайно были найдены местным жителем мраморные палочки с иероглифами в самом разгаре сельхозработ на картофельном поле. Про эти палочки до сих пор ходят слухи, что иероглифы были высечены кем-нибудь из японских военнопленных, так как место их находки, собственно говоря, — это один из бывших японских лагерей,

которых было много после второй мировой войны в Красноярском крае. Говорят, что кроме того недавно пожилой японец высказал служащим в Музее Абакана свое мнение о том, что они «письмо из Китая», но это не привлекло особого внимания.

По дороге в юго-западную сторону я вспомнил, что в 1940 г. были обнаружены известные (остатки дворца Лилина) в 8 км от города, а в следующем году были проведены раскопки саяно-алтайской экспедицией под руководством С.В. Киселева и Красноярским музеем. Потом в 1945–1946 гг. раскопки были продолжены. У нас в стране доктор Бунъей Цунода давно уже познакомил японцев-специалистов с важностью их результатов, анализируя отчет Л.А. Еватюховой, опубликованный в 1946 г. Хотя считают, что они относятся к ханскому времени, нельзя не сказать, что их исследователи доставили нам необходимые сведения, которые нельзя пропустить, основываясь по археологическому смыслу на предыдущих этапах исторических обстоятельств северной окраины, которые предшествовали танской эпохе. Теперь в музее Миусинска выставлены модель дворца, черепицы и бронзовые ручки двери в виде маски льва, а рядом с ними китайские зеркала и монеты. Мне кажется, что проглядеть сильное влияние из тогдашнего Китая здесь совершенно невозможно даже с первого взгляда на них.

Состояние табличек и содержание их надписи

Собранных табличек всего 11 фрагментов (рис. 1). По разрезу обломков не исключено, что они сломались при обработке земли. Каждый фрагмент зарегистрирован № 6640/1–5 и они соединены всего в 5 штук. Но порядок в номерах не связан с контекстом строк, которые высечены в табличках, так как они пронумерованы по своему усмотрению.

Каждая табличка длиной 27,7–27,8 см, шириной 2,7–2,8 см, толщиной 1,0 см. В ее боковой стороне в 1,1 см от обоих концов пробиты дырочки для веревки с диаметром 4,5 мм. Надпись с китайскими иероглифами на лицевой стороне глубоко нанесена в виде У-образного гравирования в пределах расстояния 23,0 см между обеими дырочками. Она написана отчетливым кайсе (одним из видов иероглифических уставов). Мрамор, который использован как материал для табличек, является распространенным материалом в Хакасии. Сначала я думал, что на каждой табличке нанесена строка с определенным смыслом, но профессор Кадазуо Фудзисава отметил, что всегда так читать невозможно, надо думать иначе. Таким

зом, на основе его совета я внимательно перечитывал надпись и по зрелому размышлению я мог читать следующее (рис. 1):

№ 6640/1 — «как по названию, так и в действительности, пусть все будет блестящим светом».

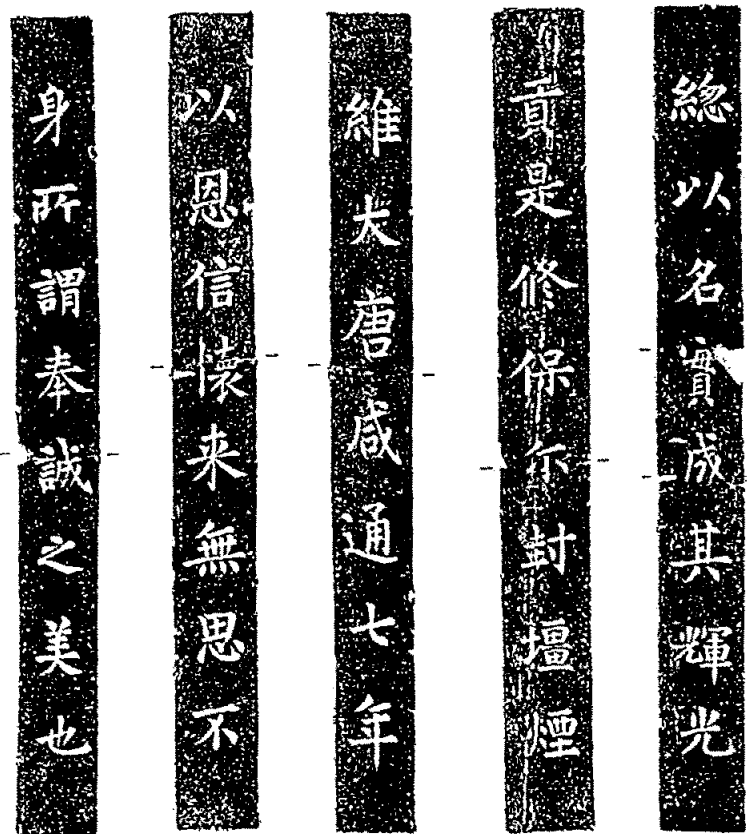
№ 6640/2 — «накладывая дань (на кого-нибудь), здесь управляем твоей границей и защищаем ее, дым».

№ 6640/3 — Вот седьмой год Хиантон Великой династии Тан.

№ 6640/4 — «с благодеянием и искренностью пришел, чувствуя нежность, заботясь, не могу (или не можем) не».

№ 6640/5 — «(самоотверженно)», преподносили тебе свою красоту правдивости, как говорят в свете.

Обнаруженные таблички не целые, поэтому связь по смыслу между строками не всегда ясна. Но можно считать, что строка № 6640/3 находится в начале среди всех предложений, а строка № 6640/5 — в пунктуационном положении определенного контекста. Хиантон — это название хронологической эры в царствовании монарха Ицзун танской династии (860–894), поэтому его седьмой год приходится на 866 г. н.э. Тексты из строк № 6640/1, 4 и 5 можно считать словами и фразами, выражающими соболезнование или похвалу к погребенному или погребенной. На табличке № 6640/2 высечены такие интересные буквы, как (гон, дань) и (феньйиан) (блокированная граница). Они отражают одну из сторон политического режима древнего Китая, захвата новых земель (системы, в которой императорскими указами Китая назначались определенные титулы главам варварских государств, граничащих с Китаем), поэтому надо иметь в виду, что погребенный (или погребенная) связан (на) с таким политическим обстоятельством. В древнем Китае такие таблички всегда являются частью погребения. И если таблички эти изготовлены в том самом месте, где собственно они были сопровождены в погребение или близко оттуда, то возможно, что такие места были под контролем танской династии над северо-западной окраиной в середине IX в. н.э. Хотя не могу не сказать, что пока еще не достает конкретности по содержанию о надписи в табличках, так как до сих пор не найдены таблички с каким-либо именем собственным, например именем человека, названием государственной службы, географическим названием и т.д., но мне кажется, что нельзя недооценивать хотя бы 5 табличек, существующих в настоящее время, изучая историю народов в Южной Сибири в танскую эпоху.

5

4

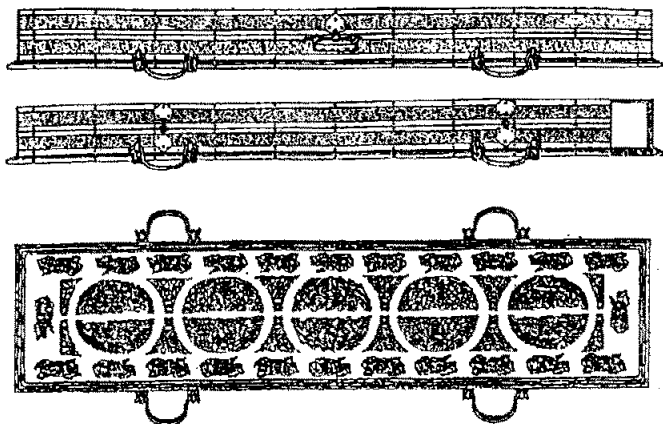
3

2

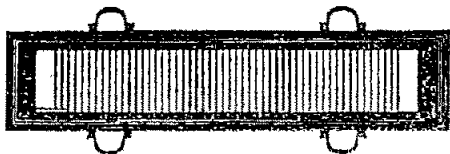
1

- Номер коллекции N 6640/1~5
- Горизонтальными линиями показаны изломы у табличек

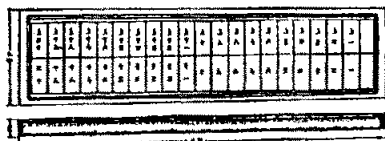
рис. 1 . Мраморные таблички, найденные в с. Райково.
(Хранены в Хакасском краеведческом музее)

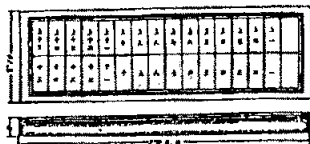
1. Ящик для табличек из мовзолея Ван Цзянь.
Внешний вид.

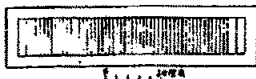
2. Ящик для табличек из мовзолея Ван Цзянь.
Внутренняя часть. В обеих сторонах
положены ше-био.

3. Ящик большого размера
для табличек из мовзолея Ли-Бянь.
Внутренняя часть.

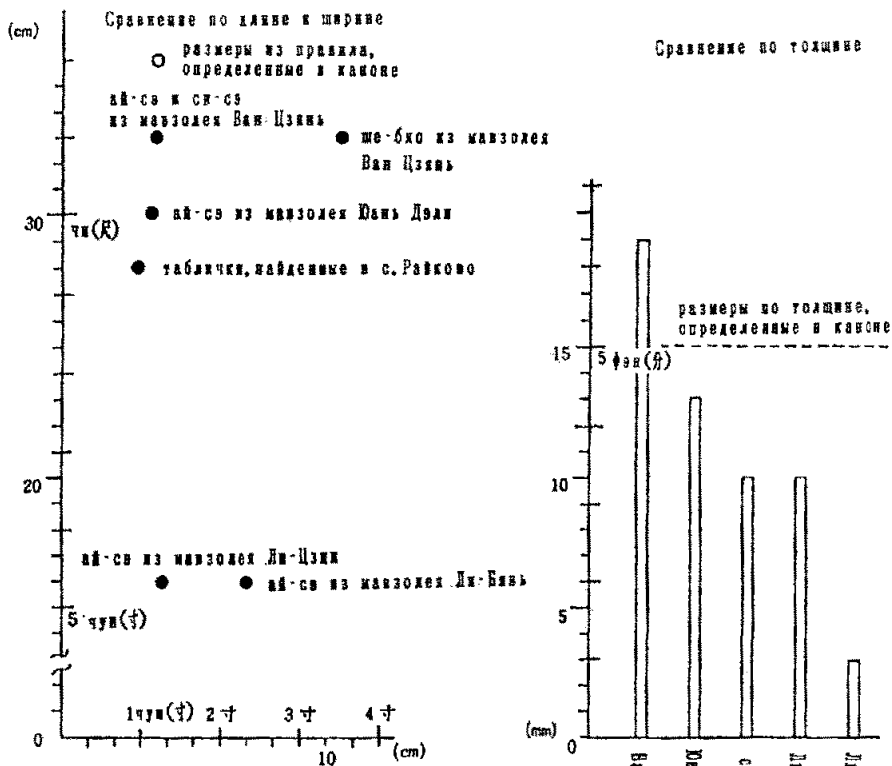

4. Ящик небольшого размера
для табличек из того же.

5. Ящик для табличек из мовзолея Юань Дэжи.
Внутренняя часть.

рис. 2. Ящики для табличек, найденных в Китае.

* Длина табличек ай-се из мавзолея Ли Цзинь показана длиной ай-се из мавзолея Ли Бинь, так как она пока неизвестна.

рис. 3. Сравнение по размерам табличек

Другие подобные примеры в сравнении с ними

Такие таблички называются ай-сэ по-китайски. Там стихами написано то, что восхвалено доброе дело императорской фамилии при жизни, когда выносят гроб с телом императора или члена его семьи. Ай-сэ сделан из камня или бамбука. После того, как буквы написаны тупью или просто высечены, таблички укладываются в специально изготовленный ящик и помещаются в мавзолей. Как правило, ай-сэ из камня начали использовать с танской династии, а с ханской вплоть до танской использовали ай-сэ из бамбука. Таблички ай-сэ из камня, которые обнаружены в окрестностях Абакана, как выше указано, отрывочны, поэтому для того, чтобы дать конкретное представление о целом комплекте табличек, надо сравнить их с другими экземплярами таких вещей, о которых до сих пор известно внутри КНР, тем более, что обычай по использованию таких табличек при похоронах существовал только в Китае.

Мавзолей Ван Цзянь (он умер в 918 г.) династии, которая была создана в конце танской династии и существовала до Пяти династий, расположен в городе Шеньдоу провинции Сичуан и имеет форму круглого кургана высотой 15 м с диаметром 80 м в 1942-1943 гг. он был раскопан и внутри была обнаружена могила длиной 23,4 м. Она представляла собой три камеры, среди которых в задней камере была выставлена статуя, изображающая покойника, были найдены таблички ай-сэ вместе с сокровищами, медной посудой и другими вещами, и при этом в камере находились ящики для табличек (рис. 2,1,2).

Здесь были обнаружены 51 табличка ай-сэ и по одной табличке ше-био, предназначенных для специального помещения в начале и в конце целого текста, еще 50 табличек ся-сэ (специально относящихся к самому посмертному имени покойника) и по 2 таблички ше-био. Размер их: длина 33 см, ширина 3,5 см, толщина 1,9 см. В 1,7 см с обоих концов боковых сторон табличек пробиты дырочки, через которые продеты нитки из серебра, и при помощи их они связаны. Надписи высечены глубоко и позолочены. Ящики для табличек изготовлены одинаково по конструкции, длиной 225 см, шириной 45 см, высотой 21,5 см; доска дна ящика толщиной 2,8 см и доска рамки по краю толщиной 2,1 см. Ящики полностью орнаментированы красной краской, а их боковые стороны, внешняя внутренняя часть, закрытая крышкой, покрыты серебром, а на крышке нанесены узоры японской жимолости, журавлей, павлинов и других [4, 5].

В 1950–1951 гг. в провинции Джян-су в окрестностях города Нантинь были исследованы мавзолеи императоров одной из Пяти династий Ли-Бянь и Ли-Цзин. Мавзолей Ли-Бянь высотой 5 м, диаметром 30 м, а камера длиной 21,48 м, шириной 10,45 м. Камера мавзолея Ли-Цзин всей длиной 21,99 м, шириной 10,12 м. В обсах могилах в задних камерах были найдены таблички ай-сэ на полу для гробов в задних камерах. В мавзолея Ли-Бянь таблички были разбросаны внизу и на поверхности постамента для гроба в задней камере. Найдены 11 фрагментов табличек, которые почти похожи на целую форму, и 12 — совершенно фрагментарны. Среди них только на 3-х фрагментах замечены остатки лака и высеченные буквы покрыты позолотой. Каждая из большинства табличек из камня светло-зеленого цвета, шириной 7 см, длиной 16 см, толщиной 0,2–0,3 см, на них вырезаны 3 строки с иероглифическим уставом, но есть некоторые таблички, у которых 1 строка. И еще были обнаружены ящики большого и маленького размера для табличек. Размер первого — 1,59×0,43 м. В такой ящик помещалось всего 42 таблички, располагаясь по 20 вверху и внизу. Размер второго — 1,255×0,415 м. В нем 32 таблички, по 15. В обоих в начале текста находится одна строка, посвященная императору (в первом) или королеве (во втором) (рис. 2,3).

Таблички ай-сэ из мавзолея Ли-Цзин изготовлены из известняка бледно-желтого цвета. Всего найдено 40 их фрагментов, а среди них на 20 фрагментах нанесена надпись. Они шириной 2,8 см, т.е. в три раза меньше размера табличек Ли-Бянь, но толщиной 1 см, гораздо толще. Про их длину неизвестно. Строка букв нанесена неглубоко и также покрыта позолотой (рис. 2,4). Таблички должны быть проупорядочены, чтобы избежать ошибки в порядке при их размещении.

Мавзолей императорской четы династии Суп Юань Дэли был раскопан Институтом провинции Хэнань в 1984 г. Сопроводительных вещей было найдено мало из-за нарушения погребения, но среди них были найдены таблички. Они перечисляются по статьям следующим образом: 41 табличка ай-сэ (всего 209 букв) и 36 табличек сй-сэ (всего 187 букв). Три целых таблички длиной 30,8 см, шириной 3,3 см, толщиной 1,3 см. Докладчик сравнил их с экземплярами из мавзолея Ван Цзянь и предположил, что ящик длиной 220 см, шириной 50 см [3; 4, рис. 2,5]. В некоторых источниках древнего Китая упоминаются особые правила (каноны), в которых предусматриваются определенные размеры таких табличек ай-сэ или сй-сэ. По таким правилам они изготавливались в Ведомстве главного императорского секретариата по управлению страны Чжуншу пэн и

определялись так: длиной 1 чи (чи = 30 см) 2 чун (чун = 3 см), шириной 1 чи 2 чун, толщиной 5 фэн (фэн = 3 мм). Но о числе табличек или о числе букв особенных правил не было. Таблички пронизаны через дырочки золотыми нитями с начала до конца и связаны. В 4 начальных и конечных табличках вырезаны изображения драконов и покрыты позолотой. Такие таблички называются бяшоу. В одной паре бяшоу изображен бог, а в другой драконы. При поднесении они закрыты и т.д.

Здесь я показываю связь между их длиной и шириной в графике (рис. 3) и привожу размер табличек из Райкова и размеры из правил, определенные в примечаниях к этому графику. Нанесены деления на 30 см, полученные из среднего числа длин и ширин, которые использовались в течение с танской до сунской эпохи (с VII в. до второй половины XIII в.). По графику оказывается, что табличка бяшоу из мавзолея Ван Цзянь по ширине гораздо больше, чем табличка ай-сэ ли сй-сэ, так как они отличаются друг от друга по характеру при их использовании. Таблички из мавзолея Ли Бянь в 2 раза больше, чем обычно, так как на поверхности одной таблички высечены 3 строки (максимально 14 букв включены в одну строку). Но как показано в рисунке ящичка, таблички размещены в два ряда, поэтому они получены по длине половиной. Иначе говоря, если удвоить их, получается 32 см, а цифра эта почти совпадает с длиной других табличек. Это именно из-за того, что имели ввиду длину, которая определена капоном. Длину табличек из мавзолея Цзин нельзя узнать, так как они все отрывочны, а ширина их 2,8 см. Для удобства, чтобы узнать, какое место занимает размер из табличек в графике, показана такая же длина, как из табличек мавзолея Ли Бянь. По длине и ширине таблички из Райкова близки к табличкам ай-сэ или сй-сэ из мавзолея императора Юань Дэли или императора Ван Цзянь. В этом отношении они соответствуют определению канона. По толщине таблички ай-сэ из мавзолея императора Ван Цзянь превышает числовое значение, определенное правилом, т.е. 15 мм, а таблички ай-сэ из мавзолея Ли Бянь оказывается гораздо ниже его. Кроме них, остальные почти все одинаковы, в том числе и таблички из Райкова.

Итак, посмотрим, сколько строк и букв высечено? По количеству букв в одной строке у табличек из Райкова 7-8 букв и по сравнению с табличками из мавзолея императора Юань Дэли (12-13 букв) или императора Ван Цзянь (максимально 17 букв), их довольно меньше. Не обязательно делать такое заключение, но по количеству букв таблички из Райкова отличаются от других, даже если учесть размер каждой буквы или промежутки между ними.

О размере ящика для табличек из Райкова совсем неизвестно. Но принимая во внимание размеры ящика из мавзолея Ван Цзянь (7,5×1,5 чи), первого ящика из мавзолея Ли Бянь (5,3×1,4 чи) и второго (4,2×1,4 чи), длина ящика не всегда одинакова и может изменяться в зависимости от количества строк с буквами, несмотря на то, что ширина, естественно, установлена в зависимости от длины каждой таблички.

Как видно из вышеуказанного сравнения, можно сказать, что хотя по форме таблички из Райкова почти подобны форме, определенной каноном, но по количеству букв есть большая разница между табличками из Райкова и другими. Пока неизвестно, в чем состоит причина такой разницы. Но до тех пор, пока на месте находки в Райкове не проведутся археологические раскопки под руководством археологов и не найдутся остальные таблички, включая таблички с конкретным именем человека, я хочу ограничиться только замечанием, что у табличек из Райкова имеются такие характерные черты.

Краткий общий обзор исторического фона

Мятеж, поднятый Ань Лушань и Ши Шилин в 755–763 гг., нанес большой удар государственной мощи танской династии, в которой развивался обвал прежней земельной системы. Для того, чтобы избавиться от этого серьезного положения, танское государство собралось создать финансовые источники, приводя в действие систему нового налогообложения (2 раза в год, летом и осенью) и обеспечить экономическую стабилизацию. Но, с одной стороны, прогрессировала приватизация земли, генерал-губернаторы собирали силы и бунт крестьян обострился, а с другой стороны, в 875–884 гг. Хуан Чао поднял невиданный по масштабам мятеж и в конце концов в 907 г. Чжу Цюаньчжун уничтожил танское государство. Вообще говоря, это обобщенное изложение событий в конце танской эпохи.

Какая обстановка существовала в верховье Енисея на фоне вышеуказанных событий?

Уйгуры, которые разбили тюрок в 729 г., в свою очередь были повержены киргизами в 840 г. И этот край был основной базой для киргизов до тех пор, пока он не был завоеван монгольской империей в XIII в.; с того момента киргизы были вынуждены постоянно передвигаться в степи Средней Азии.

Известно, что в бассейне р. Кема была родина киргизов или хакасов, которых называли Джианкун или Гэкун в ханьской эпохе, Джизду или Киаду в эпохе династии Ханьвэй (Северо-Южных

стран), Хиаджияся в танской эпохе. Река Кема — одно из древних названий верхнего течения Енисея, в танской эпохе упоминалась река Джиап, т.е. Енисей, южнее места слияния с Ангарой. Она протекает из хребта Танну-ола. Таким образом, с начала VII в. танское государство начинало управлять этой местностью и организовало управление генерал-губернаторов духуфу, как звено в цепи политики косвенного контроля окружающих малых и слабых стран, заботясь о влиянии их влиятельных лиц разрешением самоуправления [6, 7].

Между тем, в действительности, генерал-губернаторы (трех гарнизонов места Хэбэй) не посылали налог в центр в императорский двор и сами назначали чиновников и поэтому территории, которыми они управляли, производили впечатление, будто существовала специальная малая страна под владычеством танской династии [6, 7]. Не исключена возможность, что так или иначе после второй половины IX в. такая тенденция встречалась и в Хакассии, которая расположена в северо-западной окраине танского Китая. Если можно так предположить, то основа власти того лица, которое, как написано в табличке № 6640/2 из Райкова (управляет твоей границей и защищает ее), не должна быть не причастна к структуре власти таких генерал-губернаторов. И еще с третьей четверти VIII в. до первой половины IX в. управление танского государства Тибетом и северо-западными местами, становилось просто номинальным, или развитие сил туфанов (предков нынешних тибетов) вызвало большую суматоху у уйгуров и других северных народов, что подготовило почву для запутанности в период танской династии и Пяти династий. Но тогда резко изменились Хиаджиси, значит возникло государство киргизов. Здесь, в связи с обстоятельством тогдашнего управления генерал-губернаторов танского государства в северной окраине, я хочу подчеркнуть только то, что в Хакассии, включающей основную базу киргизов, были найдены рассмотренные таблички.

Хакассия данного периода с археологической точки зрения

Суммируя содержание по средневековым археологическим культурам по опубликованным работам (Степь Евразии в средневековье; Древняя и средневековая история Южной Сибири; Археологические открытия и т.д.) я старался познакомить наших читателей с результатами этого периода в Хакассии, особенно обращая внимание на торговлю с танским Китаем.

Историческое значение табличек из Райкова

Выше я сделал приблизительный обзор о том, какова была историческая ситуация, где были найдены таблички, приводя два-три примера на основе результатов исследований, полученными передовыми умами. В результате даже только в силу краткого обзора ясно, что таблички из Райкова появились на историческом фоне, существовавшем с широким ареалом торговли вокруг политики северо-западной окраины танской династии.

Таблички ай-сэ или сй-сэ употребляли не отдельно от тогдашнего обряда у лиц, принадлежавших к высшим слоям общества, особенно у императорских фамилий [7, 8]. В связи с интерпретацией о дворце Лилина ханской эпохи, японский ученый доктор Бунъэй Цунода высказал свое мнение, что в зависимости от естественного хода истории, тогдашние китайцы построили дворцы или резиденции ханского типа, чтобы сохранить образ жизни, подобный тому, что они вели на родине и уровень своей культуры, указывая на тот факт, о котором записано в китайском источнике: когда в 105 г. до н.э. принцесса императора Лю Цзянь вышла замуж за императора государства усун Кунхо она дошла до той страны, там жила во дворце, который был построен по-китайски). Хотя этот факт отмечен для ханской эпохи, но такая ситуация возможна и здесь.

О Джианкун (киргизах), упомянутых в главе (Уйгуры) в хронике (Новая история Тан) написано так: когда они (посланцы-киргизы) преподнесли дары императору танского государства в течение года Джинлон (707–709), он принял их и, отблагодарив за услугу, сказал, что ваше государство принадлежит тому же кровному родству, как ваше и поэтому вы не идете ни в какое сравнение с другими варварскими племенами. В связи с этим добавочно объясняют, что то кровное родство, которое здесь упоминается, основывается на таком рассказе, в котором у племен Хиаджиси (киргизов танской эпохи) есть потомство Лилина [1]. Представляется, что это интересная интерпретация. С этих пор есть еще другое описание о Хиаджиси. В 847 г. танский государь приказал сановнику Ли Е послать к Хиаджиси, разрешающее старейшине племени стать верховным главой. И еще в течение годов Хиантон посланцы-киргизы три раза прибывали и получали аудиенцию у танского государя [9]. Возможно ли искать какую-нибудь связь с лицом, которому посвящены таблички из Райкова, в таких записях, которые выше изложены?

Сам факт, что на родине киргизов или хакасов, которая расположена в одном из притоков верховья Енисея, на р. Абакан, были найдены таблички ай-сэ (или сй-сэ), связанные со смертью лица высших слоев тогдашнего общества, имеет необычайно важное значение не только для выяснения истории средневековья в Хакассии, но и для сравнительного анализа процесса развития обществ, которые издавна существовали под влиянием, в большей или меньшей степени, китайской цивилизации. Но пока я не могу более конкретнее констатировать исторические факты, почерпнутые из надписи в табличках, поскольку не произведены исследования на основе археологических раскопок с чисто научной объективностью и хорошей осведомленностью в результатах изучения окружающих стран.

Я выражаю благодарность за то, что мне дали возможность успешно работать в Сибири директору Института археологии и этнографии СО РАН Деревянко Анатолию Пантелеевичу, председателю правления Осакской префектуральной Ассоциации по культурным ценностям Макио Иван, начальнику отдела обследования Ютака Исигами, заведующим отделом координации Кэнджи Фуджита, заведующим первым отделом обследования Каору Оно и нашим другим коллегам. И я благодарю профессора Кадзуо Фудэсава и нашего коллегу Маери Фудэсава за то, что на первый взгляд они сразу указали на то, что мраморные палочки из Райкова — это именно часть из табличек ай-сэ и посоветовали мне познакомить наших специалистов с ними.

И я никогда не забуду любезности следующих людей: доктора Хакасского госуниверситета Бутанаева Виктора Яковлевича, который познакомил меня с этими табличками, директора Хакасского краеведческого музея Мылтыгашеву Людмилу Петровну, которая дала мне возможность провести их обработку и собрать материалы, заведующего отделом фондов Чалкину Марию Феофановну, Ирину Кызласову и других, которые содействовали мне при работе, Могилевскую Татьяну Владимировну, которая помогала мне в копировании тушью надписи в табличках.

Примечания

1. Бунъэй Цунода. О так называемых <остатках Лялина> // Изучение древних северных культур, исправленное и дополненное издание. — Киото, 1971, — С. 73–86.
2. Арх. энцикл. словарь. — Токио, 1972. — «Ай-сэ».

3. Сун Синкинъ. Ящик для табличек ай-сэ в мавзолее императорской четы династии Сун Юань Дэли // Археология, Хуася, 1990. — н.2, — С. 92-99.
4. Институт археологии КАН, Мавзолей императора Ван Цзинь в период прежнего Цу. — Пекин, 1964.
5. Музей Накин, два Мавзолея Южного Тан. — Нанкин, 1957.
6. Тосикадзу Хори. Структура власти гвардии, управляемой генерал-губернаторами // Труды Института культуры Востока. — Токио, 1960. — н. 20.
7. Окимити Тасака. О положении северо-западной окраины в середине эпохи Тан // Труды Востока. — Токио, 1940. — н. 11.
8. Тэцудзи Морохаси. Большой китайско-японский словарь. — Т. 2. — «Ай-сэ».
9. История народов-кочевников // Архиварий Востока. — н. 223. — Токио, 1974. — С. 454.

Л.М. Плетнева

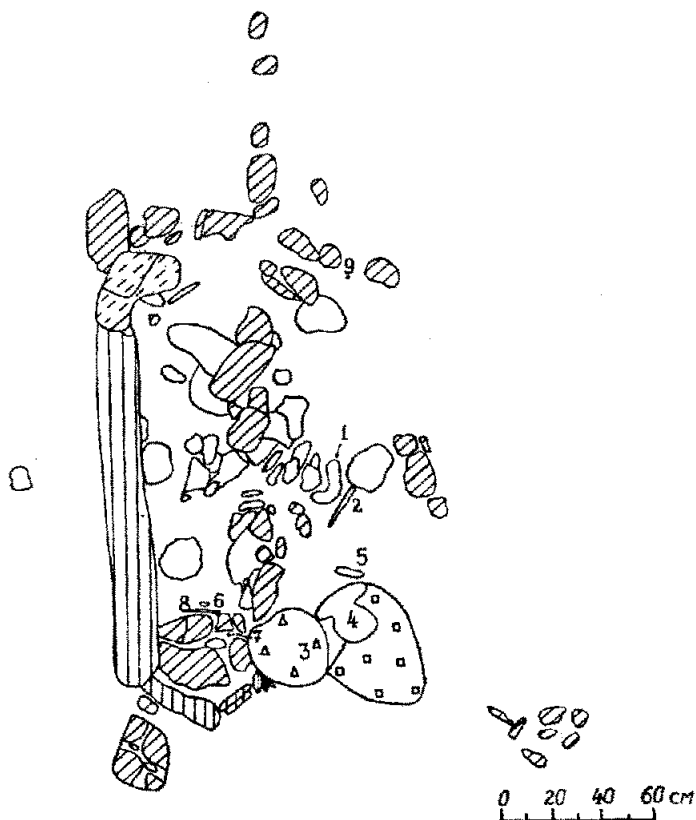
Погребение в каменном ящике из Коларовского могильника

В 1978 г. Томским отрядом Археологической экспедиции Томского университета были проведены раскопки Коларовского курганного могильника. Он расположен в 3 км «севернее с. Коларово (Томский район Томской области), на правом берегу р. Томи. Могильник раскапывался сплошной площадью. Курганы позднего средневековья располагались на культурном слое эпохи поздней бронзы» (Плетнева Л.М., 1990). В двух курганах найдены ранние захоронения.

Наиболее интересно захоронение в каменном ящике. Оно было обнаружено в южной части кургана № 2 на глубине 0,55–0,65 м от современной дневной поверхности. С западной стороны была поставлена на ребро целая плита длиной 1,45 м, толщиной 5–8 см (рис. 1). Остальные стенки ящика были сооружены из нескольких плиток каждая. Их размеры от 40×15 до 15×17 см, толщина 3–4 см. Восточная и северная, особенно последняя, были нарушены грабителями. Высота ящика 30–33 см. Стены ящика сооружены в такой последовательности: сначала была поставлена восточная стена, затем южная (они плавно переходят одна в другую, угол скруглен), затем — западная, так как ее торцы опираются на торцы южной стены, и, видимо, только после этого сооружена северная. Стены ящика во время раскопок были наклонены внутрь. Ширина ящика по верху 30 см, по основанию 70 см. Возможно, что ящик сверху тоже был закрыт плитами, часть из которых упала внутрь ящика.

Захоронение пострадало от грабителей, видимо, дважды: до сооружения или во время сооружения курганного могильника и во время ограбления кургана. В последнем случае незначительно: часть плиток была в грабительской яме и темная гумусированная земля заполняла северную часть ящика, в то время как насыпь кургана состояла из темноватого суглинка. Во время первого ограбления был нарушен ящик: сняты верхние плиты, нарушены стены и скелет, выброшен череп и другие кости. Череп находился на уровне нижнего

С ↑

- - мелкие песчаниковые плитки
- - плитки, поставленные наклонно
- - плитки на уровне верхнего края плиты
- - плитки на уровне нижнего края плиты
- - плитки, лежащие выше верхнего края плиты

Рис. 1. Погребение в каменном ящике.

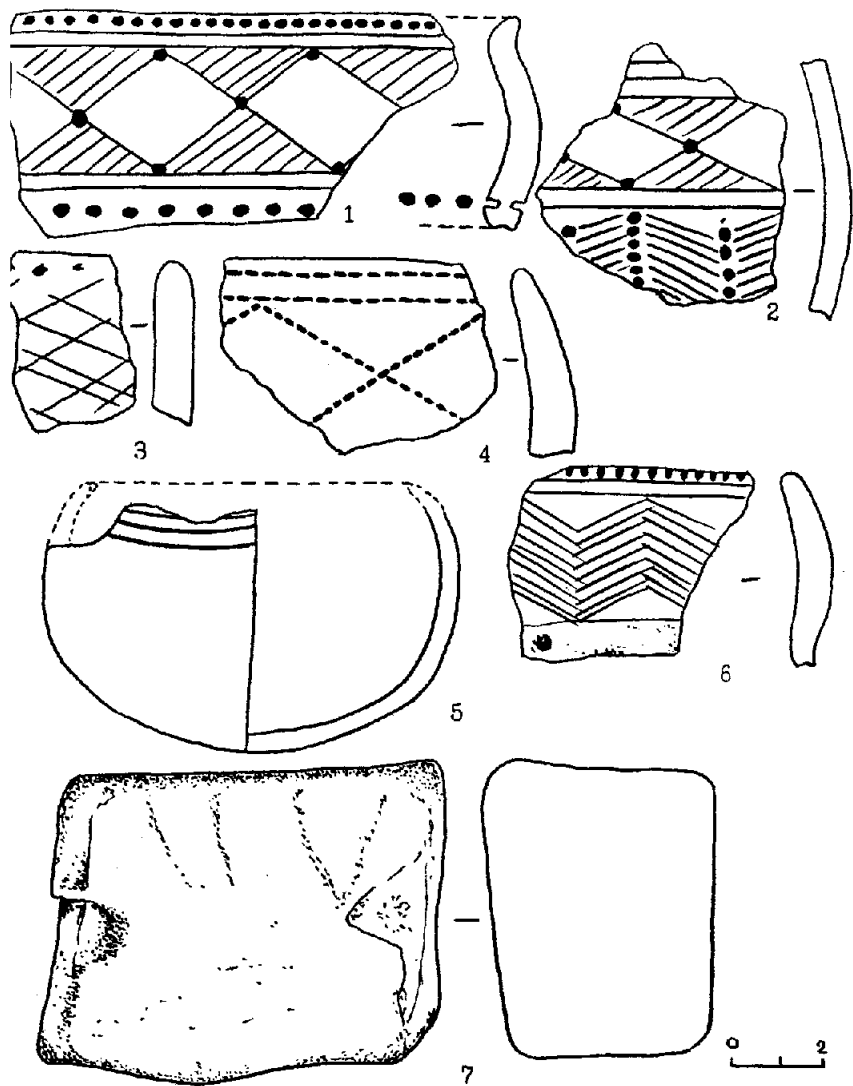

Рис. 2. Предметы и керамика эпохи бронзы из культурного слоя и курганов 6, 7, 9.

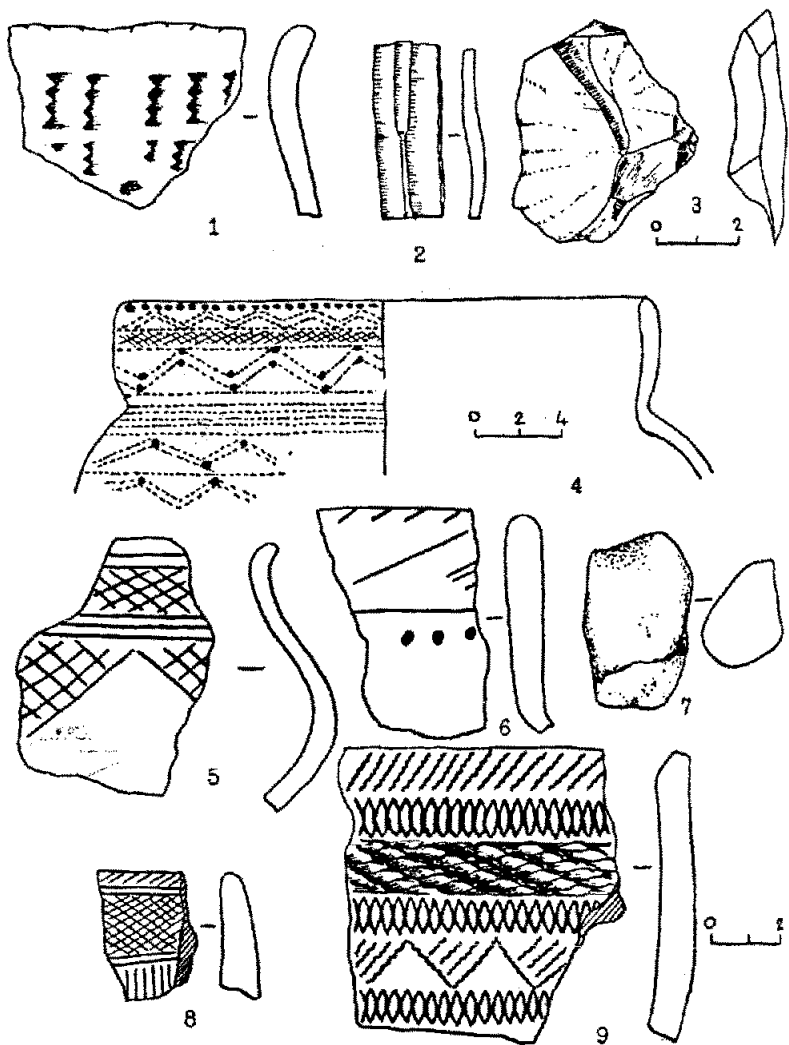

Рис. 3. Предметы и керамика эпохи бронзы из культурного слоя и курганов 12/1/, 4/2-7/, 5/8-9/.

Рис. 4. Предметы и керамика из скопления южнее кургана №7.

края плиты, в обломках (рис. 1-1). По определению В.А. Дремова и А.Р. Кима он принадлежал мужчине в возрасте 40-60 лет. Рядом с черепом лежала трубчатая кость человека (рис. 1-2). Все кости очень плохой сохранности. Южнее описанных костей найдены череп и кость животного (рис. 1-4,5). Западнее их расположены фрагменты сосуда эпохи бронзы, возможно, выброшенного грабителями из ящика (рис. 1-3). Внутри ящика были найдены ребра человека, предмет из рыхлого песчаника и кость животного (рис. 1,6-8). Все находки в ящике лежали на суглинке, что свидетельствует о том, что ящик внутри не был выстлан плитами. В северной части погребения, за пределами ящика была обнаружена ножевидная пластинка (рис. 1-9).

Второе погребение раннего времени (по сравнению с позднесредневековыми погребениями) располагалось в кургане № 5. В слое материкового суглипка, на глубине 0,55 м от современной дневной поверхности найден череп человека очень плохой сохранности, длинная кость без эпифизов и два фрагмента керамики эпохи бронзы. Казалось бы в датировании описанных погребений нет затруднений: в обоих случаях найдена керамика ирменского времени. Но дело в том, что такая керамика встречена на всей площади раскопа могильника (в курганных насыпях и вне их). Кроме того, найдены грузило, сколы и отщепы кремнистого сланца (рис. 2,3). На участке 0,75×1 м южнее кургана № 7 было обнаружено несколько сот сколов, мелких чешуек, кусков кремнистого сланца. Здесь же были и орудия (рис. 4,1-4). Среди находок из камня обнаружено несколько фрагментов керамики ирменского времени, что дает возможность предположить отнесение каменного инвентаря к этому же времени (рис. 4,5-9).

Надо отметить, что насыщенность находками слоя на площади раскопа очень слабая, на основании чего напрашивается вывод: либо это периферийная часть поселения, либо это место, входящее в зону обитания, примыкающую к поселению. Я думаю, что в данном случае имело место второе обстоятельство, так как поселение со значительным культурным слоем располагалось севернее могильника в 120-150 м. Оно пока не исследовано, на нем заложен только небольшой рекогносцировочный раскоп.

Вернемся к определению даты ранних погребений: можно ли их соотнести с керамикой ирменского времени? Большой соблазн ответить утвердительно, но вряд ли мы имеем на это полное основание. Кроме того они могут быть разновременными.

Погребение в каменном ящике, точнее в обкладке из каменных плит, известно из Томского могильника на Малом мысу. Это могила № 8, относящаяся к эпохе бронзы. В ней найдены бронзовые зеркало, серьги и бляшка (Комарова М.Н., 1952, с. 29).

*Ю.С. Худяков,
Ю.А. Плотников*

**Изучение археологических
памятников Алтая
(II тыс. н.э.)**

Археологические памятники, относящиеся ко II тыс. н.э. в Горном Алтае и Верхнем Приобье, обратили на себя внимание ученых еще в начале XIX в. В долине р. Чарыш погребение с конем начала II тыс. н.э. было исследовано К.Ф. Ледебургом в 1826 г. [1, с. 190].

В конце столетия началось археологическое изучение памятников этнографического времени. В 1897 г. Е.А. Луценко совершил поездку в Горный Алтай с целью антропологического исследования теленгитов, обитавших по рекам Чулышман, Башкауз, Улаган и Чуя. Помимо современного населения он изучал костяки из теленгитских захоронений. Таких могил Е.А. Луценко обнаружил более 100, около 20 были им раскопаны. Исследователь выделил три типа погребений: наземные в срубинах, впускные в курганах и каменных осыпях, гротовые [2, с. 33–34].

В 1920–30 гг. XX в. отдельные комплексы, относящиеся к периоду развитого средневековья, исследовали в Горном Алтае С.И. Руденко, А.Н. Глухов [3], в Верхнем Приобье и на Алтае М.П. Грязнов [4], О.М. Сергеев и М.Д. Копытов. Археологические находки из памятников развитого и позднего средневековья постепенно накапливались в музеях Ленинграда, Томска, Барнаула, Бийска.

Первый опыт обобщения археологических материалов первой половины II тыс. н.э. в Верхнем Приобье был предпринят в 1956 г. М.П. Грязновым [5, с. 153–157]. Исследователь систематизировал результаты своих раскопок на памятнике Ближние Елбаны в 1940-е гг., выделил серию памятников II тыс. н.э., обосновал их хронологию, кратко охарактеризовал погребальную обрядность и хозяйственные занятия населения. В 1965 г. А.А. Гаврилова, проанализировав материалы могильника Кудыргэ, выделила группу могил монгольского времени [6, с. 44–49]. Ею обоснована хроно-

логия памятников «часовенногорского типа» XIII–XIV вв., в числе которых на Алтае вошли отдельные погребения из Пазырыка, Яконура, Красноярского, охарактеризован предметный комплекс.

В 1964 г. своеобразное погребение эпохи развитого средневековья у с. Бичикту-Бом в Горном Алтае раскопала Е.М. Берс. Серию памятников II тыс. н.э. в урочище Раздумье в Степном Алтае в 1960-х гг. исследовал А.П. Уманский [7, с. 81]. В 1969–1970 гг. памятники Сухие Гривы и Осипки в Верхнем Приобье раскапывали Н.Л. Членова и Д.Г. Савинов [8, с. 201; 9, с. 219–220; 10, с. 69–71]. Большая серия впускных погребений XIX–XX вв. в насыпях древних курганов изучена Д.Г. Савиновым в 1971–1972 гг. в долине р. Узунтал [11, с. 287; 12, с. 236]. В процессе раскопок курганов раннего железного века и средневековья в Горном Алтае В.Д. Кубаревым в 1970–1980 гг. были исследованы отдельные захоронения этнографического времени: впускные, наземные в срубиках и скальные [13, с. 71; 14, с. 123, 132; 158, с. 131–132, 145–146]. Материалы раскопок памятников первой половины II тыс. н.э. на Алтае и в Верхнем Приобье были частично охарактеризованы в работах В.А. Могильникова [1, с. 190–200], С.В. Неверова [16, с. 118] и Д.Г. Савинова [10, с. 69–71].

В 1980-х гг. памятники II тыс. н.э. исследовались в Горном Алтае В.А. Могильниковым, В.Н. Елиным [17, с. 153–162], Ю.Ф. Кирюпиным, С.В. Неверовым, Н.Ф. Степановой [19, с. 225–229; 20, с. 120–123], Ю.А. Плотниковым, В.П. Мыльниковым, Н.В. Полосьмак, в Степном Алтае — Л.А. Кунгуровым, Д.Б. Бородаевым и др. Ю.С. Худяковым было проанализировано вооружение населения Алтая и Приобья в первой половине II тыс. н.э. [21, с. 168–185]. Исторические события II тыс. н.э. на Алтае рассматривались в трудах Л.П. Потапова [22, 23], К.И. Петрова [24], И.Я. Златкина [25], А.П. Уманского [26], В.В. Трепавлова [27] и др.

В XI–XII вв. н.э. Горный Алтай входил в состав одного из княжеств, на которые распался Кыргызский каганат. Помимо собственно кыргызов здесь обитали различные тюркоязычные племена. Вероятно, среди них были потомки древних тюрков, которым могут принадлежать погребения с конем, уйгуров и других телесских племен, хоронивших со шкурой коня, либо по обряду одиночного труположения. После распада Кыргызского и Кимакского каганатов население Верхнего Приобья некоторое время сохраняло самостоятельность. Этническая принадлежность этого населения оценивается по разному: одни исследователи считают его тюркоязычным, другие — самодийским, подвергшимся сильному тюркскому и кыргызскому влиянию [1, с. 191]. Степные районы Алтая

были, по-видимому, заселены кыпчаками, хоронившими умерших с конем или шкурой коня.

К концу XII в. Алтай вошел в состав земель, на которые расселились найманы, которых большинство исследователей считает монголоязычными. Монгольское завоевание в XIII в. повлекло за собой существенные изменения в этнокультурном облике и этническом составе населения. Очевидно, Алтай входил в ареал расселения «лесных племен», среди которых источниками называются теленгуты (телянью) и толесы.

Памятники XI—XII вв. н.э. выделяются на территории Горного Алтая и Приобья. К этому периоду В.А. Могильников относит памятники Чарыш и Узунтал [1, с. 191], Ю.Ф. Кирюшин, С.В. Неверов, Н.Ф. Степанова — памятник Верх-Еланда [19, с. 240], С.В. Неверов и Н.Ф. Степанова — курган у с. Элекманар [20, с. 123]. Ряд памятников, например, Ближние Елбаны, Раздумье, Красноярское, Бичикту-Бом, Осинки — получили датировки в пределах предмонгольского и монгольского времени. В отличие от синхронных кыргызских памятников алтайские комплексы начала II тыс. н.э. не содержат характерных железных деталей сбруи, апплицированных серебром. Встречаемые в них удила с большими кольцами и стремяна с прорезью в дужке в большей степени характерны для монгольского времени. В некоторых памятниках обнаружены трехлопастные и плоские наконечники стрел, луки с фронтальными концевыми и срединными накладками. В погребальной обрядности населения Алтая в начале II тыс. н.э. наблюдается ряд черт, восходящих к традициям конца I тыс. н.э.

В Горном Алтае среди различных типов погребений начала II тыс. н.э. присутствует погребение с конем. На р. Чарыш подобное захоронение было исследовано еще в начале XIX в. К.Ф. Ледбургом. Судя по последующим изысканиям А.П. Уманского [28, с. 36], памятник представлял собой четырехугольную оградку из вертикально врытых каменных плит, засыпанных внутри камнями. По мнению В.А. Могильникова, оградки являются древнетюркским поминальным сооружением. Погребение было впускным. Могила ограблена: на дне могильной ямы находились разбросанные кости человека [1, с. 191). Среди инвентаря отмечены железные удила, стремяна с прорезью в уплощенной дужке, костяная подпругная пряжка с подвижным язычком, втульчатый ромбический костяной наконечник стрелы и костяные пластины с циркульным орнаментом. Костяные предметы подобного облика в большей степени характерны для памятников I тыс. н.э.

На памятнике Бичикту-Бом в долине р. Каракол Е.М. Берс раскопала погребение со шкурой коня, каменная насыпь отсутствовала. Могильная яма овальной формы была ориентирована СЗ-ЮВ. На уступе могильной ямы находился череп, кости ног лошади, обломки железных удил, железные детали сбруи. Могильную яму перекрывал ряд наклонно установленных плит. На дне могилы помещалась листовенничная колода, внутри которой находился скелет взрослой женщины в вытянутом положении на спине, головой на СЗ. Правая рука согнута в локте. Эта деталь будет постоянно встречаться в памятниках этнографического времени. При погребенной найдено большое количество украшений: серебряные височные кольца, бисер, бусы из пасты, раковин, халцедона, подвески из ляпис-лазури и перламутра, а также железный нож, сланцевая плитка, роговая пряжка и шелковый мешочек.

На могильнике Узунтал VIII Д.Г. Савиновым исследован пологий каменный курган, под насыпью которого почти на уровне горизонта находилось погребение девочки в каменном ящике. Скелет лежал на спине, вытянуто, головой на С. Инвентарь включал бусы, пронизку из кости, раковины каури, бронзовый колокольчик, обломок бронзового зеркала, железный нож [11, с. 287].

В Верхнем Приобье среди грунтовых захоронений XI-XII вв. н.э. была исследована Д.Г. Савиновым [29]. На дне неглубоких могильных ям в деревянных рамах с перекрытиями находились скелеты погребенных. Они лежали на спине, вытянуто, головой на С и СЗ. В некоторых могилах находились скелеты собак. Мужчины погребены с оружием: луками со срединными, плечевыми и концевыми фронтальными накладками, железными и костяными наконечниками стрел, костяными петлями колчанов, копьями, кинжалами, ножами, теслами. Найдены поясные пряжки, бляшки, удила, стремяна. В женских захоронениях найдены украшения: серьги, бусы из сердолика, халцедона, лазурита, перламутра, обломки зеркал. У погребенных отмечена искусственная деформация черепов.

Горноалтайские погребения с конем принято относить к тюркам, погребения со шкурой коня — к уйгурам, одиночные грунтовые погребения — к тюркизированной самодийцам или кыпчакам.

Памятники XIII-XIX вв. выделяются на Алтае по серии признаков: форме стремян, удил, типам луков, наконечников стрел, характерным украшениям.

В Горном Алтае к этому периоду относится группа погребений под овальными каменными насыпями с западной в центре на могильнике Кудыргэ [6, с. 44-45]. Скелеты погребенных находятся в неглубоких ямах в деревянных колодах, гробах, на берестя-

ных подстилках. Они лежат на спине, вытянуто, головой на С. Одна или обе руки согнуты в локтях. В одной могиле в ногах погребенного находились кости овцы — бедренная и крестец.

Мужчин хоронили с оружием. Найден берестяной колчан с горизонтально срезанным верхом, железные наконечники стрел, железный нож. В женских могилах обычны украшения: серьги, бусы, бисер, серебряные нашивные пластины от головного убора. Встречаются железные ножи, бронзовые зеркала, железные пилы с костяной рукояткой. Конская сбруя, остатки седел, железные пробои, стремена, удила находятся не во всех могилах. Дети похоронены без вещей [6, с. 45–48].

В Верхнем Приобье погребения и поселения монгольского времени изучены в пунктах Ближние Елбаны, Осинки, Сухие Гривы, Красноярское, Раздумье, Усть-Алейка и др.

На памятнике Ближние Елбаны IX исследован курган с округлой земляной насыпью. Под насыпью на горизонте находились остатки сожженного деревянного сруба. Вокруг сруба располагались железные копья, три скопления железных наконечников стрел, роговые накладки лука, железные ножи, пряжки, ложка. Над подкурганной площади обнаружено большое количество ямок от деревянных столбиков [5, с. 154].

В могильниках Красноярское, Ближние Елбаны II, VII, IX, XIV, Раздумье, Осинки, Сухие Гривы исследованы грунтовые погребения. В могильнике Красноярское погребение обнаружено в «кургане», насыпь которого «практически не прослеживается» [16, с. 105]. Могильные ямы имели прямоугольную форму, иногда перекрытие из дерева или бересты. Скелеты погребенных лежат на спине, вытянуто, иногда со слегка подогнутыми в коленях ногами, ориентированы на ЮЗ, З, СЗ, СВ, В. В нескольких случаях поблизости от могильных ям находятся черепа лошадей. Состав инвентаря в памятниках существенно различается. В мужских погребениях встречаются предметы вооружения и конского снаряжения: сабля, луки, стрелы, ножи, тесла, удила, стремена, пряжки, кольца. В женских могилах обычны бусы и серьги, но иногда встречаются удила, стремена, наконечники стрел и лепные горшки. Значительная часть погребений взрослых и детей не имеет инвентаря.

В Ближних Елбанах исследовано поселение без следов долговременных жилищ. В культурном слое обнаружены фрагменты лепных горшков, кости лошади, овцы, коровы, диких копытных и пушных животных.

На основе изучения комплексов XIII–XIX вв. возможно вычленение монгольского компонента в населении Алтая. Погребения

под овальными каменными выкладками с северной ориентировкой скелета если не тождественны, то весьма близки собственно монголам Халхи и Забайкалья. Безусловно, вхождение в империю Чингис-хана и в улусы его преемников повлекло за собой распространение на Алтае монгольского населения.

Период XV–XVI вв. относится к самым «темным» временам в истории Алтая. Он абсолютно не исследован археологически и крайне слабо исторически документирован. Видимо, племена Алтая сохраняли в это время относительную самостоятельность и не входили в состав крупных государственных объединений. В конце XVI — начале XVII вв. в степях Северного Алтая существовал Большой Телеутский улус — единое княжество, некоторое время сохранявшее независимость от Алтынханов, джунгар и Русского государства. После распада Большого Улуса племена Алтая постепенно попадают под верховенство Джунгарии и России. На протяжении без малого столетия становится обычным явлением двоеданство. После разгрома Джунгарского ханства Цинской империей племена Алтая в середине XVIII в. входят в состав России. Этот период характеризуется бурным смешением различных родоплеменных подразделений и складыванием территориальных общностей.

Археологический материал позволяет говорить о существовании в XVII–XIX вв. различных типов погребений. Наиболее изучены в настоящее время впускные захоронения в насыпях древних курганов. Они исследовались в большом числе в восточных районах Горного Алтая в долинах рек Чуи, Юстыда, Узунтала, Улагана и пр. В насыпи готовили одно или два углубления (для человека и его коня). Труп человека укладывали в вытянутом положении на спине, головой на В. Характерно положение правой руки, согнутой в локте, с кистью, лежащей на животе или груди. Умершего хоронили в одежде, обуви, головном уборе. Сопроводительный инвентарь: железная и деревянная посуда, пояса с железными и бронзовыми пряжками, деревянные и бронзовые курительные трубки, в женских могилах — украшения. Оружие: лук со стрелами, в XIX в. — ружье. С.И. Руденко в одной из могил на р. Улаган обнаружил во впускной могиле набор кузнечных инструментов. Седло клали под голову умершему, но встречается положение сбоку или в ногах, стремяна часто клали под седло. Иногда часть конского снаряжения (удила и пр.) оставляли с коном. Сверху погребение забрасывали камнями. Наброска, как правило, невелика и сквозь нее часто можно видеть кости скелета и, в особенности, торчащие жерди, на которых покойника доставляли к месту погребения.

Видимо, не менее распространенными должны быть захоронения в каменных осыпях. Скальная осыпь и курганное сооружение сходны по составу, поэтому, очевидно, называемые типы погребений — две стороны одного и того же явления. Трудности поиска захоронений в осыпях заключается в том, что осыпь — это живое геологическое тело, в котором погребения могут разрушаться, а их внешние признаки — исчезать. Тем не менее, такие могилы удается обнаружить. Как правило, они размещаются в укромных местах, порой очень высоко. Одно такое захоронение было открыто А.М. Сагалаевым в долине р. Черный Ануй (устное сообщение). Ю.А. Плотниковым найдено погребение в урочище Алтайры (боковое ответвление долины р. Кверлык). Могила была расположена примерно в трех км от выхода из урочища, метрах в 50-ти выше дороги и выглядела как углубление в осыпи. На глубине 40 см обнаружено захоронение ребенка в возрасте до года. Сохранялись только кости черепа. Погребение было устроено в каменном ложе типа корытца, составленном из нескольких плоских плиток. Ложе ориентировано длинной осью СЮ (сверху вниз). Очевидно, погребенный лежал головой в гору. Сверху могила была перекрыта тремя жердочками поодоль и каменной наброской.

Еще один тип погребений с использованием условий местности — захоронения в скальных расщелинах и нишах. Исследованы В.Д. Кубаревым в Уландрыке [13, с. 71] и на Юстыде [14, с. 123]. Богатое сопроводительным инвентарем погребение обследовано В.А. Кочеевым в урочище Тожан на г. 2-й Межелик в Елинской котловине. Погребенный был завернут в бересту и уложен в расщелину в скале. Сверху костяк был перекрыт жердями и завален мелкими камнями. Погребение потревожено нашедшими его рабочими, поэтому определить положение костяка сложно. Удалось установить ориентировку — на СЗ головой. Справа от костяка лежал колчан со стрелами, в ногах — седло. Расположение лука и ножа не установлено. Судя по форме кожаного колчапа и железных наконечников стрел [18, с. 158–161], погребение датируется XVII–XVIII вв.

В погребальном обряде населения Елинской котловины зафиксировано новое явление. Могилы расположены около зимней стоянки чабанов Кара-Бом. Топография их размещения специфична — на протяжении примерно 1 км по одной у каждого заметного скального выступа. Расстояние между могилами колеблется в пределах нескольких десятков метров. Сходство внешних признаков и внутримогильного устройства позволяет думать, что погребения относятся к одному хронологическому пласту и представляют собой рассредоточенный в пространстве могильник. Надмогильные сооружения вы-

глядят как едва заметные овальные выкладки из каменных плит. Выкладки ориентированы длинной осью ЗВ, причем такая ориентировка располагает их поперек близлежащих скальных выходов. Плиты уложены поверх деревянного перекрытия, находящегося на уровне древней поверхности. В одном случае зафиксировано внутримогильное сооружение в виде клетки из жердей, перекрытое листовенничной корой, напоминающее известное в этнографии алтайцев наземное сооружение УКПЕК [15, с. 140]. Глубина могильных ям 60–80 см. Погребенные ориентированы головой на В. Положение костяков вытянутое, на спине, правая рука согнута в локте. Под голову помещали седло (кроме детских могил). Пока не обнаружены сопроводительные захоронения коней и заукокойная пища. Последняя могла быть жидкой и содержаться в сосудах, деревянных или кожаных. В женских могилах присутствует богатый набор украшений: подвесные косы, бляшки, пуговицы. Предварительная дата погребений — XVIII — нач. XIX вв.

На могильнике Кызыл-Бом зафиксированы поминальные сооружения, представлявшие собой пирамидки из нескольких поставленных на ребро плит или небольшие (до 1 м в диаметре) кольцевые оградки, забросанные внутри камнем. Между камнями найдено множество дробленых костей, в основном коровьих. В каждом из таких сооружений находится, как правило, 1–2 вещи из домашнего обихода: обломки жестяных ковшей, фабричная трехзубая вилка, наконечник землеройного орудия АБЫЛ. По этим вещам поминальнички датируются концом XIX — началом XX вв.

Возможности для обобщения пока невелики. Большинство исследованных на сегодняшний день погребений XVII–XIX вв. расположено в ареале расселения теленгитов, поэтому и определяются как теленгитские. Однако, появившиеся в последнее время материалы с территории алтай-кижи обнаруживают с ними значительное сходство. Учитывая смешанный этнический состав алтайских территориальных групп, трудно решить, где кончаются хронологические и начинаются локальные или этнические различия.

Анализ имеющихся археологических материалов, относящихся ко II тыс. н.э., должен способствовать изучению этногенеза и культурогенеза алтайцев.

Примечания

1. Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1981.

2. Луценко Е.А. Поездка к теленгитам // *Землеведение*. — 1898. — № 1–2.
3. Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // *Материалы по этнографии*. — Л., 1927. — Вып. III.
4. Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // *Сообщения Государственного Эрмитажа*. — Л., 1949. — Вып. 1.
5. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // *МИА*, № 48. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
6. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М.-Л.: Наука, 1965.
7. Уманский А.П. Археологические памятники урочища Раздутье // *Археологические исследования на Алтае*. — Барнаул, 1987.
8. Членова Н.Л. Раскопки на Северном Алтае // *АО 1969 года*. — М., 1970.
9. Савинов Д.Г. Осиновский могильник на Северном Алтае // *АО 1970 года*. — М., 1971.
10. Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // *История, археология и этнография Сибири*. — Томск, 1979.
11. Савинов Д.Г. Археологические памятники в районе хребта Чихачева // *АО 1971 года*. — М., 1972.
12. Савинов Д.Г. Работы на Горном Алтае // *АО 1972 года*. — М., 1973.
13. Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района // *Археологический поиск. Северная Азия*. — Новосибирск, 1980.
14. Кубарев В.Д. Археологические памятники истоков Чуи // *Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая*. — Горно-Алтайск, 1988.
15. Тощакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX — начало XX вв.). — Новосибирск, 1978.
16. Невсров С.В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М. Сергеева) // *Археология и этнография Алтая*. — Барнаул, 1982.
17. Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // *Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг.* — Горно-Алтайск, 1983.
18. Кочеев В.А. Погребение II тыс. н.э. у с. Ело // *Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг.* — Горно-Алтайск, 1983.

19. Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда 1 в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. — Новосибирск, 1990.
20. Неверов С.В., Степанова П.Ф. Новые материалы из курганов конца I тыс. н.э. — начала II тыс. н.э. // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Тез. докладов. — Барнаул, 1990.
21. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Алтая в первой половине II тыс. н.э. // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1988.
22. Потапов Л.П. Очерки истории алтайцев. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
23. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л.: Наука, 1969.
24. Петров К.И. Очерк происхождения киргизского народа. — Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963.
25. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). — М.: Наука, 1964.
26. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII-XVIII вв. — Новосибирск: Наука, 1980.
27. Тrepавлов В.В. Южносибирские территории в составе государства монгольских феодалов XIII в. (политико-правовой статус населения Тувы и Алтая) // Вопросы истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1986.
28. Уманский А.П. Археологические раскопки Ледебурга в Горном Алтае // Ученые записки ГАНИИЯЛ. — Горно-Алтайск, 1964. — Вып. 6.
29. Савинов Д.Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X-XII вв.). — Автореф. канд. дисс. — Л., 1974.

С.С. Тур

К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы

В гуанское время на обширном пространстве Евразии широкое распространение получают обычаи искусственной деформации головы. Практиковавшееся продолжительное сдавливание головы младенца с помощью дощечек, повязок или иных приспособлений приводило к значительному и необратимому изменению ее естественной формы. Происхождение таких традиций недостаточно ясно, но известно, что во многих случаях они являлись стойким этнокультурным признаком. Наибольшее хождение имел обычай кольцевой деформации головы. Кольцевидно деформированные черепа были найдены в Центральной Европе, в Крыму, на Кавказе, в Подолье, Нижнем Поволжье, Приуралье, Средней Азии, Западной Сибири. На территории Западной Сибири первые находки кольцевидно деформированных, или макрокефалических, как их раньше называли, черепов появились при раскопках А.И. Дмитриева-Мамонова тобольских курганов еще в 1882 г. В.М. Флоринский сопоставил их с другими известными тогда немногочисленными находками кольцевидно деформированных черепов из Крыма, бассейна Дуная и Камской Булгарии. Имея в виду общее сходство этих черепов в характере деформации с черепами индейских племен гуанка в Перу, он высказал также предположение о том, что «факт нахождения макрокефалических черепов на Иртыше... может указывать на след распространения древнего, крайне оригинального обычая уродования головы из северо-восточной Азии в Америку» [1]. В ходе последующих археологических изысканий кольцевидно деформированные черепа были обнаружены также на левом берегу р. Миас в районе Шадринска, в Усть-Тартасском могильнике (III–IV вв. н.э.) у слияния р. Тартас с Омью [2], на Большереченском городище [3] и в могильнике Ближние Елбаны (II–VI вв. н.э.) [4] в Верхнем Приобье, в Козловском и Перейминском могильниках (IV–V вв. н.э.) [5] на Средней Оби, в могильни-

как VI—X вв. н.э. на р. Уень (Кольвапский район Новосибирской области) [6]. Но в более восточных районах кольцевидно деформированные черепа не встречались. Таким образом, Западная Сибирь являлась восточной окраиной широкого арсала распространения этого обычая.

Вопрос о происхождении обычая кольцевой деформации головы и возможности использования его в этногенетических построениях уже длительное время является предметом дискуссии. Одно то, что обычай этот получает широкое распространение именно в гуннское время и «сопровождает» великое переселение народов, давало повод связывать его с гуннами. Дополнительные аргументы в пользу этой гипотезы появились после раскопок Кенкольского могильника (1938—39 гг.) на севере Киргизии, который, по мнению А.Н. Бернштама, был составлен гуннами в начале их движения на Запад. Большинство черепов из Кенкола оказались кольцевидно деформированными. Согласно палеоантропологическим материалам, имевшимся тогда в распоряжении исследователей, местное среднеазиатское население искусственную деформацию головы до рубежа н.э. не практиковало. А.Н. Бернштам заключил, что новый обычай на территорию Киргизии принесли с собой гунны с востока. «Как этническое происхождение, так и социальное положение захороненных определяется деформацией черепа», — писал он по этому поводу [7]. Несмотря на то, что полное отсутствие следов обычая кольцевой деформации головы в местах исконного обитания гуннов и его внезапное и массовое распространение на территории Киргизии после рубежа н.э. являли собой противоречие, не получавшее никакого объяснения в рамках той картины передвижения гуннов с востока, которую рисовал в своих работах А.Н. Бернштам, эта идея прочно утвердилась в научной литературе. Самые первые палеоантропологические находки, которые не просто не укладывались в «восточную» схему, но и содержали конкретные указания на возможность иных истоков этого явления, а именно, в среде местного среднеазиатского населения более раннего, сакского времени, далеко не сразу получили должную оценку. Позднее кольцевидно деформированные черепа догуннского времени были найдены в Южной Ферганае, Южной Туркмении, низовьях Сыр-Дарьи. На основании этих находок было установлено, что среднеазиатское население практиковало обычай кольцевой деформации головы еще до прихода гупнов [8]. Т.И. Трофимова, в частности, пришла к выводу, что «этот обычай возник у местного населения юга Средней Азии задолго до появления гуннов. Проникшие на территорию Средней Азии гунны, по-видимому, широ-

ко восприняли от местного населения обычай кольцевого деформирования черепа и разнесли его не только по Средней Азии и Казахстану, но и по Восточной и Западной Европе», а «распространение деформирования черепа у сарматов, вероятно, связано с проникновением этого обычая с территории Средней Азии в результате контактов с сакомассагетскими племенами еще в догуннское время» [9]. Однако, в ходе дальнейшего накопления краниологических материалов все явственнее проступает новое противоречие, которое до сих пор не получило какого-либо приемлемого объяснения в рамках гипотезы среднеазиатского происхождения этого обычая. Если поначалу немногочисленность, даже единичность находок кольцевидно деформированных черепов догуннского времени казалось результатом недостаточной палеоантропологической изученности среднеазиатского региона, то полученный в последующие годы в ходе широкомасштабных раскопок материал подтвердил реальность сложившегося ранее соотношения. Стало ясно, что, хотя кольцевая деформация черепа и встречается в Средней Азии с середины I тыс. до н.э., но на протяжении ряда веков она остается довольно редким явлением и только в гуннское время внезапно и повсеместно становится массовой. В свете этих данных генетическая связь между единичными случаями кольцевой деформации на среднеазиатских черепах догуннского времени и обычаям массовой деформации головы в гуннскую эпоху ставится под сомнение [10]. Возрождение интереса к «восточной» гипотезе, согласно которой обычай массовой кольцевой деформации головы припесли в Среднюю Азию гунны, было вызвано, таким образом, не появлением новых материалов, положительно свидетельствующих в ее пользу, а трудностями увязывать все более многочисленные факты кольцевой деформации среднеазиатских черепов в единую картину, объяснить специфическую динамику этого явления во времени и пространстве.

В эпоху бронзы искусственная деформация черепа отмечалась в катакомбных захоронениях Волго-Донского междуречья. Затем этот обычай полностью исчезает и на протяжении почти тысячелетия население огромной Евразии искусственную деформацию головы не практикует. Вновь деформированные черепа появляются только с середины I тыс. до н.э., на этот раз на юге Средней Азии. Почти тысячелетний перерыв, разделяющий их во времени, и значительная удаленность географических ареалов не позволяют связывать обычай деформации среднеазиатских черепов с традициями катакомбников бронзы и свидетельствуют о его самостоятельных истоках.

Юношеский череп с кольцевой деформацией «башенного» типа с поселения Яз-дене в районе древнего Мерва в Южной Туркмении датируется V–IV вв. до н.э. Три кольцевидно деформированных черепа были найдены в Южной Фергане — в расположенных поблизости Актамском, Кунгайском и Суфапском могильниках местного земледельческого населения V–III вв. до н.э. Два кольцевидно деформированных черепа обнаружены в сакских захоронениях Кзыл-Кыштак и Кургак III в. до н.э. на Алае. Следующая по времени находка кольцевидно деформированного черепа происходит из погребального сооружения в Чирик-Рабате (III–II вв. до н.э.) в низовьях Сыр-Дарьи. Этим же временем датируется и кольцевидно деформированный череп из кургана с каменными выкладками, расположенного неподалеку от могильника Егис-Койтас в Центральном Казахстане. Со II в. до н.э. количество памятников, где встречаются кольцевидно деформированные черепа, заметно возрастает. Помимо кольцевой деформации в Средней Азии догуннского времени практиковались и другие виды искусственной деформации черепа — лобно-затылочная и теменная. Лобно-затылочная деформация, при которой голова сдавливалась не по окружности, а лишь в передне-заднем направлении и приобретала совершенно иную форму, чем при кольцевом деформировании, появляется в последних веках до н.э. Наиболее ранние находки черепов с лобно-затылочной деформацией локализуются более компактно в южных районах Узбекистана и Таджикистана (курганы Сирибайтепе III–II вв. до н.э., Копрабада и Орлат — II–I вв. до н.э.; Тулхарский могильник — II в. до н.э. — I в. н.э.). Теменная форма деформации, при которой одностороннее давление производилось на теменную область черепа, отмечается в V–III вв. до н.э. в Южном Приаралье (могильник Сакар-Чага 1). Таким образом, немногочисленные находки самых ранних искусственно деформированных черепов в пределах среднеазиатского региона встречаются на значительном удалении друг от друга и связаны в своем происхождении с различными археологическими культурами. Различаются и типы искусственной деформации черепа. Все это безусловно свидетельствует не только в пользу относительно самостоятельного возникновения кольцевой, лобно-затылочной и теменной деформации головы, но и о наличии нескольких не менее самостоятельных центров возникновения кольцевой деформации головы в разных районах Средней Азии. Относительную независимость появления кольцевой деформации головы в Южной Фергане и Южной Туркмении подтверждает и разная форма деформированных черепов — «конусовидная» в первом случае и «башенная» — во втором. Отме-

ченные расхождения в форме обусловлены различным расположением давящих повязок. По-видимому, так же самостоятельно обычай кольцевой деформации головы возникает в низовьях Сыр-Дарьи и Центральном Казахстане. Мы не располагаем данными относительно того, насколько приемы кольцевого деформирования в этих районах были идентичны тем, что использовались в Южной Фергане. Возможно, они тоже различались. Этнографические наблюдения свидетельствуют о большом разнообразии способов и средств кольцевого деформирования головы, что, к сожалению, бывает трудно проследить на краниологическом материале. Однако самостоятельное возникновение разных типов искусственной деформации не следует понимать таким образом, что каждый из наиболее ранних очагов этого обычая с равной вероятностью имел бы место и в отсутствии других. Иначе невозможно объяснить их совпадение (или последовательное появление) во времени и пространственную концентрацию в пределах широкого, но географически ограниченного ареала. Речь может идти о разных вариантах самостоятельной реализации одной и той же идеи, как правило, заимствованной. Для людей, не знакомых с обычаями искусственной деформации головы, последствия сильного и длительного сдавливания головы младенца с помощью повязок или иных приспособлений, особенно отдаленные последствия, не являются сколько-нибудь очевидными. Самостоятельная выработка знаний о том, что результат подобного воздействия на болезнь, снижение интеллектуальных способностей или нарушения в поведении, а всего лишь безопасное во всех отношениях изменение естественной формы головы, является процессом длительным и совершается в ходе соответствующей практики. Косвенно об этом свидетельствует история того, с каким трудом подобные представления пробивали себе дорогу в науке. Можно предположить, что возникновению обычаев преднамеренной деформации головы способствуют некоторые обычаи, приводящие к небольшой непреднамеренной деформации головы в процессе ухода за новорожденными. Однако, возникнув в одной локальной группе, представления о возможности целенаправленного изменения формы головы в результате даже относительно поверхностных контактов в короткий срок могут сделаться достоянием многих других групп населения, в том числе иноэтничных. Тем самым создаются определенные предпосылки для быстрого распространения обычаев искусственной деформации головы на значительной территории. Представляется, что первоначально обычай искусственного изменения формы головы возникает все-таки в одной из локальных групп населения юга Средней Азии

в V—III вв. до н.э. Затем же идея о возможности придать голове причудливую форму и таким образом выделиться среди других становится известной в более масштабной среде и заимствуется некоторыми другими группами населения, те, в свою очередь, становятся новыми источниками распространения этих представлений. Причем самостоятельное «технологическое» воплощение этой идеи может значительно отличаться от первоисточника, хотя бы в силу неполноты полученной информации. Отличаться иногда настолько, что, по выражению Я.Я. Рогинского, «никому не придет и в голову искать за массой таких различий сходство в каком-то основном принципе» [11]. Сказанное, конечно, не исключает и возможность распространения обычая искусственной деформации головы в результате переселения населения.

Для последующего распространения любой инновации из всех ее функций наибольшее значение имеют две: утилитарная и престижно-знаковая. Большинство культурных инноваций возникают как утилитарные приспособления и только позднее, совершив восхождение по ступеням социальной лестницы, приобретают престижно-знаковое значение, утрачивая при этом частично свою утилитарность. Изменение естественной формы головы с помощью разнообразных деформирующих приспособлений не имеет никакой практической полезности. Известны и другие обычаи, возникающие вопреки полному отсутствию их утилитарной ценности. Это деформирование стопы ног, значительно затрудняющее передвижение и возможность активной физической деятельности, удаление или инкрустация зубов, татуировки, шрамования, обычай причудливого растягивания губ и мочек ушей, иногда до размеров, создающих неудобства их обладателям. Все эти культурные признаки с момента своего возникновения выполняют важные знаковые функции. С их помощью «тело становится средством наглядной коммуникации» [12]. Инновации, имеющие знаковое значение, закрепляются, как правило, в социально-престижной среде. Необычная форма головы становится знаком для внешнего выделения людей, занимающих в общности какое-то особое, престижное положение. Таким образом, кольцевая деформация головы возникает как соционормативный обычай. Как уже отмечалось, на протяжении ряда веков — фактически с середины I тыс. до н.э. и вплоть до II в. н.э. распространение этого признака происходит только в пространстве, то есть постепенно возрастает число археологических памятников, где регистрируются следы этого обычая, однако процент деформированных черепов в пределах отдельных краниологических серий со временем практически не увеличивает-

ся. Во II половине I тыс. до н.э. внутри каждой локальной группы, практикующей обычай искусственной деформации головы, только часть ее членов, причем меньшая, деформирует голову, т.е. численность таких людей лимитировалась самим содержанием, смыслом этого обычая. В III—V вв. н.э. кольцевая деформация головы становится массовым явлением. Количество деформированных черепов во многих сериях этого времени достигает 80—100%. Понятно, что в этом случае деформация головы уже не может выполнять социальноразличительную функцию. Но как отличительная черта всех членов данной группы может служить для подчеркивания их единства и противопоставления в качестве такого единого целого другим общностям, деформацию не практикующим (противопоставление по типу «мы — они»). Причем между обычаем использования кольцевой деформации головы в качестве социальноразличительного и этноразличительного признака существует непосредственная генетическая преемственность. Существование такой преемственности выступает в данном случае не как гипотеза, к которой надо прибегнуть, чтобы объяснить непонятное, а как вывод из того, что обосновано фундаментально. Имеется ввиду принцип адаптации, лежащий в основе возникновения и существования любого обычая, как и вообще любой традиции. При изменении условий, вызвавших в жизни какую-либо традицию, последний теряет свое адаптивное значение, но не исчезает сразу, а продолжает еще более или менее длительное время существовать в качестве культурного пережитка (остаточного явления), дальнейшая судьба которых различна и определяется главным образом тем, в каком соотношении с новыми реальностями они находятся. Одни из них сохраняются в неизменном виде и живут до тех пор, пока не вступают в противоречие с новыми реальностями (реликты). Они относительно недолговечны. Другие видоизменяются и приспособляются к новым условиям среды (дериваты). И таких приспособленных на новый лад остаточных явлений культуры значительно больше, чем консервативных реликтов, причем они, как правило, немного древнее последних [13]. Непосредственной причиной трансформации обычая кольцевой деформации головы становится, очевидно, интенсивное смешение населения, начавшееся в эпоху великого переселения народов. Понять это помогают исследования, показавшие на примере древних китайцев и эллинов, но в процессе развития этносов происходит эволюция компонентов этнического самосознания. В условиях этнической ассимиляции разнородных по своему происхождению племен главным компонентом этнического самосознания, то есть противопоставления

«мы — они», «наше — не наше» становятся особенностями культуры, в то время как представление об общности происхождения и родстве утрачивается [14]. Усилившаяся потребность в символах единства всех членов разнородной по антропологическому составу общности и приводит к тому, что обычай кольцевой деформации головы, выполнявший соционормативную функцию или утративший ее и сохранившийся в качестве культурного пережитка, начинает выполнять новую — этноразличительную функцию. Необычная форма головы, превратившись в доминантный признак, становится наряду с некоторыми другими особенностями материальной и духовной культуры одним из главных компонентов этнического самосознания. Функционирование обычая кольцевой деформации головы в новом качестве этноразличительного признака могло быть относительно непродолжительным в силу того, что заимствование культурных явлений престижно-знакового характера от одной культуры этноса к другой может приобретать цепной характер. Как отмечает С.А. Арутюнов, до некоторой степени аналогом подобного явления может служить распространение моды. Если заимствование хозяйственных элементов и даже материальной культуры тесно связано с их непосредственной целесообразностью, то заимствование знаковых явлений требует существования престижного перепада, который и задает направление распространению той или иной «моды». При ипоэтнических заимствованиях культура-донор по престижной оценке будет стоять выше, чем культура-реципиент, что не обязательно отвечает реальному уровню их развития. Например, культура кочевников в силу причин политического или конкретно исторического характера может восприниматься как престижная различными слоями более развитых оседлых обществ [15]. Первыми новые «модные» веяния кольцевидно деформировать голову для того, чтобы придать ей более «красивую» форму, усваивают опять же социально-престижные слои.

Сложная динамика обычая искусственной деформации головы во времени и пространстве определяется, таким образом, не только внешними факторами, но и наличием внутренних закономерностей, обусловленных самой природой этого явления как престижно-знакового признака.

Анализ различных типов деформации на территории древней и средневековой Средней Азии, проведенный Т.К. Ходжайовым, привел его к выводу о том, что «теменная и лобно-затылочная деформация могут иметь этнический характер. Что касается кольцевой деформации, то здесь еще много неясного, поэтому трудно однозначно ответить: является ли она этническим или социальным

признаком» [16]. Думается, что такое взаимоисключающее противопоставление значений «этнический» и «социальный» неверно в принципе и не только по отношению к обычаю кольцевой деформации головы. Во-первых, как уже отмечалось, обычай этот меняет свои знаковые функции с течением времени. Во-вторых, многие элементы, объективно отличающие одну этническую культуру от другой, функционируют лишь в пределах определенных социальных слоев, являясь тем самым одновременно и социально-различительными признаками.

Социально-различительная функция обычая кольцевой деформации головы в археологических материалах непосредственного подтверждения не находит. Обычно в пределах одного могильника кольцевидно деформированные черепа наряду с недеформированными встречаются как в богатых, так и в бедных захоронениях. Аналогичным образом деформированные черепа наряду с недеформированными находят и в могильниках, в материнской культуре которых имущественное расслоение не выявляется. Это свидетельствует о том, что искусственная деформация головы используется для обозначения социально-престижного статуса некоторых членов общества, не связанного с их экономическим положением. Социальные различия в культуре возникают раньше экономического неравенства и поначалу охватывают те сферы культуры, которые невозможно проследить по вещественным остаткам из погребений, то есть зафиксировать археологически [17]. В ранговых обществах, все члены которых обладают одинаковым доступом к экономическим средствам, имеются социальные группы (ранги) с неравным доступом к престижу. Критерием их выделения обычно является родословная, степень генеалогической близости с вождем. Члены линиджа вождя составляют особую социальную элиту, для обозначения которой употребляется социальный термин [18]. Выделение рангов, различающихся по социальному престижу в зависимости от происхождения, сохраняется и в имущественно дифференцированных обществах (люди «знатного», «благородного», «аристократического» и «простого» происхождения). Как знак принадлежности к знатному роду может быть истолкована искусственная деформация головы (кольцевая или лобно-затылочная) кушанских царей, которая устанавливается по их профильным изображениям на монетах [19]. Легкая кольцевая деформация отмечается на черепе из мавзолея Неаполя Скифского, идентифицируемом с царем Скилуrom (конец II в. до н.э.) [20]. Еще более интересная в этом плане находка была сделана в царском некрополе Тиллятепе в Северном Афганистане, где раскопано 6 погребений — 5 женских и 1 мужской [21].

Женский череп из погребения 6 (конец I в. до н.э.) имеет очень сильную лобно-затылочную деформацию, точно такую же, как на некоторых черепах из позднего Тулхара на юге Таджикистана. В Тулхарском могильнике выделяется несколько обособленных групп курганов, краниологический материал был получен из 8. Черепа с лобно-затылочной деформацией в тулхарской серии составляют только 15% и встречаются не во всех курганных группах, а лишь в трех. У женщин первой группы (самой многочисленной) лобно-затылочная деформация коррелирует с положением костяка. Связи лобно-затылочной деформации ни с одним из четырех типов могильного сооружения не обнаружено. Нет ее и с другими элементами погребального обряда [22]. Все это и побудило Т.П. Кияткину отказаться в данном случае от оценки лобно-затылочной деформации как этнического маркера [23]. К тому же население, составившее Тулхарский могильник, в расовом отношении было неоднородным. Разные морфологические компоненты не связаны с той или иной группой курганов, но выявляются некоторые параллели между антропологическим типом и наличием лобно-затылочной деформации. Недалеко от Тулхарского могильника расположен могильник Аруктау, сходный с ним археологически, но не давший черепов с лобно-затылочной деформацией. Сопоставив все эти факты, трудно допустить, что лобно-затылочная деформация головы у кочевников, составивших Тулхарский могильник, была знаком принадлежности их к этнической общности, которую «пока невозможно идентифицировать с каким-либо этносом, известным по письменным источникам» [24]. Скорее всего, она служила для выделения значительно более мелкого социального подразделения и была знаком принадлежности к одному из знатных родов, из которого, возможно, происходит и царица, захороненная в Тиллятепе.

Об использовании искусственной деформации головы для обозначения людей знатного происхождения свидетельствуют письменные источники и этнографические материалы. Гиппократ, рассказывая о народах вблизи озера Меотийского в трактате «О воздухах, водах и местностях», описывает макроцефалов, практикующих деформацию головы, «ибо имеющих самые длинные головы они считают самыми благородными» [25]. Зенобиус сообщает о сираках, которые царский венец дают самому рослому или самому длинноголовому [26]. Имеются сведения, что и в культуре инков искусственно деформированная голова была знаком благородного происхождения, причем приемы деформирования и форма деформации были неодинаковыми в разных провинциях. Социально-различительное значение этого обычая утрачивается, когда Первый

Верховный Инка издал указ, обязывающий людей незнатного происхождения сдавливать головы новорожденным для того, чтобы они не были такими, как у непокорных индейцев, населяющих соседние территории. Третий Верховный Инка издал указ, чтобы все племена на землях, подвластных Империи, сдавливали головы в знак покорности [27]. Во многих случаях, описанных этнографами или путешественниками, искусственная деформация практикуется в эстетических целях для того, чтобы придать голове более красивую форму. Но на Гавайях молва связывает происхождение этого обычая с вождями [28]. У племен монбуту (мангбету) в Центральной Африке деформация головы практиковалась в семьях вождей [29]. Для изменения внешнего облика детей вождей этот обычай применялся и на Таити [30]. У индейцев селиш с юго-западного побережья Северной Америки деформация головы наряду с эстетическим имела определенное социальное значение. Рабам, которых у этих племен было много, запрещалось деформировать головы своим детям. Недеформированная голова была знаком зависимости. Социальный статус отражала и степень деформации. Люди низкого происхождения деформировали головы своим детям, но слабо. Дети из богатых и знатных семей имели сильно деформированные головы. Максимальной степени деформация головы достигала в семьях вождей [31]. Таким образом, обычай искусственной деформации головы в качестве социально-различительного признака служит для выделения престижного слоя, принадлежность к которому определяется узам родства, происхождением. Сведения, приведенные выше, свидетельствуют об универсальном характере этого явления. Очевидно, смысловое однообразие данного признака обусловлено его узкими «информационными возможностями» в процессе социальной коммуникации, которые в свою очередь ограничены его физической природой. Он может использоваться только для обозначения такого положения индивида в системе социальной стратификации, которое известно к моменту его рождения и сохраняется за ним в течение всей жизни. Другое дело, что социально-различительное значение этого признака со временем утрачивается.

Примечания

1. Примечания к каталогу по археологическому отделу // Археологический музей Томского университета. — Томск, 1888. — С. 33.
2. Чугунов С.М. О курганных искусственно-деформированных черепках Сибири // Труды Общества естествоиспытателей при импе-

- раторском Казанском университете: материалы для антропологии Сибири. — Казань, 1898. — Т. XXXII. — Вып. 3. — С. 12.
3. Жиров Е.В. Об искусственной деформации головы // КСИМК, 1940. — С. 88.
 4. Алексеев В.П. Палеоантропология лесных племен северного Алтая // КСИЭ, 1954. — Вып. XXI. — С. 63-69.
 5. Золотарева И.М. Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь) // МИА, 1957. — № 58. — С. 246-250.
 6. Дремов В.А. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным антропологии // СЭ. — 1967. — № 6. — С. 53-66.
 7. Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. — Л., 1940. — С. 26.
 8. Ходжайов Т.К. О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. — Нукус, 1966. — № 4.
 9. Трофимова Т.А. Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации головы у населения Средней Азии в древности // История, археология и этнография Средней Азии. — М., 1968. — С. 189.
 10. Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. — Ташкент, 1980. — С. 164-165.
 11. Рогинский Я.Я. Проблемы антропогенеза. — М., 1977. — С. 164.
 12. Cordwell J.M. The very human arts of transformation // The fabrics of culture: The anthropology of clothing and adornment. — The Hague. Paris. New York, 1979. — P. 47-75.
 13. Першиц А.И. Остаточные явления в культуре // Природа. — 1982. — № 10. — С. 92-100.
 14. Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: Проблемы этногенеза. — М., 1978. — С. 285-291.
 15. Арутюнов С.А. Этнографическая наука и культурная динамика // Исследования по общей этнографии. — М., 1979. — С. 48-49; Его же. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. — М., 1985. — С. 45-46; Его же. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. — М., 1989. — С. 186-198.
 16. Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф. дис... д.и.н. — М., 1981. — С. 40.
 17. Шпирельман В.А. Классообразование и дифференциация культуры: (По океаническим этнографическим материалам) // Этнографические исследования развития культуры. — М., 1985. — С. 64-122.

18. Enber C.R., Enber M. Anthropology. — N.J., 1981. — P. 293-295.
19. Трофимова Т.А. Изображения эфталитских правителей... — С. 168-169.
20. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: (современный и ископаемый человек) // ТИЭ, 1955. — Т. XXVIII. — С. 573-579.
21. Сарияниди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. — М., 1989. — С. 114-130.
22. Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. — Душанбе, 1976. — С. 117-125.
23. Кияткина Т.П. Расовые процессы в древнем Тохаристане // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1991. — С. 16-17.
24. Ходжайов Т.К. К антропологии кочевого населения античного Зарафшана // Общественные науки в Узбекистане. — Ташкент, 1983. — № 11. — С. 38.
25. Гиппократ. Избранные труды. Пер. с греч. В.И. Руднева, 1936. — С. 293-294.
26. Frazer J.G. The golden bough: A study in magic and religion. — 3-d ed., — London, 1922. — P.I. — Y. 11. — P. 297.
27. Weiss P. Osteologia cultural. P. 11. Practicas cefalicas. — Limam, 1961. — P. 106-114.
28. Snow C.E. Early Hawaiians: In initial study of skeletal remains from Mokuapu. — Oahu, 1974. — P. 297-298.
29. Prazer J.G. The golden bough... . — P. 297-298.
30. Oliver D.L. Ancient Tahitian society. — Honolulu, 1974. — Y. 1. — P. 428.
31. Hill-Tout C. British Worth American. 1. The far west the home of the salish and dene. — London, 1907. — P. 40.

Л.Я. Шерстова

**Советская национальная
политика в Горном Алтае
и отечественная этнография:
эволюция, цели, результаты**

Советский период развития отечественной этнографии пока еще не проанализирован сколько-нибудь серьезно, а ее роль и значение в научном и практическом отношениях недостаточно определены. Одному из аспектов этой обширной проблемы посвящается эта статья, написанная на основе тезисов доклада, прочитанного автором в Петербурге (тогда Ленинграде) на научной конференции «Советская этнография и ее роль в патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся», организованной ЛГУ и ИЭ АН СССР в ноябре 1988 г.

Становление советской этнографической школы приходится на двадцатые годы и связано с именем Л.Я. Штернберга, В.Г. Богоразы и их сподвижников. Все они считали своей целью не только изучение народов СССР, но и практическое содействие планомерному устройению последних. По инициативе этих ученых для этого в 1924 г. был создан Комитет содействия малым народностям Севера при президиуме ВЦИК. Деятельность Комитета прямо и непосредственно на Горный Алтай не распространялась: постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 г. была образована Ойротская автономная область. Но именно на Алтае в двадцатые годы начала интенсивную работу целая плеяда молодых этнографов «ленинградской школы» — Н.П. Дыренкова, Л.Э. Каруновская, А.Г. Данилин, С.А. Токарев, Л.П. Потапов. Ими был собран огромный полевой материал, служащий базой и для нынешних исследований. Они пытались решать вопросы, близкие интересам Комитета: изучали уровень социально-экономического развития алтайцев, занимались проблемами районирования, разрабатывали систему письменности, исследовали хозяйственную жизнь, даже давали рекомендации партийно-советским органам. Исходя из принятого

тогда романтического, полународнического тезиса о том, что при переходе к социалистическому строительству родовые отношения могут облегчить формирование коллективистской психологии, упростить внедрение «социалистических форм хозяйствования», особое внимание уделялось проявлениям этих отношений в социальной организации. Новые общественные институты (например, суды) нередко облекались в привычные формы.

В силу природно-географических и исторических условий основной отраслью комплексного хозяйства алтайцев было и оставалось животноводство. Считалось необходимым развивать его в первую очередь; земледелию же отводилась подсобная роль. Вопрос о переводе населения Горного Алтая на оседлость в двадцатые годы не ставился: он рассматривался как перспектива. Бурханистокское движение, всколыхнувшее в 1904 г. Западный и Центральный Алтай, рассматривалось как национально-освободительное [1].

Таким образом, теоретическая деятельность этнографов тесно соприкасалась с их практикой и находила свое выражение как в рекомендациях соответствующим органам (которые, надо заметить, к ним прислушивались), так и в непосредственной практической работе по изменению культурно-бытового уровня населения национальных районов. Иначе говоря, на начальном этапе советская этнография сохраняла некоторую независимость от властей, или, по крайней мере, видимость таковой: она кос в чем определяла национальную политику государства, хотя в целом отнюдь не выходила за рамки «научного обоснования» последней. Основным же направлением этой политики, как помним, являлось стремление к «постепенному и безболезненному переводу отсталых окраин в социализм». Провозглашалось неременное соблюдение ленинской посылки о чрезвычайно осторожном отношении к «националам», к их культуре и обычаям. Не замечая лицемерия и лукавства, этнографы искренне отдались решению этих «сверхзадач». Их стараниями был введен, например, запрет на самовольное вселение в национальные районы: требовалось обязательное разрешение «туземных» органов власти — советов и т. п.

В 1928–1929 гг. было покончено с НЭПом, что тотчас же изменило и национальную политику: она стала откровенно жесткой, преследующей цели великодержавного единообразия и патернализма, подспудно несущих к себе перманентное усиление этнических противостояний. Пожалуй, именно с этого времени стал все громче, на все лады муссироваться известный лозунг о «верушимой дружбе всех народов нашей страны». Режим не нуждался более ни в разработанной видными учеными концепции «постепенного пе-

ревода» национальных районов, в том числе и Ойротии, в социалистическую формацию, ни в дальнейших, пусть половинчатых, попытках реализации этого намерения. Курс на ускоренную коллективизацию в названных районах неминуемо должен был начаться с обвального «переброса» аборигенов Сибири в оседлость, понимаемую упрощенно и унифицированно. Необходимость проведения массовой коллективизации в крайне сжатые сроки большевики аргументировали, в частности, насущной потребностью страны в товарном зерне. И хотя еще в двадцатые годы Горный Алтай не относился к земледельческим регионам, а к тридцатым годам подчеркивалось, что зерновое хозяйство имеет товарное значение лишь в двух из десяти районов автономной области, уже в 1932 г. она была включена в число территорий с централизованными хлебопоставками государству. Эта установка привела к тому, что уже в 1930 г. оседлыми значилось 40% населения Ойротии [2].

Хотя животноводство на Алтае имело полукочевой — по существу, отгонный характер, когда «кочевали» от зимника к летнику, расстояние между которыми редко превышало несколько километров, «оседание» означало здесь нечто большее. Ломался традиционный образ жизни, обеспечивавший оптимальный комплекс жизнеобеспечения; вкупе с вынужденной резкой переориентацией основного вида хозяйственной деятельности, это толкало местное население в состояние маргинальности. За период пребывания в составе России это была, как минимум, третья переориентация традиционного комплексного хозяйства. XVIII—XIX вв. — государственная ясачная политика; главным становится пушной промысел. Начало XX в. — введение денежного налога; торговля скотом. Наконец, 1928–1929 гг. — коллективизация; приоритетное развитие полеводства, без учета местных почвенно-климатических условий. Соответственно, резко усиливается эрозия маломощных почв, что в скором будущем делает огромные площади непригодными ни под пашни, ни под пастбища, ни под сенокосы. Таким образом, разрушалось не просто хозяйство, а вся система жизнеобеспечения этноса, оптимальный вариант которой был выработан в течение столетий. Отсюда — разорение, резкое понижение уровня жизни, разрушение привычной для организма алтайцев системы питания и голод, стрессовые ситуации, а позже — биологическая неустроенность, социальная пассивность, порой переходящая в агрессивность. Заметим попутно, что как раз в этой «социальной растерянности» кроются причины существования целой армии дезертиров в Чуйских Альпах в первые годы войны [3], истоки известных событий в Улаганском и некоторых других районах

Горно-Алтайской автономной области, ровно как и общего роста антирусских настроений последнего времени.

Снижение престижности традиционного вида деятельности — скотоводства — привело к проблеме нехватки чабанов (это сильно ощущается и поныне). С другой стороны, развитие земледелия во что бы то ни стало, любыми средствами, при отсутствии у народа широких навыков папшенного хозяйства, в суровых природных условиях, при свертывании животноводства (в том числе и из-за нехватки рабочих рук) могло быть только формальным. Социальная растерянность вела к прямому противодействию искусственно насаждаемой коллективизации — к массовому забою скота, отгону его в тайные места (автору известны также укрытия, допустим, в Онгудайском районе) и даже за границу и т.п. Зимой 1929–1930 гг. поголовье лошадей сократилось на 15%, крупного рогатого скота — на 33%, мелкого рогатого скота — на 29% (процесс, типичный для этого времени в масштабах всей страны). Естественное недовольство народа требовало объяснений и каких-то действий. Однако, уже в 1928 г. был публично провозглашен и стал интенсивно воплощаться на практике известный лозунг насчет обострения классовой борьбы по ходу строительства социализма. От этнографии срочно потребовалось исполнение прямого государственного заказа: найти классовых врагов, повинных во всех трудностях, бедах и неурядицах. Для этого было необходимо вновь вернуться к определению уровня социально-экономического развития региона в досоветское время. Точка зрения этнографов двадцатых годов (а точнее, старой школы) о существенном значении родовых отпошений, о неразвитости классовой структуры традиционного общества никак не укладывалась в границы «теории обострения классовой борьбы». Поэтому эти ученые были ошельмованы, многие из них получили клеймо «алтайские буржуазные националисты», а труды их и концепции немедленно признаны ложными и вредными. Открылся новый, трагический этап бытия советской этнографии, не завершившийся еще и сейчас — этап обязательной и непосредственной партийно-государственной (политической) ангажированности, прямых подтасовок фактов и т.п. Знакомый нам всем период «подведения научно-теоретической базы под директиву» начался на Алтае со статистики.

В 1897 г. было проведено экономико-статистическое обследование Алтая. Оно установило, в частности, что к началу XX века 2,6% хозяйств алтайцев было полностью лишено скота, а байско-зайсанская верхушка составляла лишь 2% от всего населения [4]. Приведенные цифры соответствуют представлению об устойчивой од-

народности алтайских хозяйств, да и общества в целом. Однако анализ, основанный на т.н. «методике средних цифр» теперь уже не подходил для успешного решения новых задач советской этнографии. Посему, на базе все тех же дореволюционных материалов составили точное похозяйственное обследование, согласно которому 72,4% алтайских хозяйств владели до революции 27,1% голов крупного рогатого скота, а 1,8% хозяйств — 32% [4, с. 375]. Эта методика «точных цифр» была применена и по отношению к другим народам Сибири и тоже дала результаты, позволившие сделать нужные выводы. Так, на Камчатке 32% оленеводческих хозяйств владели 97,4% всех оленей.

Понятно, что статистика фиксировала в обоих случаях всего лишь наличие имущественного расслоения, которое, в лучшем случае, может предшествовать разделению общества на классы. Но, подменяя понятия, имущественную дифференциацию преднамеренно отождествляли с классовой. Нередко дело доходило до абсурда: основываясь на таком методе, в Якутии 73% хозяйств обозначили как «кулацкие» [5].

Дореволюционные статистические данные по горному Алтаю автоматически переносились как на послереволюционный период вообще, так и на годы коллективизации в особенности. Идентификация имущественной и классовой дифференциации «доказывала» постулат о наличии в национальных районах антагонистических классов, а значит заранее предполагала неприменную классовую борьбу. Итак, наука сказала свое слово, но как бы не заметила общеизвестную неустойчивость скотоводческого хозяйства, большую по сравнению с земледельческим: джут, бескормица, эпизоотии и считавшие недели могли превратить богача в нищего; увязывая социальное неравенство только с показателем количества скота, этнография фактически игнорировала комплексность традиционного хозяйства, его компенсационные способности и, наконец, действительную силу традиционных социальных институтов, несмотря на репрессии, благополучно доживших до наших дней.

С начала 30-х гг. в качестве руководства к действию, для характеристики уровня социально-экономического развития алтайцев, с целью затушевывания реального положения дел и приведения противоречивой концепции к общему знаменателю, стал повсеместно использоваться термин «патриархально-феодальные отношения». Он был введен Сталиным на X съезде ВКП(б) в 1921 г. и в дальнейшем был обстоятельно разработан и «обоснован» в многочисленных трудах Л.П. Потапова [4, с. 336]. С самого начала термин этот не принимался большинством ученых «родовой» школы Л.Я. Штер-

нберга, что и было поставлено им в вину уже в тридцатые годы. Впрочем, правомерность употребления понятия «патриархально-феодалные отношения» в наше время вообще вызывает большие сомнения. Во всяком случае, более обосновано мнение о том, что в развитии скотоводческих обществ возможным пределом является раннефеодалная стадия, где родовые институты сохраняют важные функции социальных и даже экономических регуляторов. Примерно так и было в алтайском обществе: не было частной собственности на землю, чужой труд обычно использовался в традиционных формах «родовой взаимопомощи», просто помощи, «усыновления» и пр., в лучшем случае достигая формы исполщины.

На втором этапе в советской этнографической литературе утверждается аксиома: бай и зайсаны — та сила, которая использовала родовые отношения «как ширму для эксплуатации». При этом отбрасывались в сторону (или замалчивались) и неготовность общества в целом отказаться от родовых отношений в быту (в их «вторичной» форме) и вынужденные уступки богатеющих алтайцев родовым традициям, их неспособность перейти к открытой эксплуатации, экономическая невозможность последней, и, тем более, просто специфика менталитета этноса. В конце концов, товарно-денежные отношения к десятым годам XX в. пустили лишь самые первые ростки в алтайском обществе, с трудом пробиваясь сквозь толщу общего традиционного уклада жизни и мировосприятия.

Очередным следствием «великого перелома» стала установка из Резолюции XVI съезда ВКП(б) в 1930 г.: «съезд отмечает в связи с обострением классовой борьбы в стране, активизацию... национальных уклонов в сторону великодержавного и местного шовинизма» [6, с. 219]. Иначе говоря, съезд, негласно подводивший итоги первого этапа коллективизации, расширил границы понятия «враг народа», включив сюда и «буржуазных националистов» — в том числе и на «патриархально-феодалном (!) Алтае».

Партийная установка немедленно нашла «научное подтверждение» и неизбежно повлияла на реальную жизнь. Тут же были поименованы «алтайские буржуазные националисты» — прежде всего первые кадры национальной интеллигенции: Г. Гуркин, братья Никифоровы, К. Тапашев, врач Тибер-Петров и др., захваченные мощным потоком русской культуры и внесшие в него свежую струю. Знаменательно, однако, что в этот же «черный список» попали не только ученые, общественные деятели, просветители с «областническим» прошлым (В.И. Анучин, М.Б. Шатилов, А.А. Адрианов и др.), но и те сравнительно молодые этнографы и

историки, которые трудились на Алтае в те же двадцатые-тридцатые годы: Н.П. Дыренкова, Л.П. Мамет, отчасти С.А. Токарев — все русские! Совершенно ясно, что говорить о буржуазном национализме в незрелом, по сути дела, традиционном обществе, лишь в начале XX века более или менее втянутом в сферу влияния русского торгового капитала, можно было лишь в угоду политической конъюнктуре и большевистской догме.

Волна «борьбы с буржуазным национализмом» в 30-е гг. захватила все национальные районы. Под это понятие подгонялось даже универсальное и древнейшее противопоставление «мы — они», нераздельное с появлением первых этносов в незапамятные времена.

На Алтае ситуация усугублялась бурханистским движением, заявившем о себе к 1904 г. Оно явилось следствием консолидационных процессов, приведших к формированию нового этноса — алтай-кижи. Как известно, в период сложения этноса, его стремление противопоставить себя другим, уже существующим, может быть очень категоричным. В Горном Алтае этническое обособление обострялось сменой идеологии: на смену шаманизму резко и повсеместно (кроме юго-восточных и северных районов) пришел бурханизм. Наложение этнического и конфессионального факторов усилило обособленность нового этноса, его противопоставление всем «другим» — в том числе и русским [7]. Упомянутые выше политические цели обусловили в тридцатые годы и переоценку бурханизма исследователями, а вместе с ними и местными властями. К сороковым годам Л.П. Потанов окончательно оформил новую характеристику и оценку этого общественного явления: бурханизм — движение антирусское, националистическое по содержанию и прокитайское (1933 г.), а затем прояпонское (1940–1980 гг.) по направленности [8, с. 348; 9, с. 46]. Так и только так должно стало рассматривать бурханизм и в начальный период этого движения, и в последующие годы его бытования, четко увязывая его с насильственным переустройством Алтайского общества (в частности, с коллективизацией, когда наблюдалось известное оживление бурханизма). Соотнесем эту научную концепцию с партийно-сталинской директивой о коллективизации и усилении классовой борьбы, об усилении национализма; со сложной внешнеполитической обстановкой тех лет, — и станет ясно, как спор, казалось бы, научный, напрямую внедряется в жизнь алтайцев. Последствия этого оказались печальными, а зачастую трагическими. Тот, кто исполнял бурханистские или связанные в прошлом с бурханизмом обряды, автоматически становился «японским шпионом», «буржуазным националистом». Поскольку же бурханизм был воспри-

нят, практически всеми коренными обитателями Центрального и Западного Алтая, обвинение могло быть предъявлено (а часто и предъявлялось) каждому. Реминисценции всеобщего страха проявлялись наглядно еще в восьмидесятые годы: стоило завести речь о бурханизме, собеседник снижал и замыкался.

Показательно, что предтечей этой, укрепившейся в советской этнографии и сослужившей нужную службу большевистскому режиму оценки бурханизма, явилась точка зрения Алтайской духовной миссии (да и сам постулат о прояпонских устремлениях бурханистов был пущен в оборот ее деятелями). Именно из миссионерских документов следовало, что бурханисты, якобы, стремятся вывести Горный Алтай из состава России под протекторат Японии, а само бурханистское движение миссионеры считали искусственно подготовленным монгольскими ламами [10, 11]. Преемственность до- и послереволюционных воззрений на одно и то же явление отнюдь не кажется противоестественной, если вспомнить об извечно державных позициях русской православной церкви, как института, и об имперских интересах и притязаниях советского тоталитарного режима. В 1906 г. ошельмовать бурханистов не удалось. Усилиями демократических кругов (Г.Н. Потанин, Д.А. Клеменц, В.Г. Короленко и др.) и честных юристов, бурханисты были оправданы, а обвинение было опровергнуто на двух процессах (основном в 1906 г. и кассационном в 1909 г.; а ведь это были далеко не самые мягкие годы в истории России). Вольно или невольно, советская этнография тридцатых-сороковых годов сомкнулась с позицией наиболее реакционных, повиннистических слов Российской империи, с позиций верхов Алтайской духовной миссии, именовавшей себя «форпостом русской колонизационной политики на Алтае».

После того, как в 1936 г. было заявлено, что социализм в СССР в основном построен, алтайская этнография, по существу, отказалась от рассмотрения каких-либо, не вписывающихся сюда, явлений. Реально функционирующие социальные отношения в лучшем случае объявляются пережитками прошлого, исчезновение которых уже запрограммировано и является лишь вопросом недалекого времени. Это сужало базу и тематику этнографических исследований, не давало возможности выявить модификации традиционных этнокультурных компонентов, выхолащивало сохранившуюся на первых порах позитивно-практическую направленность науки: этнография перестала быть этнологией, она была лишена возможности, а потом и навыков выявления объективных этнополитических тенденций в регионе, равно как и прогнозирования межна-

циональных отношений, разного рода сложностей в этой сфере. Между тем, это было чрезвычайно важно вообще, а для территорий, где, как в Горном Алтае, непрерывно проходил процесс этногенеза и, соответственно, рост национального самосознания, — особенно важно.

Как бы то ни было, копейным результатом одностороннего и политически ангажированного развития алтайской этнографии является установление и бытование в ней с тридцатых годов единой и всеобъемлющей точки зрения на все события и процессы, протекающие среди коренного населения этой горной страны. Практически, ни в чем кардинальном эта единственная концепция за 50 с лишним лет не пересмотрена, а конкретное воздействие науки на этносоциальную (тем более, этнополитическую) ситуацию, в сущности, равно нулю и застой этот по настоящему не ликвидирован по сей день.

В ходе укрепления этой своеобразной монополии советская этнография понесла невосполнимые утраты. Еще в самом начале, не успев реализовать своих возможностей, от научной деятельности были устранены Н. Дыренкова, Л. Каруновская, А. Данилин и др., репрессирован Л. Мамет. Случилось так, что оценка всех (или почти всех и не только кардинальных) вопросов этнографии Горного Алтая принадлежит Л.П. Потапову, мнения и гипотезы которого со временем и не без старания эпигонов, приобрели форму некой априорной истины, под которую подгонялись (или вообще изымались) «неудобные» факты.

С сожалением приходится признать, что советская этнография из науки, воспитывающей интерес к другим народам, уважение к их (и своей) культуре, высокогуманная по своему призванию (создание доверия между народами, применение результатов научного исследования в практических позитивных делах и т.п.), во многом превратилась в служительницу партгосаппарата и, отказавшись от лучших традиций прежней отечественной этнологии, потеряла себя. Свинцовый пресс социально-экономического детерминизма безжалостно и быстро душил любые перспективные, неординарные начинания, время от времени заявлявшие о себе.

Вот почему рост межнациональной напряженности во второй половине восьмидесятых годов застал отечественную этнографию врасплох: она оказалась в целом не способной к тому, чтобы оперативно предложить действенную программу по смягчению этнополитической ситуации и ликвидации разного рода спекуляций на этой почве. Отказ от тоталитарной системы, от всевластия партгосноменклатуры, дал реальный шанс снова возродиться этнографии — этно-

логии как науки об этносах во всех их жизненных проявлениях. Насколько оправдана эта надежда — покажет время.

Примечания

1. Сибирская Советская Энциклопедия. — Т. 1. — Новосибирск, 1929. — С. 402-404.
2. Эдоков Л.М. Автономная Ойротия // Советская Азия. Кн. 3-4. — М., 1931. — С. 209.
3. Славнин Д.П. Устное сообщение 1976 г. Томск.
4. Цит. по: Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. — Новосибирск, 1948. — С. 295.
5. Каргер Н.К. Очередные задачи этнографии на Севере // Советская Азия. Кн. 3-4. — М., 1931. — С. 237.
6. Ленин В.И. КПСС о борьбе с национализмом. Документы и материалы. — М., 1985. — С. 219.
7. Шерстова Л.И. Алтай-кижи в конце XIX — начале XX в. История формирования этноконфессиональной общности // Автореф. канд. дисс. — Л., 1985. — С. 9-16.
8. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. — М.-Л., 1953. — С. 348.
9. Тадысв П.Е. Реакционная сущность шаманизма и бурханизма. — Горно-Алтайск, 1955. — С. 46.
10. Государственный архив Томской области. Ф. 10. Оп. 11. Д. 15. Л. 51, 427, 420 об., 440 об., 442, 432.
11. Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев. — Новосибирск, 1984. — С. 82-83.

Список опубликованных работ А.Р. Кима

1. К вопросу о происхождении кызыльцев (по краниологическим данным) // Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974–1975 гг. (Май, 1976 г.). — Душанбе, 1976. — С. 34.
2. Материалы к краниологии кызыльцев (предварительное сообщение) // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск, 1978. — С. 208–216.
3. Материалы к краниологии телеутов // Вопросы археологии и этнографии Сибири. — Томск, 1978. — С. 151–163.
4. Краниологические коллекции Кабинета антропологии Томского университета / Составители: В.А. Дремов, А.Р. Ким. — Томск, 1979. — 120 с.
5. О расовой дифференциации тюркоязычных групп Южной Сибири // Проблемы современной антропологии. — Минск: Наука и техника, 1983. — 52 с.
6. Дерматоглифические данные и проблема происхождения телеутов // Полевые исследования Института этнографии. 1979. — М.: Наука, 1983. — С. 186–192. (В соавторстве с Г.Л. Хить).
7. Об информативности различных систем антропологических признаков (краниометрия и дискретные вариации черепа) // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири / Тезисы докладов и сообщений к научной конференции. — Барнаул, 1983. — С. 53–56. (В соавторстве с В.А. Дремовым и А.Н. Багашевым).
8. Антропологический состав населения западносибирской лесостепи в эпоху позднего средневековья // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий / Тезисы докладов областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. — Омск, 1984. — С. 23–27.
9. Материалы к краниологии шорцев и кумандищев (предварительное сообщение) // Западная Сибирь в эпоху средневековья. — Томск, 1984. — С. 180–195.
10. Southern Ties of the Ob Ugrians and Samodians according to Craniological Data // Шестой Международный конгресс финно-угроведов / Тезисы. Том IV. Этнография, археология, антропология. — Сыктывкар, 1985. — С. 165. (В соавторстве с В.А. Дремовым).
11. Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1986. — 17 с.
12. Антропологический состав населения Обь-Иртышского междуречья в древнетюркское время // Бараба в тюркское время. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 129–163. (В соавторстве с Т.А. Чикишевой).

13. Расогенетические связи населения Горного Алтая в первой половине I тыс. н.э. // Тюркология-88: Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции (7-9 сент. 1988 г.). — Фрунзе: Илим, 1988. — С. 581-582.
14. Южные связи обских угров и самодийцев по данным краниологии // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. — Т. I. — М.: Наука, 1989. — С. 168-170. (В соавторстве с В.А. Дремовым).
15. Anthropological Composition of the Barabinsk Tatars (on the Question of Ugro-Samodian Links Craniological Research) // Congressus septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen, 27. VIII-2.IX.1990. Summaria Dissertationum. 26. Ethnologica et Folklorica. Literaria. Historica, Archaeologica et Anthropologica. — Debrecen, 1990. — С. 166.
16. Антропологический состав населения Барабы в позднем средневековье // В.И. Молодин, В.И. Соболев, А.И. Соловьев. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 249-260.
17. Раскопки аварийных памятников в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая / Тезисы докладов и материалов к конференции. — Барнаул, 1990. — С. 87-90. (В соавторстве с В.Н. Владимировым, Ю.Т. Мамадаковым).
18. К палеоантропологии восточной части Горного Алтая в первой половине I тыс. н.э. // Охрана и использование археологических памятников Алтая / Тезисы докладов и материалы к конференции. — Барнаул, 1990. — С. 134-136.
19. Мезиоцистельные размеры зубов у бачатских телеутов (краниологический материал) // Археология Горного Алтая. — Барнаул, 1994. — С. 8-11. (В соавторстве с Л.Н. Смердиной, Г.А. Кошкиным).
20. Craniology of Western and Southern Siberian Peoples-Korean Ancient Historical Societu Seoul, Korea, 1994. — 5. — С. 347-365. A.N. Bagashev, A.R. Kim.
21. Materials on Craniologi of the Shorts and Kumandins. — Scoul, Korea, 1995. 5. — С. 603-614.
22. Погребения из Нижнечетыкескенской пещеры I — первая афанасьевская могила на территории Горного Алтая / Археология Нижнечетыкескенской пещеры I (Алтай). — Барнаул, 1995. — С. 95-117. (В соавторстве с Т.А. Чикишевой).
23. Мезиодистальные размеры зубов у бачатских телеутов (краниологический материал) // Археология, антропология и этнография Сибири. — Барнаул, 1996. — С. 19-24. (В соавторстве с Л.Н. Смердиной).

Содержание

<i>В.Н. Владимиров.</i> А.Р. Киму.....	5
<i>В.А. Дремов, Э.Л. Львова.</i> Памяти А.Р. Кима (1946–1993).....	7
<i>Ю.Ф. Кирюшин.</i> Аркадий Романович Ким.....	9
<i>В.И. Молодин.</i> Аркадий	13
<i>Л.Н. Смердина, А.Р. Ким.</i> Мезиодистальные размеры зубов у бачатских телеутов (краниологический материал).....	19
<i>О.Б. Беликова.</i> Материалы А.Р. Кима по археологии Чулыма (поселение Малиновский Борик-1)	25
<i>А.П. Деревянко, В.Т. Петрин.</i> Стратиграфия палеолита южного Хангая (Монголия).....	31
<i>Ли Хонджон.</i> К вопросу о зарождении микропластинчатой техники в северо-восточной Азии.....	48
<i>Г.И. Нохрина.</i> Сосуды-тигли с энеолитических памятников Южного Урала	52
<i>Н.Ф. Степанова, С.В. Цыб.</i> Погребение эпохи бронзы у с. Кара-Коба	59
<i>В.В. Бобров.</i> Охранные раскопки могильника поздней бронзы Журавлево 1	64
<i>О.Н. Горюнова.</i> Поздний бронзовый век на территории Прибайкалья.....	82
<i>О.М. Рындина.</i> Комплексная природа орнамента и методика ее исследования	97
<i>П.И. Шульга.</i> Поселение Чепоп-2 на средней Катунь	106
<i>А.Л. Кунгуров, А.А. Тишкин.</i> Результаты исследования памятника эпохи раннего железа Усть-Иштровка 1 на Алтае....	124
<i>М.Т. Абдулганеев.</i> О хозяйстве населения лесостепного и предгорного Алтая в скифское время.....	145
<i>Т.Н. Троицкая.</i> Местные пояса населения верхнеобской культуры	154

С.В. Неверов, В.В. Горбунов. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-1	163
Д.Г. Савинов. Погребения сrostкинского могильника (по материалам раскопок М.Н. Комаровой, 1925 г.)	192
Тэцу Масумото. О фрагментах мраморных табличек с иероглифами, найденных в окрестностях города Абакана в Южной Сибири	207
Л.М. Плетнева. Погребение в каменном ящике из Коларовского могильника	221
Ю.С. Худяков, Ю.А. Плотников. Изучение археологических памятников Алтая (II тыс. н.э.)	227
С.С. Тур. К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы	237
Л.Я. Шерстова. Советская национальная политика в Горном Алтае и отечественная этнография: эволюция, цели, результаты	250
Список опубликованных работ А.Р. Кима	260

Археология, антропология
и этнография Сибири

*Сборник, посвященный памяти
антрополога А.Р. Кима*

Редактор Ю.Ф. Кирюшин
Технический редактор Д. Колдаков

Сдано в набор 1.01.1996
Подписано к печати 1.07.1996
Формат 84×108/32. Бумага тип 2.
Печать офсетная. Гарнитура SchoolDL
Тираж 300. Заказ 587
Типография изд-ва АГУ
г. Барнаул, Димитрова, 66